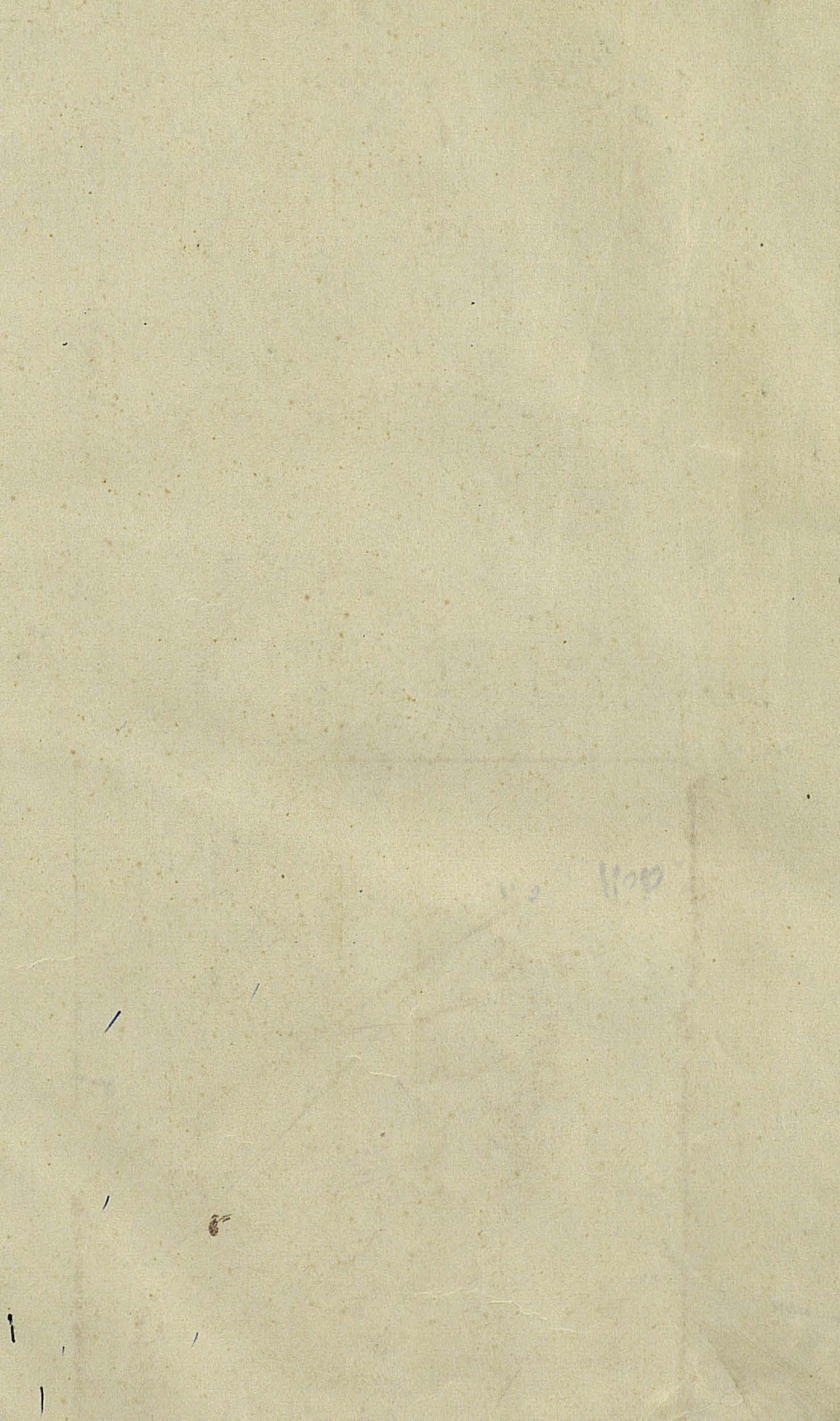

[illegible]

БЫТЪ ЗАПАДНО-РУССКАГО СЕЛЯНИНА.

сочиненіе

ЮЛ. Ѳ. КРАЧКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1874.

БЫТЪ ЗАПАДНО-РУССКАГО СЕЛЯНИНА.

СОЧИНЕНІЕ

ЮЛ. Ѳ. КРАЧКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійских при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1873 г. кн. 4-я.

БЫТЪ
ЗАПАДНО-РУССКАГО СЕЛЯНИНА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Свадьба—одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни человѣка, по тому, нужно думать, характеръ крестьянина нигдѣ не обрисовывается такъ выкупно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь вы встрѣчаетесь съ длиннымъ рядомъ приличій, примѣтъ, заговоровъ, приговоровъ и разныхъ, обрядовъ, основанныхъ на суевѣрныхъ вѣрованіяхъ, и сохрани Богъ, опустить, не сдѣлать чего ни будь изъ того, что, какъ святыня, передавалось изъ рода въ родъ исполнялось при отцахъ и дѣдахъ, «давнымъ давно бувало;» постоянныя несчастія, вѣчныя неудачи, а пожалуй и неблагословеніе Божіе будутъ преслѣдовать, по мнѣнію селянъ, до гробовой доски такого нарушителя сѣдой старины. Впрочемъ, въ настоящее время, многое селянами оставляется, не исполняется. Теперь, какъ говорятъ они, «новый свѣтъ;» старина уступаетъ ему свое мѣсто. Книга, школьная лавка, образованіе, играютъ въ этомъ не послѣднюю роль. Что мы будемъ говорить, нужно относить преимущественно ко времени до 1868 — 69 года, когда мы собирали настоящія данныя.

Свадьба въ сельскомъ быту не дѣло прихоти, роскоши и менѣе всего имѣетъ въ виду удовлетворить какому ни будь внутреннему чувству, любви. Селянину - хозяину, или если онъ намѣренъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, плохо жить своимъ домомъ безъ хозяйки; даже и безъ этого появленіе въ семьѣ новой, здоровой, молодой, силы составляетъ уже важное пріобрѣтеніе: работа можетъ пойти скорѣе, «дружнѣе:

Ой часъ, пора, мати,
Дружины шукати,
Посѣявъ я жито,
Нема кому жати,
Иде ночка темна,
Ни съ кѣмъ розмовляти.

— «Ой машь ты, сынку,
Коня вороного,
Пôйди до стаеньки,
Розмовляй до ёго;
Дай коневѣ сѣна
По самы колѣна,
Дай ёму оброку
До самого боку.
— Ой кôнь оброкъ изъѣсть,
На сѣновѣ ляже,
А мнѣ, молодому,
Правдоньки не скаже.

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ.)

Или:

Ой у тебе, коню,
Жовтый хвôстъ и грива,
Бѣжи дорогою,
Де моя дѣвчина!
— «Вже тая дорога
Черетомъ заросла,
Вже тая дѣвчина
Давно замужъ пôйшла.
Ой пôйшли косари
Той череть изжали,
Вже твою дѣвчину
Инши хлопци взяли.»
— Я тую дорогу
Рожею отычу,
Я свою дѣвчину
И къ собѣ приклычу.

Или:

Дубъ на березу чого похилився?
Молодый Козаче, чого зажурився?
«Я зажурився, що не оженився.
Жени мене, мати, сына молодого,
Коли не оженишь, я самъ оженюся.
— До колядъ, сынку, до колядъ, Васильку!
— «Ой далеко, маты, колядовъ чекати.

Ой посѣю жита, не съ кѣмъ позбѣрати;
Накосивъ я гречки, не съ кѣмъ позвязати;
Осѣнная нѣчка, не съ кѣмъ розмовляти.»
— Ой до коня, сынку, до коня, Васильку!
— «Ой я до коника, коникъ не говорить,
Ой я до сивого, сивый не промовить.»

(Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zienkiewicz, str. 284.)

«Будземъ женицъ сына, бо работы много,» разсуждаютъ обыкновенно родители селяне. «Кали я ее всю параблю?» продолжаетъ хозяйка. «Треба, якъ той казавъ, и пашицъ и другое дещо что ни будзь зробицъ. Ты бачишъ, що я адна кидаюся, кидаюся, а памачи некому; добро да гатуль я гаровала, а цяперь уже выбилась съ силы; да па докуль же мнѣ и быцъ дужой!»

(Чересы, Диснен. Уѣзда Вил. Губ.)

Стало быть, пріискивая невѣсту, болѣе всего обращаютъ вниманіе на то, чтобы она не была, что называется, бѣлоручка, была бы работящая, здоровая, и тѣмъ лучше, если при этомъ еще съ достаткомъ. Обращать, впрочемъ, вниманіе на деньги считалось признакомъ барства, пребыванія во дворѣ у помѣщика, заслуживало презрѣнія. Въ пѣсни поется:

Кабъ цябе спалила маланка!
Чаму не хочешь Сцяпанка?
Ци іонъ цябе ня кахае,
Ци іонъ розуму ня мае?
— «Дакъ што жъ, що іонъ мяне кахае,
Кали іонъ гроши ня мае?
Кали іонъ ня мае гроши,
И самъ ня вельми хорошій?»
Кабъ цябе спалила маланка,
Що грошъ любишь, ня Сцяпанка?
Не дармо дворски хлѣбъ ѣла,
Паняй быцъ захацѣла!

(Piosenki wieśniackie znad Niemna i Dzwiny, str. 123—124.)

Или:

Да у мѣсяца два ражки крутые,
Да Янечки два браты радные;

Адзинъ брахна каня сядлаець,
А други брахна яго научаець:
«Да будзь, брэхна, разумненьки,
Да паѣдзешь, брахна, у чужіе людзи,
Выйдзець къ цябѣ танокъ дзѣвокъ;
Ня бяри таей, што у залоцѣ,
Да бяри тую, што у разумѣ;
Мы залота у крамѣ дастанемъ,
Мы разуму свайго ня уставимъ.»

(Opisanie powiatu Borisowskiego, str. 300; ср. 356.)

При всемъ богатствѣ Козака на него «неславонька,» по словамъ пѣсни, «за то, щo робити не знае.»

(Сбор. пам. нар. тв. CXXXIII.)

Въ слѣдствіе токого установившагося взгляда на свадьбу, сама она не должна совершаться въ такое время, когда служила бы помѣхой для работы въ хозяйствѣ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы на свадьбѣ былъ во всемъ достатокъ, а, пожалуй, даже и излишество. По общему вѣрованію, если свадьба совершалась при торжественной, богатой, обстановкѣ, то и молодые въ своей жизни не будутъ чувствовать нужды. Такимъ образомъ, время между Покровомъ Пресвятыя Богородицы и первою недѣлею Филиппова поста почитается у селянъ самымъ благопріятствующимъ для свадебъ (Ср. Opis. Pow. Boris. str. 347.) Тогда всѣ полевыя работы покончены и есть болѣе, или менѣе, достатокъ во всемъ; это время селяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ «богатымъ» и не рѣдко прибавляютъ: «Слава Богу! Есть за что горѣлки купить; можно сына женить.» — «Осенью и коркюшки (кусокъ бревна) — мясо» говорятъ они въ томъ смыслѣ, что вездѣ всего вдоволь и за нужнымъ не придется ходить за тридевять земель, въ тридесятое царство.

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Тревожнѣе, сильнѣе, прежняго начинаетъ биться сердце молодой дѣвушки невѣсты, по мѣрѣ приближенія осенняго, зимняго, времени, что по тому это обычная свадебная пора. Много не глубокихъ, но сердечныхъ, думъ передумала она о своей долѣ. Наскучило, надоѣло, ей быть постоянно въ услуженіи у своихъ родителей; не нравится ей эта половинная, какъ бы несамостоятельная, жизнь, и ей, смотря на другихъ, самой хотѣлось бы быть

полной хозяйкой, и она, подобно птичкѣ въ клѣткѣ, рвется, не вырвется, въ эту очаровательную область свободы, съ которою давно, очень давно, познакомили ее пѣсни. Слова пѣсни въ ея устахъ могутъ быть приняты въ настоящемъ случаѣ въ буквальномъ смыслѣ за сердечное изліяніе ея собственныхъ чувствъ. Сельская дѣвушка не находитъ для себя болѣе приличной, болѣе умѣстной и соотвѣтственной, формы для выраженія своего внутренняго состоянія какъ:

Горе мое, горе, несчасная доля,
Поорала дѣвчинонька мысленьками поле,
Чорными очима да й заволочила,
Друбненькими слезоньками все поле зросила!
Цвѣте гречка, цвѣте, да й цвѣтъ опадае:
А вже жь мене муй миленькій на вѣкъ покидае.
Ой летѣла птиця, роспустивши крыльця:
Ахъ нема и не буде мого чорнобровця!
Ой летѣла пава, въ садоньку упала:
Ахъ нема и не буде, кого я кохала!
Ой ты, сивый орле, высоко летаешь,
Возми жь мене на свы крыльця, занеси, де знаешь!

(Сбор. пам. нар. творч. пѣсня XXXI.)

Ня хадзи, Косю, у зяленый садъ,
Ня пей, Косю, ключевой вады,
Ня ѣшь, Косю, зяленой травы!
У ключа дзѣвка умывалася,
Красоцѣ сваёй дзивавалася:
— Красата ты моя, красотушка!
Да каму, красата, ты дастанешься:
Чи дварянину, чи мѣщанину,
Чи гетому гостю пріѣзжему?
— «Ни дварянину, ни мѣщанину,
Ни гетому госцю пріѣзжему —
Грабавымъ даскамъ, жовтымъ пясочкамъ.

(Тамъ же, пѣсня XXXIX.)

По садоньку похожаю,
Сама себе розважаю,
На доленьку нарѣкаю:

Нема того, що кохаю,
Нема, нема, и не буде,
Одраила вражи люде,
Одраили, одмовили,
Щобъ мы въ парѣ не ходили
И другъ дружка не любили!
Ой пойду я до болота,
Тамъ плаваютъ каченята:
Одно друге погоняе,
Кожне собѣ пару мае;
На що въ мене только кары,
Що мнѣ не давъ Господь пары,
А ни пары, ни пароньки,
А ни счасця, ни доленьки!
Пойду зъ горы утоплюся,
Чи о камень розобьюся,
Нехай люде переймають,
Якъ безъ счасця пропадають!

(Радованичи, Грод. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Много, конечно, и другихъ пѣсенъ поютъ дѣвушки въ настоящемъ случаѣ; мы привели только нѣкоторыя для образца.

Сельскія дѣвушки не предаются одному безнадежному ожиданію. Правда, онѣ очень часто поютъ:

Ой не видно того села, только выдно поле:
Ой Богъ знае, Богъ вѣдае, де мое буде горе.
Ой не видно того села, только видны кресты:
Ой туды мнѣ любо, мило, оченьки подвести.
Ой не видно того села, только видно грушу:
Якъ я гляну въ ту сторону, то й плакати мушу.

Чтобы, однако, сколько ни будь уяснить себѣ свою неизвѣстную, туманную, будущность, узнать, по крайности, мѣсто жительства будущаго мужа, дѣвушки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при каждомъ удобномъ случаѣ гадаютъ о своемъ суженомъ,-ряженомъ. Канунъ Новаго Года извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Богатой кутьи,» или «Щедрого вечера.» Въ это время, съ одной стороны, можно безъ спросу, тайкомъ, брать взаимно разныя вещи, конечно,

съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ на слѣдующій день: чѣмъ ловчѣе совершится это похищеніе, тѣмъ болѣе чести похитителю. Дѣвушки стараются брать вещи у парней. Ложась спать, онѣ кладутъ эти вещи себѣ подъ голову. Если они приснятся имъ, это считается хорошимъ признакомъ; съ другой—устрояется, по возможности, роскошный ужинъ (богатый); къ ужину, между прочимъ, готовятъ и кашу, которую при вареніи мѣшаютъ нарочно приготовленною лопаткой (у селянъ—«копыстью»). Дѣвицы берутъ эту «копысть,» на которой, конечно, находятся остатки каши, выходятъ съ нею на улицу и начинаютъ очищать ее. Если въ это время залаетъ собака, то, по мнѣнію селянъ, это вѣрный признакъ, что въ томъ мѣстѣ есть женихъ. Прибѣгаютъ и къ другому средству: берутъ башмакъ и со всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу; потомъ разсматримаютъ, куда обращенъ онъ своею переднею стороной: тамъ, значитъ, придется быть за мужемъ (обычай, кажется, общерусскій). Еще: берутъ три сосуда: подъ одинъ кладутъ хлѣбъ, подъ другой—щетку, а подъ третій—кольцо. Одной изъ присутствующихъ дѣвицъ, невѣстѣ, завязываютъ глаза: она должна подойти къ которому ни будь сосуду, и вынуть положенную туда вещь. Если попадетъ на сосудъ, подъ которымъ находится кольцо, ей, значитъ, придется выйти замужъ за «молодца;» если возьметъ сосудъ съ хлѣбомъ, — выйдетъ за «богатаго;» въ послѣднемъ случаѣ въ женихи дѣвушка должна ожидать для себя «вдовца.»

(Докшицы, Борис. Уѣзда Минск. Губ.)

Нужно замѣтить, что дѣвушки вообще боятся имѣть мужемъ вдовца. Имъ думается, что вдовецъ ужь непремѣнно злой человѣкъ, пьяница, разбойникъ, человѣкъ безъ всякихъ мягкихъ, нѣжныхъ, чуствъ. Вотъ какъ поютъ онѣ по этому случаю:

Не дай мене, моя матонька, за вдовця,
Бо вôнъ выпоре нашиваннечко зъ рукавця;
Выпоровши, до корчмоньки занесе,
Пришовши зъ корчмы, за головоньку потрясе.

(Озяты, Кобрин. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Балицъ мая галоука адъ вѣнца,
Ня аддавай, мой татечка, за удауца,

Аддай мяне, мой татечка, у сямью,
У сямьи есць парадачекъ усяму:
У истопки таучи, малоць — залоуки,
Дзяжу мясиць, хату тапиць — ятроуки,
А у криницу па вадзицу — я, маладая.

(Opis. Boris. pow. str. 332.)

Но такъ какъ этотъ вопросъ для дѣвушекъ составляетъ вопросъ жизни и смерти, и такъ какъ опытъ говоритъ имъ, что нѣкоторымъ все таки приходится выходить за вдовцевъ, слѣдовательно, такъ уже на роду написано, такая ужь доля, то, чтобы хотя нѣсколько успокоить себя съ этой стороны, онѣ опять прибѣгаютъ къ гаданiямъ. Въ тотъ же самый «Богатый» или «Щедрый вечеръ,» отыскиваютъ большой заборъ, сдѣланный изъ частокола, въ которомъ по меньшей мѣрѣ, было бы 100 кольевъ. Нашедши такой заборъ, начинаютъ гадать. Способъ гаданiя очень простой. Первый попавшiйся колъ называютъ «молодецъ,» а слѣдующiй за нимъ «вдовецъ;» третiй опять «молодецъ,» а четвертый «вдовецъ» и т. д. Если послѣднiй колъ будетъ «вдовецъ,» быть, значитъ, гадающей дѣвушкѣ за «вдовцомъ;» въ противномъ случаѣ ея женихъ будетъ «молодецъ.»

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Любопытство дѣвушки на этомъ не останавливается: оно не знаетъ предѣловъ, и ей хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, въ мечтанiи, во снѣ, увидѣть своего любезнаго дружка. И для этого услужливыя бабушки придумали вѣрное, по ихъ мнѣнiю, средство. На пятой недѣлѣ Великаго Поста, въ Среду, вечеромъ, когда читается Канонъ Св. Андрея Критскаго, дѣвки, собирающiяся гадать о своемъ миломъ, отправляются, вмѣстѣ съ другими, въ церковь: усерднѣе обыкновеннаго начинаютъ онѣ молиться Богу, чтобы, такимъ образомъ, призвавъ его въ помощь, лучше успѣть въ своемъ предпрiятiи. Самое это Богослуженiе извѣстно въ народѣ подъ именемъ «Андреева достоянiя.» По окончанiи Богослуженiя дѣвки возвращаются по домамъ, и тутъ, ложась спать, разсѣваютъ на своей постели заблаговременно приговленную «горсть льнянаго, или коноплянаго, сѣмени;» при этомъ дѣвушка говоритъ слѣдующiя слова: «На тебе, Святый Андрiю. ленъ сѣю; Дай, Боже, знати, съ кѣмъ буду горе горевати!» Теперь онѣ засыпаютъ въ

полной увѣренности, что имъ въ эту ночь непремѣнно явится во снѣ ихъ суженый. Для большаго успѣха въ дѣлѣ любви, дѣвушки и парни обращаются иногда къ ворожеямъ—Цыганкамъ и у нихъ просятъ помощи. Въ пѣснѣ поется:

Цыганы стояли,
А мѣжъ тѣми Цыганами
Цыганка воружка,
А до теи Цыганочки
Бытая доружка.
— Цыганочка, ворожењко,
Учини мнѣ волю:
Чи не стане дѣвчинонька
До шлюбу зо мною?—
Цыганочка, вороженька,
Волю учинила,
Сывому кониковѣ
Гриву устригла.
— Бодай тебе, дѣвчинонько,
Вся семья любила!
Коню мôй, коню,
Золотая грива,
Бѣжи, мôй коню,
Де моя мила!

(Сборн. пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ CXXXIII; ср. XXV.)

Впрочемъ, подобныя свои стремленія, внутреннія задушевныя тайны, дѣвушки, по возможности, стараются спрятать, скрыть отъ глазъ, зорко слѣдящихъ за ними «молодцовъ;» если послѣдніе забываются иногда, выказываютъ свое предъ ними преимущество въ замужествѣ указываютъ для дѣвушки единственное спасеніе, то, въ отвѣтъ на это, они всегда услышатъ пѣсню, гдѣ выставляется тяжелая сторона брака, неразлучныя съ нимъ заботы, хлопоты:

Не руби сосны, бо не хилитця:
Не пôйду замужъ, бо не хочетця.
Зрубали сосну, похилилася:
Якъ вышла замужъ, зажурилася.

Или:

Ой у качора да злоте перо,
А у павоньки влосы:
Ой не заживеть жадна невѣста
Да у всёсенькôй роскоши.
Свекерко ходить по новыхъ сѣняхъ,
Невѣсту обучае:
—Встань, невѣсто, встань, молодая,
Уже двое курей пѣло!
Невѣста встала, да заплакала,
Рученьки заламала:
— Ахъ, Боже мôй да малюсенькій!
Чого же жь я да дочекала?
У матули была, якъ рожа цвѣла,
На всякôй роскоши: курей не чула,
Зоревъ не знала, робота пороблена:
А якъ пришла да до милого,—
На великое горе куры почула,
Зори познала, робота не зроблена!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССП; ср. CCXLIX.)

Но во всякомъ случаѣ, желаніе выйти поскорѣе замужъ составляетъ одно изъ завѣтныхъ, сердечныхъ, желаній каждой дѣвушки. «Хвартуше, злый душе, говорить поговорка; просымо Бога я и ты, щобъ хучій мнѣ замужъ пойты. (Радованичи— Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.) «Новое сытко на колочку висить;» и по тому дѣвушки въ высшей степени недовольны бываютъ своими родителями, если тѣ, по какимъ ни будь соображеніямъ, откладываютъ время ихъ свадьбы. «Одложивъ хвôстъ (говорятъ о собакѣ), якъ батько весêлля на пôстъ,» слышится отъ нихъ часто по этому случаю. Дѣвушки страшно боятся заслужить укоризненное названіе: «Дѣвоцькій Король,» и ужь тутъ не бываетъ обыкновенно никакого разбора при выборѣ жениховъ:

Сякій, такій, мужичина,
Абы дрова, не лучина;
Сякій, такій, абы бувъ,
Хлѣба й соли роздобувъ!...

Или:

Хочь за вола, абы дома не була...

Или:

Святая Покровонько,
Накрый менѣ головоньку,
Та хочь бы вже и онучью,
Най ся довго дѣвкой не мучу!

Мы сказали уже, что осеннее и зимнее время возбуждаетъ отрадныя, утѣшительныя, надежды. Примѣнительно къ этому существуютъ разнаго рода поговорки и даже своеобразныя молитвы. Съ Сентября мѣсяца начинаетъ слышаться между дѣвушками: «Иванъ Богуславъ (Іоаннъ Богословъ—26 Сент.) дружки (по другимъ—дѣвоснубы) розославъ, а Покрова—дѣвка готова.» Особенно праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы (1-го Октября), и вообще Богородичные праздники (въ осеннее и зимнее время) пользуются большимъ уваженіемъ у дѣвицъ. На Покровъ онѣ не рѣдко ставятъ свѣчи передъ образомъ, приговаривая: «Святый Покровъ! Покрывъ землю и воду, покрый и мене молоду! (Озяты Кобр. Уѣзда Гродн. Губ.). Или: «Св. Покровъ! Покрый землю листомъ, а мене, молоду, чепцомъ!» (Дисн. У.), и стараются провести этотъ день въ возможномъ весельи, въ той мысли, что «Покровъ весело провести, значитъ дружка знайсти.»

Прим. У всѣхъ Славянскихъ народовъ соединяется такое значеніе съ этимъ праздникомъ. «Батюшка Покровъ, говорятъ въ Великороссіи, покрой сыру землю и меня молоду! Другіе говорятъ: «Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ: не меня ли молоду замужъ снаряжаетъ?» Или: «Ты Покровъ, Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнною ити на чужую сторону!» Введенье, Мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку!» Срѣтенье, Мать Богородица, всрѣть меня на чужой сторонушкѣ!)

Вопросъ о женитьбѣ въ сельскомъ быту поднимается снизу. Родители дали дѣтямъ жизнь: они должны позаботиться и обставить ихъ въ жизни, должны подумать и о миломъ для нихъ дружкѣ. Сами родители, селяне, смотрятъ такъ на свою задачу, и рѣдко она поставляется иначе. Сынъ достигъ совершеннолѣтія, и родители надумали женить его. Конечно, если нѣтъ родителей, то о женитьбѣ подумываетъ онъ самъ, совѣтуясь съ своими родственниками. Объявивъ сыну о намѣреніи женить его, родители иногда спрашиваютъ у него, не имѣетъ ли онъ на примѣтѣ для себя невѣсты? Получивъ утвердительный отвѣтъ, они говорятъ ему:

Оженися, сынку, вазьми сабѣ жонку,
Вазьми сабѣ жонку хоць вдавину доньку;
Только самавольницы ня бяри,
И нашой хаты ня разари,
А бяри ты работницу,
Каторая бы домъ свой шановала,
Домъ свой сберегала,
А не то, чтобы спиной уголъ падпирала,
И насъ старыхъ за воротникъ на бѣлъ свѣтъ вытолкала!

(Чересы Дисн. Уѣзда Вилен. Губ.).

Или:

А усѣ луги пакуошоны,
А муоє сѣно убрато,
Пытаєцця сынъ матуоньки,
Куоторую узяци?
—Ой чи тую, матуленьку,
Што ручоньки тлусты?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи попере хусты.—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што личенько бѣло?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи напече хлѣба?—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што гладка у тануочку?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи зробить сароучку.—
—Ой чи тую, матуленьку,
Што головка гладка?—
Самъ уважай, людзей пытай,
Чи мецена хатка?

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ СХ.)

Иногда родители считаютъ священнымъ долгомъ указать неопытному сыну, помимо его вѣдома, и невѣсту, которой, быть мо-

жетъ, онъ и не видалъ; о расположеніи, внутреннихъ чувствахъ, тутъ ужь и рѣчи быть не можетъ:

—Янечка маладзеньки,
Куды ты радзишься:
Чи у госци, чи у дарожку?
— Да не самъ я ражуся,
Радзиць мяне мой татечка,
Ни у госци, ни у дарожку,
Къ цесцятку на подворья,
Къ Агатцѣ на застолья.

(Opis pow. Borys. str. 301).

Или:

О Боже мôй да милюсенькій,
Нихто правды не скаже:
Сама я не знаю,
Мнѣ люди не скажуть,
Съ кѣмъ мене матка свяже!

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, пѣсня CCXXXVIII.)

Очень рѣдко подобные браки имѣли хорошія послѣдствія: внутренній разладъ, постоянная нелюбовь, взаимное желаніе избавиться другъ отъ друга, наполняло жизнь такихъ несчастныхъ супруговъ. Вотъ какъ описывается въ пѣснѣ эта мрачная картина:

Няй вяже, да няхай вяже,
Да на сваю нядолю,
А якъ мнѣ придзе
Да и зъ нимъ быци,
То я зъ мосту и въ воду!
— Ой не тапися, моя донюшку,
Бо ты душу загубишь.—
А ще 'мъ бо я, мая матушка,
Да никаго ня любила,
Да кабъ я рочокъ, да кабъ другій,
Да дзѣвкаю пахадзила!
Ой намачивши канапялюшку,
Да треба выцягаци:

А женившись съ вяликимъ нядбайломъ,
Треба вѣкъ прападаци!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ пѣсня CCXXXVIII.)

Или:

Ой ты, сухій дубе,
Чомъ ты не зеленый?
Молодый Козаче,
Чомъ ты не веселый?
— Ой якъ же мнѣ, дубу,
Зеленому бути?
Такъ и мнѣ, Козаку,
Веселому бути!
Чужіи жоночкы
Якъ перепёлочкы,
А моя невдала
Мнѣ свитъ завязала.
Якъ во̂зьму невдалу
За бѣлую ручку,
Та вкыну, невдалу,
У быструю рѣчку.
Якъ во̂зьму, невдалу,
За бѣлыи бокы,
Та вкину, невдалу,
У Дунай глубокій.
— Ой плывы, невдала,
Тыхою водою:
Не було мнѣ житьтя
Доброго зъ тобою!

(Радованичи, Брест. Уѣзда Гродн. Губ.

Если свадьба совершается по обоюдному согласію съ сыномъ, тогда, относительно выбора невѣсты, выполняются разнаго рода мѣстныя обыкновенія, условія. Еще заблаговременно родители просять своихъ знакомыхъ сватать или «раиць» имъ хорошую, трудолюбивую дѣвицу. Кромѣ того, разнаго рода игрища, посидѣлки досвѣтки или вечерницы, побываніе парня въ мѣстечкахъ, или деревняхъ, много способствуетъ ему въ выборѣ будущей подруги

въ его жизни. Прежде всего бываютъ «допыты,» «допытины,» «первая или малая горѣлка,» малые запоины,» «малые заручины.» Кстати замѣтимъ здѣсь, что очень трудно услѣдить все разнообразіе обычаевъ въ разныхъ мѣстахъ. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Мы старались уловить и представить болѣе, или менѣе, общее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Часто одно и тоже въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ различныя названія, Что на пр., у однихъ извѣстно подъ именемъ «допытынъ,» у другихъ совершается подъ именемъ «малыхъ запоинъ,» «малой горѣлки,» «малыхъ заручинъ.» Дѣло, впрочемъ, тутъ не въ названіи.

Обыкновенно бываетъ такъ: мать, или же ближайшіе родственники невѣсты, которые поопытнѣе и умѣютъ говорить побойчѣе, отправляются къ родителямъ намѣченной дѣвушки «въ сваты» цѣль ихъ—просватать своего молодца и съ точностію узнать, согласны ли родители невѣсты и сама невѣста выйти за ихняго жениха. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «въ сваты» родственниками жениха приглашается лицо извѣстныхъ лѣтъ (на пр., 40 лѣтъ). Сватъ помоложе не могъ бы возбудить къ себѣ того довѣрія и вниманія, которое требуется самымъ дѣломъ; сватъ постарѣе былъ бы не въ силахъ выказать той мощи, живости, подвижности, которая требуется при выполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей. Въ цѣломъ селѣ одно и то же лицо бываетъ иногда какъ бы записнымъ уже сватомъ для всего своего околотка: для такой личности названіе «сватъ» дѣлается уже собственнымъ именемъ.

(Борисов. У. Минск. Губ.).

Дѣвушки, которыя поджидаютъ къ себѣ сватовъ, постоянно обнаруживаютъ уже какую-то безпокойную дѣятельность. Особенно это можно замѣчать по четвергамъ и субботамъ, дни, въ которые большею частію открывается сватовство. Чистота комнаты, ея опрятность, обращаетъ на себя большое вниманіе дочериневѣсты хозяина. Самымъ тщательнымъ образомъ моются столы, лавы, полки, домашняя посуда, нѣсколько разъ выметается изба. Дѣвушка-невѣста надѣваетъ бѣлье бѣлѣе обыкновеннаго, тонкое и бѣлое, принаряжается въ бѣлую юбку, подпоясываетъ фартушокъ, а голову повязываетъ платочкомъ, изъ подъ котораго виднѣется коса, заплетенная обыкновенно красною лентой. Нужно стараться, чтобы во всемъ этомъ уборѣ виднѣлась обычная яко бы повседневность.

(Opis pow. Borys. str. 347, 348.)

Отправляясь къ родителямъ невѣсты, сваты берутъ небольшую, въ два, три, фунта булку хлѣба, нѣсколько бутылокъ пива, или водки. Пришедши туда, они начинаютъ вести рѣчь разнаго рода притчами, загадочно, въ родѣ, на пр., слѣдующаго: «Что, вотъ, молъ, у нихъ есть гусакъ, а нѣтъ гуски: не найдутъ ли они послѣдней у нихъ, чтобы такимъ образомъ обоимъ имъ жить вмѣстѣ?» Или же: «Не прибиласьли къ нимъ ихняя уточка, или овечка?» Иногда выражаются и прямѣе: «Нашъ быкъ, говорятъ они, къ вашей телушкѣ привыкъ; какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему быку загнать!» Сватьевъ упрашиваютъ сидѣть: «Спасибо, говорятъ они: дома сидѣли, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ?» Этимъ сваты намѣкаютъ, чтобы невѣсты не засиживались дома въ дѣвушкахъ.

(Озяты Кобр. Уѣзда Гродн. Губ.)

Въ другихъ мѣстахъ сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются подъ окошко, въ видѣ подорожныхъ, и просятся на ночь. Домашніе невѣсты понимаютъ, конечно, въ чемъ дѣло: сначала немного торжатся, отнѣкиваются, говорятъ, что мѣста нѣтъ, а потомъ все таки соглашаются пустить проходящихъ въ домъ. Тамъ, съ согласія хозяевъ, они располагаются обыкновенно возлѣ стола, и сейчасъ начинаютъ вести приточную рѣчь. Одинъ изъ нихъ половчѣе говоритъ, что «они купцы, и слышали, яко бы въ домѣ есть хорошій товаръ, по чему они и зашли посмотрѣть его и купить.» На нихъ, по видомому, никто изъ домашнихъ не обращаетъ вниманія; хозяинъ обыкновенно сидитъ въ «кутѣ» (въ углу, подъ образомъ—самое почетное мѣсто въ избѣ), какъ бы погруженный въ какую-то глубокую думу. Его дочь пуще прежняго начинаетъ суетиться около своихъ занятій, тоже никого и ничего, по видимому, не замѣчая. Только въ концѣ концовъ, когда мнимые купцы, въ поясненіе своей предыдущей рѣчи, прибавятъ, что «у хозяина есть молодая, а у нихъ—молодой; что имъ желательно, чтобы изъ нихъ была пара одна,» дѣло принимаетъ иной оборотъ, все оживляется. Сватьямъ предлагаетса почетное мѣсто, все предлагается къ ихъ услугамъ; невѣста, въ свою очередь, быстро исчезаетъ изъ избы въ другую комнату, или даже къ сосѣдямъ. Главное дѣло сватовъ расхвалить жениха: они и говорятъ теперь о его небываломъ богатствѣ, особенномъ умѣньи работать, неизвѣстномъ почетѣ; однимъ словомъ, выставляютъ его съ самой лучшей стороны: «Такой, молъ, молодецъ, что за горами,

за морями, только и рѣчей, что о немъ.» Въ заключеніе просятъ родителей невѣсты выдать дочь за ихъ парня.

Обыкновенно невѣста поступаетъ въ домъ родителей жениха; иногда бываетъ на оборотъ: когда у родителей невѣсты большое хозяйство, когда сами они уже почетные старики, а между тѣмъ требуется вездѣ наблюдательность, надзоръ и усердный работнкъ, они въ свой домъ принимаютъ жениха. Онъ тогда называется «примакомъ,» и дѣлается полнымъ хозяиномъ.

Расхваливая жениха, сватъ мимоходомъ замѣчаетъ, что вѣдь у хозяина не всѣ дома, намекая этимъ на отсутствіе невѣсты. Нз замѣчаніе свата, женщины, присутствующія въ избѣ, выходятъ и стараются заманить сюда невѣсту. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, имъ наконецъ это удается. При появленіи невѣсты въ избѣ, вниманіе всѣхъ обращается на нее. Ставши при дверяхъ въ углу (кочережникѣ), она ни на кого не смѣетъ поднять глазъ. Родители совѣтуются между собою. «А що, жёнко? Отдаймо свою Ганночку замужъ. Нехай иде межи люды, коли у насъ не хоче бути!»—«Нехай ѐи Богъ благословить и добру долю дасть.»—«А що мы, жёнко, дамо ѐй?»—«А що жь? Скрыню, пёрыну и корову....» Потомъ спрашиваютъ болѣе для приличія о согласіи своей дочери на дѣлаемое предложеніе, на что почти всегда слышится одинъ отвѣтъ: «Коли хотять того батько и матка, я пôйду» (Руда, Брестск. Уѣз. Гродн. Губ.) Если родители соглашаются, то начинается малое угощеніе, пьютъ «первую или малую горѣлку,» «запиваютъ дѣвку.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Борис. Уѣз. Минск. Губ.) хозяйка сейчасъ же на закуску печетъ яичницу; если водку пьютъ всѣ домашніе, то яичницу ѣдятъ только сваты, родители невѣсты и сама невѣста. Закусивши, когда уже и водка, привезенная сватомъ, выпита, мать невѣсты беретъ локоть (³/₄ аршина), или два, тонкаго полотна, обертываетъ имъ оную бутылку, и въ такомъ видѣ отдаетъ свату.

(Opis. pew. Borys. 351.)

Во всякомъ случаѣ родители невѣсты просятъ у сватовъ маленькой отсрочки, на какую ни будь недѣльку, пообстоятельнѣе подумать о сдѣланномъ предложеніи: въ сущности же такъ дѣлается для того, чтобы показать всѣмъ, что дѣвка ихъ—товаръ непростой, не такой, который сразу отдаютъ, а тѣмъ болѣе, чтобы потомъ не сказали и не подумали, будто съ нимъ напрашивались. Этимъ и оканчиваются собственно «допытины,» «малые запоины.»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «допытины,» «запоины» совершаются проще. Предварительно переговоривши съ родителями невѣсты, «сваты,» запасшись закуской и водкой, въ условленый срокъ являются къ нимъ въ домъ. Поздоровавшись, садятся за столъ. Невѣста въ это время идетъ собирать своихъ подругъ, а другой кто ни будь изъ хаты отправляется просить на «запоины» крестныхъ родителей и родственнико въ невѣсты. Когда гости соберутся, подруги вводятъ въ хату молодую съ слѣдующею пѣснію:

А то жъ табѣ Василька (примѣрно—имя свата)
Увядзюнка Агатка;
Кали яё любишь, дай пирогъ;
Кали ня любишь, то вонъ за парогъ;
Ня хвали ее, што у насъ бывъ,
Што нашей Агатки ня злюбявъ.

(Opis. pow Borys. 289.)

Пожатіемъ руки сватъ привѣтствуетъ молодую, подаетъ пирогъ, сыръ, жаркое, водку наливаетъ въ мису, куда кладетъ нѣсколько копѣекъ. Подруги молодой собираютъ все это и, вмѣстѣ съ невѣстой, уходятъ въ другую комнату, гдѣ взаимно подчуются и поютъ молодой пѣсни:

Ой гаросе, гаросе!
Сѣели цябе хароше,
При лузѣ, при дарозѣ,
При битôмъ гасцинцу.
Ай ты, красна Агатка,
Заручили цябе хороше,
При радни и племени,
При раднымъ татечку.

(Opis. pow. Borys. 289.)

Или;

Пріѣхали заручники:
Чаму яни безъ дудечки?
Агатка не удавачка,
Захочець пагуляць.

Татковъ дворъ ривновацъ
Ножками, астрожками,
Чорными чабатами,
Зъ маладыми сватами.

(Opis. pow. Borys. 289—292.)

Поютъ еще и многія другія пѣсни. Сваты со стороны молодого закусываютъ въ это время съ другими гостями, и потомъ расходятся домой.

Рѣдко бываетъ, что родители невѣсты отказываютъ сватамъ. Они говорятъ тогда, что дочь ихъ еще молода, что ей не по силамъ еще «ни воды принесци, ни хлѣба замѣсицъ;» что у нихъ нѣтъ никакого голубка; или же, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наливаютъ виномъ боченокъ, принесенный сватами, что служитъ знакомъ отказа; въ случаѣ согласія боченокъ насыпаютъ рожью. Если бы случилось, что отказъ послѣдовалъ уже послѣ «малыхъ запоинъ,» тогда родители невѣсты обязаны возвратить сватамъ понесенныя издержки (20 грошей въ Борисовск. Уѣздѣ). Когда родители невѣсты дадутъ свое окончательное согласіе, тогда въ первое Воскресенье отецъ жениха спѣшитъ дать въ церковь «на первую заповѣдь» (оглашеніе). При оглашеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присутствуютъ женихъ и невѣста съ родителями. Обыкновенно въ это же Воскресенье вечеромъ бываютъ, такъ называемая, «дѣвоснубы,» «влюбины,» «злюбины,» «оглядины,» «смотрины,» «великіе заручины», «великія запоины,» «великая горѣлка.» Здѣсь въ первый еще разъ, такъ сказать, встрѣчаются женихъ и невѣста въ настощей свой роли; теперь поближе они ознакомываются, присматриваются другъ къ другу. Отецъ придаетъ сыну кого ни будь изъ родственниковъ, который называется «дружка,» даетъ имъ «гостинцы,» главнымъ образомъ водку и «колачи.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ дѣвоснубамъ приготовляютъ нарочно колачи—небольшія, въ два, три, фунта булки хлѣба—поболѣе обыкновеннаго, и тутъ предугадываютъ какъ бы будущее счастіе жениха. Одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если во время печенія «колачъ» Ивана, или Степана, потрескается, значитъ и счастіе жениха будетъ непрочно, непостоянно. Въ противномъ случаѣ можно быть спокойнымъ относительно своей будущности. Приготовивши все нужное, жеиихъ съ дружкомъ отправляются въ «дѣвоснубы.»

(Каменецъ, Брест. Уѣзда Гродн. Губ.)

Точно такъ же, какъ при «допытинахъ,» сватья, теперь женихъ съ дружкомъ, не входятъ въ домъ невѣсты, а останавливаются у окошка и начинаютъ, что называется, тары-бары: то въ видѣ купцовъ дружко проситъ позволенія войти въ домъ переночевать; то, представляя собою какъ бы заблудившагося съ дороги, проситъ указать прямой путь къ извѣстному пункту; иногда же прямо спрашиваетъ: «Чи не маеце целушки да прадажи?» — «Маемо,» отвѣчаетъ отецъ невѣсты, «и просимо васъ да хаты.» Дружко съ женихомъ входятъ, крестятся, здороваются и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: «Мы гости присланы, чтобъ столы были засланы;» хозяева отвѣчаютъ: «А мы гостей принимаемъ и столъ застилаемъ.» Дѣйствительно застилаютъ столъ, дружко съ женихомъ ставятъ водку, кладутъ калачи; все остальное, необходимое для угощенія, должно быть приготовлено со стороны невѣсты.

Сама невѣста къ этому времени окружена уже бываетъ особою дружиною, постоянными подругами, извѣстными подъ именемъ «большанокъ,» «приданокъ.» Эти подруги придаются невѣстѣ сейчасъ же послѣ «малыхъ запоинъ,» если только послѣдовало согласіе родителей невѣсты на бракъ. «Большанки,» если можно, живутъ у невѣсты до времени брака, развлекаютъ ее, помогаютъ ей въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, поютъ разныя пѣсни:

Наша, Тацянка, наша,
Паймала сабѣ пташа,
Да у зяленамъ жицѣ,
У чирвонымъ аксамицѣ.

Или:

Ой цёмка, цёмка на дварѣ,
Ой цямнѣй таго за дваромъ:
Баяры варота аблягли,
Пасыпали золота на скамьи,
Да ходзяць, паходзяць па двору,
Да папросюць Тацянки;
Тацянка татульки прасила:
«Даражи, татулька, даражи,
Да сто чёрвонцавъ запраси;
Тагды мяне, маладу атдаси.

На «дѣвоснубы;» кромѣ дружины жениха, собираются также родные, близкіе, добрые сосѣди, знакомые невѣсты, и начинается

угощеніе. Угостившись немного, дружко начинаетъ требовать, чтобы невѣста усѣлась возлѣ жениха. Онъ говоритъ отцу невѣсты такъ: «Свату, за ще мы пьемъ?» Въ отвѣтъ на это собравшіяся женщины начинаютъ пѣть слѣдующія слова:

Заручоная Марися,
Заручивъ єи Господь Богъ,
И батенько навперудъ,
Заручила єи и матюнка...

Или:

Гнися, калино, гнися,
Ты (имя жениха) не журися:
Мы калину наломимо
(Имя невѣсты) намовимо,
Съ тобою посадимо.

(Каменецъ Брестск. Уѣзда Гродн. Губ.)

Невѣста наконецъ садится около жениха, и продолжается угощеніе. По окончаніи всего гости встаютъ, благодарятъ Бога, хозяевъ, и расходятся. Невѣста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ другихъ мать ея) беретъ одну изъ бутылокъ, въ которой женихъ приноситъ водку, наполняетъ ее рожью, обвиваетъ утиральникомъ, краснымъ поясомъ и подаетъ дружку. Этимъ она заявляетъ, чтобы у нихъ всего въ изобиліи такъ, какъ полно она насыпала бутылку. Тутъ же женихъ съ невѣстою мѣняются обручальными кольцами Невѣста теперь проводитъ жениха; за нею идутъ женщины и поютъ:

Сонько за хмару заходить,
Молода молодого проводить.

За такую услугу женихъ даритъ невѣсту деньгами, поцѣлуемъ, и расходятся. Это «дѣвоснубы,» «оглядины,» «вторая или великая горѣлка.» Теперь отецъ жениха даетъ въ церковь на другую «заповѣдь,» и родители невѣсты не могутъ уже отказать жениху, какъ могли это сдѣлать послѣ «допытынь.»

«Дѣвоснубы,» равно какъ и другіе свадебные обряды, сопровождаются пѣніемъ разнаго рода многочисленныхъ пѣсенъ, которыя желающіе могутъ найти въ упоминаемыхъ нами сборникахъ.

Съ своей стороны, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ, мы приводимъ изъ нихъ только коечто для примѣра, или же будемъ заносить пѣсни, нами собранныя и нигдѣ еще не напечатанныя.

«Дѣвоснубы» повторяются иногда еще въ Четвертокъ передъ свадьбою. Тогда они извѣстны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ именемъ «змовынъ.»

Является женихъ съ родителями и сватьями и привозитъ съ собою: колбасы, жаркое, сыръ, хлѣбъ, водку. Молодой черезъ столъ подаетъ руку свату, отцу и матери дѣвушки; невѣста дѣлаетъ то же самое, и потомъ здоровается съ суженымъ. Начинается угощеніе. Сваты пьютъ между собою; женихъ, въ свою очередь, пьетъ къ невѣстѣ. Выпивши, онъ кладетъ въ рюмку деньги, наливаетъ водкой, и передаетъ все это невѣстѣ; принявши предлагаемое, она опрокидываетъ рюмку на столъ, беретъ оттуда деньги, а рюмку снова наливаетъ водкой и, закрывъ ее платкомъ, передаетъ жениху. Женихъ выпиваетъ водку, а невѣсту даритъ деньгами. Назначаютъ членовъ свадьбы. Молодые вторично мѣняютъ кольца, каждый получаетъ свое. Присутствующіе поютъ: «Свекоръ перепиває, переглядає, чи хороша невѣста, чи хороши приборы, чи низкіе уклоны.» (Срав. Бобровскаго: Статистика Гродн. Губ. 1832.— Коревы: Статистика Виленской Губерніи, 624).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минской Губерніи Борисовскаго Уѣзда) «змовины» бываютъ гораздо сложнѣе и совершаются далеко торжественнѣе. Родители невѣсты стараются устроить, по возможности богатое угощеніе, на которое приглашаютъ чуть не всю деревню. Сама невѣста, въ сопровожденіи старшей «большанки,» ходитъ изъ хаты въ хату и, съ поклономъ до земли, запрашиваетъ всѣхъ на «змовины,» не исключая даже трехлѣтнихъ дѣтей. Родственники невѣсты, хотя бы жили далеко, обязаны быть на этомъ торжествѣ. Въ прежнее время, для пущей важности и торжестенности, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ происходятъ змовины, зажигали костры, или смоляныя бочки, что составляло довольно величественный видъ и по неволѣ привлекло множество посѣтителей.

Прежде всего приходятъ родные невѣсты, которые, до извѣстнаго времени, распоряжаются въ избѣ вмѣсто хозяевъ: особенно наблюдаютъ, чтобы посторонніе гости не заняли мѣстъ, назначенныхъ для родныхъ невѣсты, для молодого и его дружины. Это въ высшей степени соблюдается строго, и нару-

шитель его подвергается надолго общему посмѣянію. Сами хозяева въ началѣ не показываются въ избѣ, но, вмѣстѣ съ дочерью невѣстой и большанками, остаются въ другой комнатѣ. Между гостями особеннымъ почетомъ пользуются: крестные родители невѣсты и ея бабка; въ случаѣ смерти послѣдней, ея мѣсто заступаетъ дочь, или кто ни будь изъ хаты; также «возило,» крестный отецъ жениха, привозящій свахъ, и особенно крестная мать; не говоримъ уже о ближайшей дружинѣ молодого и молодой.

Позже другихъ пріѣзжаетъ молодой со сватомъ и дружиной. Всѣ они входятъ въ избу, уже наполненную гостьми, и ни съ кѣмъ не здороваются, даже не снимаютъ съ головы шапокъ; только сватъ, легкимъ и важнымъ склоненіемъ головы (не обнажая ея) поздравляетъ съ торжествомъ дня собравшееся общество. Послѣ этого идутъ въ конецъ избы и занимаютъ наначенныя для нихъ мѣста. Въ «кутѣ» садится молодой, возлѣ него сватъ, дальше два, или три, парня, «дружки» молодого, обыкновенно его родственники, потомъ «музыка» (скрыпачъ), также непремѣнно родственникъ жениха. Если бы даже случилось, что изъ всей его родни нѣтъ накого, кто бы съумѣлъ играть на скрыпкѣ, дудѣ и т. п., тогда названіе «музыки,» съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ почести, сопряженныя съ этою свадебною должностію, предоставяются одному изъ его родственниковъ. Этотъ уже титулярный, такъ сказать, «музыка» одолжаетъ гдѣ ни будь скрыпку, или другой инструментъ, и передъ началомъ пляски проводитъ примѣрно разъ, другой, по скрыпкѣ, и за тѣмъ передаетъ ее кому ни будь, понимающему дѣло.

Когда болѣе почетные гости усядутся, сватъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, начинаетъ разговоръ. Но за отсутствіемъ пока еще хозяевъ, все это идетъ нескладно, вяло; больше всего царствуетъ молчаніе. Тогда сватъ прерываетъ его, говоря: «Що гета? А гдзѣ сваты? (сватъ молодого этимъ именемъ въ свою очередь называетъ родителей невѣсты). Чи жъ гасцей ня чекали?» Съ этими словами онъ выходитъ въ сѣни, гдѣ, конечно, встрѣчаетъ и хозяевъ: «Хвала жь Богу (говоритъ онъ): каго шукали, таго спаткали; просимъ, канечно просимъ, да хаты.» «Да нѣ потребенъ я тамъ» (отвѣчаетъ хозяинъ).—«Але жъ просимъ, пане свацe.» Когда происходятъ эти упрашиванья, молодой, со всею своею дружиной, выходитъ изъ избы и повторяетъ просьбу свата. Съ противной стороны продолжается упорство, отнѣкиванье. Между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вы-

звавши изъ другой комнаты молодую съ «большаками,» вводятъ ее къ гостямъ. Поддерживаемая своими подругами, она каждому дѣлаетъ поклонъ въ поясъ: подходитъ потомъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, и проситъ ее принять, вмѣстѣ съ «большанками,» участіе въ приготовленіяхъ ея къ свадьбѣ. Та сначала отнѣкиваетмя, потомъ соглашается и поступаетъ въ число постоянныхъ подругъ, спутницъ молодой. Называется она «маладзицей.» Въ настоящемъ случаѣ это слово обозначаетъ не только замужнюю женщину, но и настоящую спутницу молодой.

Наконецъ и хозяинъ уступаетъ просьбамъ молодого и входитъ въ избу. За нимъ молодой съ дружиной, и садятся на своихъ мѣстахъ. Тогда женщины придвигаются къ столу и усаживаются напротивъ молодого: старшая «большанка» напротивъ свата, младшая напротивъ старшаго дружка, «маладзица» напротивъ музыки, или младшаго дружка и т. д. Напротивъ отца невѣсты, который сидитъ на послѣднемъ мѣстѣ (на первомъ—молодой), оставляется свободное мѣсто для ея матери. Теперь только она приходитъ еще въ избу и занимаетъ свое мѣсто. Сейчасъ же приносятъ водку и закуску. Хозяйка открываетъ угощеніе.

Наливши рюмку водки, она пьетъ здоровье свата; наливаетъ вторично, покрываетъ рюмку бѣлымъ платкомъ и подаетъ свату. Сватъ пьетъ къ молодой, та къ старшему дружку, обертывая, по примѣру матери, рюмку цвѣтнымъ, преимущественно краснымъ, платкомъ. Спрятавши платокъ, дружко, въ свою очередь, вторично пьетъ къ молодой; принявши рюмку и только «пригубивши,» невѣста подаетъ ее младшему дружку, предварительно обернувши рюмку платкомъ. Младшій дружко пьетъ къ «маладзицѣ,» та къ молодому: молодой къ старшей «большанкѣ, а та музыкѣ,» обернувши рюмку поясомъ работы молодой. Замѣтимъ здѣсь, что такихъ поясовъ инымъ невѣстамъ приходится раздарить во время свадьбы иногда до ста, и по тому нѣкоторыя дѣвушки съ девяти, или двѣнадцати, лѣтъ начинаютъ уже ткать поясы. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ тесьмы, шириною въ два, или полтора, пальца. Для ихъ основы употребляются бѣлыя льняныя нитки, а на утокъ—цвѣтная шерсть. Между различными цвѣтами красному отдается преимущество у крестьянъ. Спрятавши поясъ, музыка пьетъ къ молодой, она до свата, тотъ до отца невѣсты, очередь заканчиваетъ молодой, отъ котораго рюмка переходитъ къ остальнымъ гостямъ, и начинается общая попойка.

Въ это время «маладзица» растилаетъ на столѣ бѣлый платокъ, на которомъ женихъ и невѣста складываютъ свои кольца. Тогда двѣ «большанки» съ одной стороны, а два дружка съ другой, берутъ платокъ по угламъ его и поднимаютъ выше головъ, а сватъ, во всеуслышаніе, произноситъ: «Виватъ!» Присутствующіе должны вторить ему. Это повторяется три раза. За третьимъ разомъ молодица беретъ кольцо невѣсты и вкладываетъ его на палецъ. Сватъ подобное дѣлаетъ съ кольцомъ жениха. Онъ же беретъ послѣ этого платокъ, прячетъ его, а молодой подаетъ башмаки. Легкимъ склоненіемъ головы молодая благодаритъ свата, беретъ подарокъ и съ презрѣніемъ бросаетъ его на землю. Ей подаютъ вторично; она снова бросаетъ. Башмаки подаютъ свату, который препровождаетъ ихъ невѣстѣ, съ замѣчаніемъ, что, молъ, данная мѣстность неровная, и по тому башмаки могутъ пригодиться. Но невѣста по прежнему три раза отвергаетъ подарокъ, и только за послѣднимъ разомъ передаетъ его на сохраненіе старшей большанкѣ. Устыдившись какъ бы своего поступка, она опускаетъ глаза внизъ, или же обращаетъ ихъ совершенно въ другую сторону, а «большанка» съ «маладзицей» поютъ:

«Ня сядзи, Тацянка, бокомъ,
Гета табѣ нѣ зъ нарокомъ;
Сядзь сабѣ просцюсенька,
Будзе табѣ милюсенька.»

Три раза повторяется эта пѣсня. Молодая наконецъ поднимаетъ глаза, а молодой подаетъ ей руку и встаетъ изъ за стола; другіе дѣлаютъ тоже, выходятъ всѣ попарно на средину и открываеся пляска. Постоянно играетъ музыка, по временамъ поютъ пѣсни, продолжается угощеніе: много всего свѣдается, а и того больше выпивается. Нужно помнить, что каждый изъ гостей приноситъ что ни будь выпить и закусить; кромѣ того, молодые парни приносятъ еще что ни будь особенное своимъ возлюбленнымъ и, въ общей сумотохѣ, нерѣдко уводятъ ихъ въ особую комнату, гдѣ и угощаютъ. Пиръ идетъ горой. Въ заключеніе бываетъ «вечеря», и всѣ расходятся по домамъ. Во время «змовинъ» уговариваются относительно времени печенія короваго, состава дружины молодого и молодой, кого и какимъ образомъ приглашать на свадьбу и почтивать и т. под.

(Opis. pow. Boris. 293, 357—368.)

На канунѣ свадьбы, обыкновенно въ Субботу, вечеромъ, бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «заручины,» «сборная Суботка.» Это уже, какъ выражаются селяне, «начало весильля.» Къ этому времени, еще дня за два, родители невѣсты посылаютъ нарочнаго просить на свадьбу своихъ пріятелей. Посланное лицо (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называется «просатый») приходитъ въ знакомый домъ и говоритъ: «Прошу на весильле. Просивъ (имя жениха и невѣсты) батько, маты, и я прошу. Прошу на хлѣбъ, на соль, на ще Бугъ давъ.» Или: «Прошу Бога да и васъ, будзце ласкавы, придзице на весильле до насъ!» Часто просятъ они каждаго встрѣчнаго, поперечнаго. Но въ свадьбѣ, въ угощеніи, могутъ принимать дѣятельное участіе только тѣ, просить которыхъ заходили въ домъ. Остальные должны считать просьбу одною формальностію, приличіемъ. Сама невѣста въ это время тоже не сидитъ дома. Она ходитъ по всѣмъ домамъ родныхъ, сосѣдей, знакомыхъ. Войдя въ домъ, она прежде всего княняется хозяину дома, потомъ хозяйкѣ, и, если эти послѣдніе уже почтенныхъ лѣтъ, то цѣлуетъ имъ руки. Тотъ, кому кланяется, долженъ перекрестить ее, приговаривая: «Дай Боже счастливе!» старики говорятъ такъ: «Нехай табе, дзетка, Богъ благаславиць счасцемъ и долей!» У дѣвушекъ, если онѣ есть въ домѣ, невѣста проситъ лентъ на «строй» и приглашаетъ ихъ на свадьбу. Женихъ, кромѣ «свата» и «дружка», избираетъ теперь себѣ еще «маршала, чашника, старосту, возилу, кубельника, закосниковъ и др. Съ наступленіемъ вечера гости начинаютъ собираться въ домъ невѣсты. Молодые должны приготовить подарки: со стороны молодого уже непремѣнно должны быть заготовлены башмаки для молодой; послѣдняя шьетъ ему рубашку. Это въ крайности: если можно, подарки бываютъ гораздо сложнѣе.

(Чересы, Виленской Губ. Дисненскаго Уѣзда.)

Въ «Сборную Суботку», вечеромъ, въ домѣ невѣсты уставляется по срединѣ хаты столъ, накрытый скатертью, на немъ ставятъ кушанья, водку, пиво. Прежде всего собираются къ невѣстѣ званныя дѣвушки, потомъ сосѣди, знакомые, родственники. Въ пѣснѣ поется:

Ступлю я на калину,
Гукну я на родину:
«Збѣрайся, родочку,
Въ суботу зъ вечерочку,

Въ суботу пузненько,
Въ недѣлю раненько,
На новый двуръ,
За тесовый стулъ,
До Мариси на весильле!

Или:

«Чомъ ты, Ганночка, не вечераєшь
У своєго батенька?
Ой якъ пуйдешь а до чужого,
Не будешь вечерати:
Сами сядуть вечерати,
Тебе пошлють по воду:
Вêдро велике, вода далеко,
Ноченька темненька.»
— Не журитеся, близьки сосѣди
Ночкою темненькою:
Ой єсть у мене золотый перстень,
Вôнъ буде мнѣ свѣтити;
Ой єсть у мене молодъ Иванко,
Вôнъ буде мнѣ годити:
Я за вêдерце, вôнъ за другеє,
Принесемо обоє.»

(Сборн. пам. нар. творч. XCIV.)

Женихъ, съ своими дружками, обыкновенно не спѣшитъ прiѣздомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ ожиданiи жениха, бываетъ, такъ называемый, «вѣнокъ.» Собравшiяся дѣвицы ставятъ себѣ особый столъ, садятся кругомъ него, невѣста приноситъ «руту,» изъ которой ея подруги и начинаютъ вить ей вѣнокъ. Приступая къ дѣлу, онѣ испрашиваютъ передъ этимъ благословенiя у родителей невѣсты: «Пане ойче, пани матко! благаславице маладой вѣнокъ звиць!» Присутствующiе отвѣчаютъ: «Боже, благослави!» Это повторяется во второй и третiй разъ. За третьимъ разомъ присутствующiе прибавляютъ: «Да же то радзи!» При витiи вѣнка дѣвицы поютъ:

А въ огородцѣ, а въ новенькомъ, зельечко зацвѣтає:
Въ нашей дѣвонькѣ молоденькои весильле зачинає,
Бугъ же êй дає, допомогає,

Батенько докладае,
А ёще къ тому родина прибывае.

Или:

Иде Кузёмко до дѣвки,
Якъ ясный мѣсяцъ до зурки,
Пытаетця свого батенька, якъ до дѣвки говорити.
Батенько каже до него:
«Не говори ничого;
Есть у тебе маршалько для того!»

Или:

Да старое бердо, да старое бердо,,
Да новые начивницй:
Да вже жь минаются, да вже жь минаются,
Всѣ твои вечерницы.
Да старый свирень, да старый свирень,
Да новое будованейко:
Да вже жь минается, да вже жь минается,
Все твое гулянейко.

Или:

Да вѣнокъ виць, да вѣнокъ виць,
Да нашимъ маладымъ добро жиць.

(Верховичи, Слоним. Уѣзда Гродненской Губ.)

Или:

Ляцевъ виноградъ циразъ садъ,
Разсыпавъ перейко на увесь садъ,
Малада (имя) хадзила,
Яна своихъ дзѣвочекъ просила:
— «Дзѣвачки мае, сястрицы,
Вы гета перенко збярица,
Да мнѣ вяночекъ звиця,
Хоць не руцвяный—парловы,
Кабъ бывъ до шлюбу гатовый.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CCLXXIV.)

Если невѣста сирота, ей поютъ слѣдующую пѣсню:

Знати Мариськи, що сиротонька:
И двуръ узенькій, и стулъ низенькій,
Пошлю сокола на украину, на свою родину,
А сыву зозульку къ высокому небу по свою матульку;
Ще зозулька не долѣтае,
Матюнка вже промовляе:
«Дай же мнѣ покой, сыва зозулько!
Не могу встати, свему дѣтяти
Вселякъ порякокъ дати:
Сырая земля двери налягла.»

Или:

Знати Марисю, знати молоденьку,
Що не батенько отдае:
И стулъ низенькій:
И чаша меда не повненька,
И родина не веселенька.

Или:

Ой нêма, нêма, Мариси дома,
Пошла Марися до пана Бога
Просити батенька (или матеньку) на весельлечко.

Сирота невѣста поетъ:

«Прошу тебе, татку, на весельлечко.»
—«Веселися, доньку, зо всѣми Святыми,
Зо всѣми Святыми, зъ людьми добрыми!
Ой уже жь бо я за тремя замками:
Первый замочекъ—зъ дощекъ домочекъ,
Другій замочекъ—рыжичій пêсочекъ,
Третій замочекъ—трава-мурава!»

Или:

Што дзень перадъ Богомъ,
(имя) маточка,
Яна у Бога проситца:
«Боже, Боже,

«Пусци мяне зъ неба даловъ:
Дробнымъ даждчемъ,
У полѣ мыглицою,
У травѣ расицою,
Поглядзеци дзѣцяци,
Ци харашо прибрана,
Ци высоко пасадзана.
Прибрана якъ панета,
Посадзана якъ сирота,
Прецивъ кутняго аконца,
Прецивъ яснаго сонца.

Или:

Хто тамъ ходзиць,
На цемнымъ лѣсѣ гукая?
Маладая дзѣвочка
Сваеі матачки шукая:
— Выдзи, выдзи, мая маточка, да мяне!
Нѣма у мяне парадочку безъ цябе.»
«Я выйци, мае двицятка, ня магу,
Балиць мая галовочка, ня узниму;
Зрабили добри людзи добрый домъ,
Бязъ сѣначекъ, бязъ аконачекъ,
Бязъ сонца.
Нѣ скажу табѣ, маё дзицятка,
Ни словца.»

(Сборн. нам. народн. творч. въ СЗ. краѣ CXCIII, CCXXXIX.)

Свивши вѣнокъ невѣстѣ, начинаютъ вить жениху его «дружкамъ», «подмлодію;» все это сопровождается пѣніемъ пѣсенъ:

А въ полѣ садочекъ неметенъ
Ярою руткою оплетенъ;
Нихто въ томъ садочку не бувавъ,
Но одинъ (имя жениха) въ карты игравъ,
И къ собѣ (имя невѣсты) намовлявъ:
«Намовся (имя невѣсты), намовся,
Мнѣ молодому быть женою,
Моему батеньку слугою!»

Или:

Въ новомъ городцѣ,
По яруй рутцѣ
Плакала (имя нев.), вѣночки, вьючи.
Почувъ (имя жениха), по коня идучи:
Чого, серденько, плачешь ревненько?
—О якъ же бо мнѣ та не плакати:
Въ тебе, молодого, родины много,
Въ мене, молодои, подарковъ мало.»
«Мое серденько, не плачь ревненько:
Якъ я захочу, то й перескочу свою родину,
Низкимъ поклономъ, покорнымъ словомъ.»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.)

Часто, въ перемежку съ пѣснями, играетъ доморощенная музыка и пляшутъ.

Наконецъ прiѣзжаетъ и женихъ, въ сопровожденiи отца, «дружка,» «маршалка» и многихъ другихъ. Его встрѣчаютъ съ почетомъ. Онъ не входитъ въ общую комнату, но останавливается на нѣкоторое время въ сѣняхъ. Маршалокъ беретъ подарки, которые женихомъ назначены невѣстѣ и, взявъ за руку жениха, вводитъ его въ общую хату. «Нехъ бендзе пахвалёный Езусъ Христусъ!» говоритъ онъ (теперь говорятъ: «Слава Богу!»). «Ото панъ маладый абсылаець панну маладую тѣми падарками! Кабы были ласкавы и приняли.» Онъ кладетъ ихъ на кнутъ и подаетъ молодой. Молодая, вмѣстѣ съ свахами и дружками, дѣлаетъ, за такое почтенiе, глубокiй поклонъ родителю жениха и маршалку, принимаетъ отъ имени молодого подарки и, на показъ всѣмъ, кладетъ ихъ въ видномъ углу компаты. Въ свою очередь выступаетъ маршалокъ невѣсты и спрашиваетъ: «А чи iосць тутъ аецъ пана маладого, матка и маршалокъ?» Противная сторона отвѣчаетъ, что есть (матери иногда не бываетъ). Маршалокъ невѣсты продолжаетъ: «Ото панна маладая абсылаець тыми падарками атца, матку, маршалка, пана маладого! Кабы были ласкавы и приняли.» Молодому подается «рутвяный вѣнокъ.» За честь женихъ дѣлаетъ поклоны родителямъ невѣсты, принимаетъ подарокъ отъ маршалка, и пришпиливаетъ его къ шапкѣ; остальныя же вещи отдаются по принадлежности: если онѣ состоятъ изъ кусковъ холста, то

его перепоясываютъ черезъ плечо. По окончаніи этой обрядности начинается другая.

(**Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.**)

Мы сказали уже, что еще заблаговременно уставляютъ среди хаты столъ различными кушаньями, водкой и пивомъ. Теперь, прежде чѣмъ усядутся за столъ, молодые должны еще трижды обойти кругомъ его. Жениху нужно взять невѣсту, но ее окружаютъ «дружки,» «боярки» и не пускаютъ; женихъ выкупаетъ невѣсту, оставляя «дружкамъ» по нѣскольку копѣекъ. Тогда оба «маршала» (жениха и невѣсты) подаютъ молодымъ два бѣлые платка; за концы ихъ берутся женихъ съ невѣстой и три раза обходятъ кругомъ стола. За каждымъ обходомъ кланяются всему роду и получаютъ благословеніе: «Бугъ нехъ благославить!» Если есть музыка, то играетъ, или же поютъ:

Не вѣтеръ калину поломить,
Дѣвонька коло стола ходить,
За собою два анголы водить,
Третёго батенька свого:
«Батеньку, сядь собѣ за столикомъ!
Казали мнѣ анголы мои
Уклонитися тобѣ:
Батеньку, благослови долею!»

(**Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.**)

Совершивъ обхожденіе, маршалки указываютъ молодымъ на первыя мѣста за столомъ, и садятся вмѣстѣ съ ними; другіе поютъ:

Летѣли гусоньки черезъ садъ,
Кликали дѣвоньки на посадъ:
«На посадъ, дѣвоньки, на посадъ,
Стелите ковдры въ складный рядъ!
Благослови, батеньку, я сяду,
А не такъ, я пойду, якъ бачу,
А не такъ, я сяду, якъ стою.»

Или:

Збурная сяя суботка,
Збѣрала дѣвонька подружки,

Садовила она ихъ рядъ у рядъ,
И сама сѣла выше ихъ,
Гадала гадоньку тише ихъ,
Казала: «Я замужъ не пойду,
Молодца не люблю.»
Не уважай, батеньку, на тое,
Замочи ячмень на солодъ,
Уже я съ молодцемъ на словѣ стала.»

(**Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.**)

Пѣніе сопровождается иногда и музыкой, а за столомъ идетъ пированье. Если гостямъ можно сказать, съѣсть и выпить лишнее, то молодые должны соблюдать возможное приличіе, воздержность. Угощеніе нерѣдко продолжается за полночь. Зная, что молодой четѣ придется еще приготовляться къ вѣнцу, маршалокъ молодого встаетъ изъ за стола, «дякуеть отцу, матери, сватовѣ и сватцѣ, за всѣ пожитки,» и съ женихомъ отправляется домой. Иногда поютъ:

До долу, вѣтечко, до долу,
Пора намъ, гостоньки, до дому:
Вже мѣсяць дорогу освѣтивъ,
Господарь ворота отчинивъ;
Лѣпшъ же намъ було не знатися,
Нежъ теперенька розстатися!

(**Сбор. памят. нар. твр. въ краѣ CCVIII.**)

Другіе гости нерѣдко остаются. Заручины кончились. Онѣ совершаются еще и такъ: Когда гости соберутся на званный вечеръ, то невѣста здоровается съ ними за руку, черезъ хустку. Сейчасъ же начинается угощеніе, и отцу невѣсты поютъ:

Батюшка радненькій перапой пріймае,
А мяне забывае,
Я гетый перапой падъ столъ padлiю,
А тую чарочку а камень разабью,
А гасцей за варота праганю.

Потомъ ту же пѣсню, съ перемѣной названія, поютъ матери. Послѣ этого, съ согласія родителей невѣсты, начинается въ домѣ

особый обрядъ. Сватъ ударяетъ плетью объ стѣну и говоритъ: «Пане ойче, пани матко, за благаславенёмъ пана Бога всехмагонцего, пазвольце запалевацъ въ своихъ кнеяхъ!» При этихъ словахъ невѣста съ двумя дружками прячется въ клѣть. Сватъ подводитъ къ жениху одну дружку подъ видомъ невѣсты, потомъ другую, но женихъ не признается къ нимъ, а тѣ, получивъ отказъ, со стыдомъ возвращаются на свое мѣсто. Тогда сватъ подводитъ невѣсту, которая, будучи признана женихомъ, кланяется на всѣ стороны родителямъ и гостямъ, и садится за столъ по лѣвой сторонѣ жениха. Сватъ тогда испрашиваетъ благословенія Божія и родительскаго для обрученія молодыхъ. Родители соглашаются, а присутствующіе начинаютъ торгъ за вѣнецъ, который сватъ покупаетъ у старшей большанки, дружки. При этомъ поются разныя пѣсни, потомъ слѣдуетъ обрученіе—обмѣнъ колецъ; все заключается ужиномъ, послѣ котораго гости отправляются по домамъ.

(Собраніе пѣсенъ, сказокъ.... Дмитріева, 182—184.)

Одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ обрядовъ Западнорусскихъ селянъ занимаетъ печеніе «коровая.» Пекутъ коровай не вездѣ въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на канунѣ свадьбы, въ другихъ—въ день самой свадьбы; послѣднее опять у однихъ совершается во время отсутствія молодыхъ, когда они отправятся къ вѣнцу, другіе пекутъ его вечеромъ, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви. Бываетъ и такъ, что у молодого пекутъ коровай на канунѣ свадьбы, а у молодой въ самый день свадьбы. Однако «сборная субота,» о которой воспѣвается въ свадебныхъ пѣсняхъ, указываетъ, что печенію коровая слѣдуетъ быть въ Субботу, передъ Воскресеньемъ—днемъ свадьбы.

Обыкновенно на канунѣ печенія коровая дѣлается для него растворъ изъ муки. Для этого избирается нѣсколько дѣвицъ, большею частію нечетное число, и одна между ними получаетъ названіе «старшей коровайницы,» мастерицы, бываетъ всему дѣлу воротила. Иногда растворъ для коровая приготовляетъ крестная мать, или же старшая въ домѣ. Къ этому торжеству гостей созываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующими словами, произносимыми подъ окномъ у хозяевъ: «Ой приступъ дай, Боже, приступъ къ нашему да начатку, счастливому короваю! Тебе, Боже, звеличаю; дай, намъ, Боже, счастливо, якъ у нашихъ прадѣдовъ было, якъ они росчиняли, Тебе, Боже, звеличали.» Начиная свое дѣло старшая коровайница запѣваетъ:

Ставте дѣжу тесовую,
Несите воду криничную,
Сыпьте муку пшеничную!

Среди пола ставится корзина, наполненная рожью; ее накрываютъ шубой, которая, въ свою очередь, служитъ основаніемъ для дежи. Для раствора коровайницы всѣ, поочередно, должны просѣявать муку, сыпать ее въ квашню и лить туда воду. Когда работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ круговую около квашни; по слову старшей коровайницы: «Да хвала тобѣ, Боже, що роботку зробили, коровай росчинили!» остальныя берутъ квашню, переносятъ ее въ другое, болѣе теплое, мѣсто, и потомъ всѣ бросаются на корзину съ рожью. Завязывается упорная борьба: парни стараются отнять корзину у дѣвицъ и забросить ее на печь, а послѣднія употребляютъ всѣ усилія не допустить этого; напротивъ, онѣ сами силятся завладѣть ею и выкинуть за порогъ. Споръ часто оканчивается тѣмъ, что корзину разрываютъ на нѣсколько частей. Эта загадочная борьба имѣетъ для себя основаніе въ томъ, что если, по мнѣнію крестьянъ, парнямъ удается корзину забросить на печь, дѣвицы не выйдутъ въ томъ году замужъ, и на оборотъ. Приготовленный растворъ остается до слѣдующаго дня.

(Еремичи Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На завтра, по зову, собираются гости. Въ пѣснѣ поется:

Ой золото, Марися,
Ой походи по двору съ тихенька,
И уклонися свому батеньку зъ низенька,
А нехай батенько по селу походить,
А нехай вôнъ жоночекъ попросить,
А нехай жоночки короваи изробять,
И зробивши, у красную пѣчь усадять!
«Славный нашъ коровою,
Скупый господарю,
Не стôй за дверами,
Неси бочку пива,
Барилко горѣлки,
Для нашеи дѣвки!
А де жь тая господыня що въ щубѣ?

Нехай шукае дочечцѣ кочюбы!
А де жь тая господиня що въ хаты?
Нехай шукае до печи лопаты!

(Сбор. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ СС.)

Каждый изъ гостей долженъ принести что нибудь на коровай.

Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по мисцѣ муки на коровай,
Моцный Боже, великій буде коровай.
Ишли, ишли гулонькою жоночки,
Несли, несли, по копѣ яицъ на коровай;
Моцный Боже, жовтый буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по квартѣ соли на коровай,
Моцный Боже, солоный буде коровай.
Ишли, ишли, гулонькою жоночки,
Несли, несли, по фунту цукру на коровай,
Моцный Боже, солодкій буде коровай.

(Сборн. пам. народ. творч. въ СЗ. краѣ ССІ.)

Или:

Зъ суботы на нядзѣлю
Сабралась Ганначки радзина;
Знясли жь яны семь ситъ муки на каравай,
Хвала Богу, великъ будзе каравай!
Знясли жь яни семь фасокъ масла на каравай,
Хвала Богу, пушонъ будзе каравай.
Знясли яни семь сутъ яецъ на каравай,
Хвала Богу, румянъ будзе каравай!

Гости наконецъ собрались; мука ссыпана въ одно мѣсто. Тогда снимаетъ дежу съ печи, куда большею частію ставятъ у крестьянъ «росчину.» Несущіе дежу, обыкновенно три парня-коровайники, должны трижды обернуться кругомъ и поставить дежу на «крестѣ,» напротивъ печи. Собравшіяся коровайницы принимаются за дѣло. Старшая изъ нихъ всыпаетъ нѣсколько принесенной гостями муки и, вмѣстѣ съ другими, начинаетъ мѣсить тѣсто. Предварительно она испрашиваетъ благословенія

для предстоящаго дѣла у хозяевъ, родителей жениха, или невѣсты, и потомъ у всѣхъ гостей. «Есць тутъ, говоритъ она, Богъ, бацько и матка радзоные, и сусѣдзи близкіе и дальніэ, мужи статечные, бабки запечные, дзѣтки заплечные?—Благаславице красней паннѣ каравай учиниць (или замѣсиць)! Такая просьба повторяется троекратно, и въ отвѣтъ каждый разъ получается: «Боже, благаслави!» Коровайницы начинаютъ мѣсить тѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ затягиваютъ пѣсню; вторятъ имъ всѣ присутствующіе:

Благаславице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзѣцяцѣ
Каравай замѣсиць
Ручками бѣленькими,
Перстнями залаценькими,
Пѣснями вяселенькими!
Ты зступь, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цабе треба.
Памагавъ разчиняць,
Памагай замясиць
Ручками бѣленькими и проч...
Не стой, Боже, за дзверами,
Да сядзь, Боже, на куцѣ,
Да дай долю маладзѣ!»—
«Я у хату не пайду,
Я за дзверами пастаю,
Маладзѣ долю перешлю.»—
«Зберайся, родзе,
Да къ бѣленькаму караваю:
Старыя бабы для падарку,
Маладыя маладзицы пѣсни пѣць,
Удалые малайцы каравай печь!»

Или:

У саду голье высить:
Самъ Бугъ каравай мясить,
А Пречистая Мати
Пришла памагати,
А Ангѣлы пришли на пагулянье,
А всѣ Святыи, люди добрые, на спамаганье

Или:

Самъ Богъ коровай мѣсить,
Пречистая свѣтить,
Ангёлы воду носять,
А насъ на весёлье просять.

(Еремичи Минск. Губ. Новгор. У. Ср. Бобровскаго стр. 828, 833, и Opis. pow. Borys. 294.)

Когда коровайницы окончатъ свою работу, то дежу покрываютъ крышкой, чтобы замѣшанное тѣсто «всходило, подростало.» На крышку дежи ставятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блюдо, въ которое кладутъ для невѣсты подарки, кто какіе можетъ. Присутствующіе поютъ:

Хвала жь цабе, Боже,
Што мы дзѣло зрабили,
Каравай замѣсили
Ручками бѣленькими и проч.
Четыре нажи въ дзежѣ,
Пятая мая сила,
Да впала я въ дзѣло,
Цѣло мае впацѣло,
Гарѣлачки захацѣло,
Гарѣлачки акавитечки,
Да для мяне, працавиточки;
Гарѣлачки лащаночки,
Да для мяне, мѣщаночки....

Съ тѣмъ вмѣстѣ идутъ плясать и продолжаютъ пѣть:

У нашего гаспадаря
Кудрявая галава,
Кудзярками патрясець,
Намъ гарѣлки принясець,
А кудзярками пакалоцицъ,
Намъ гарѣлки присалодзицъ.

(Еремичи, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Къ такимъ умилительнымъ и очень понятнымъ напоминаніямъ хозяинъ не остается болѣе равнодушнымъ. На столѣ является водка, закуски. Гости взаимно почтуютъ другъ друга. Ко-

ровайницы, болѣе другихъ поработавшіе, принимаютъ не послѣднее участіе. Не забываютъ, конечно, онѣ и о своемъ короваѣ, и опять затягиваютъ пѣсню, всѣмъ напоминая ею о причинѣ, такъ сказать, торжества:

Каравай у дзежи играець:
Да века (крышка) падымаець,
Каравайницъ жадаець:
«Гдзѣ же маи каравайницы?
Чи ня меду запилися,
Што мяне забылися?
Гаспадынячку вутка!
Варочайся хутка:
Вже на дварѣ вечеръ,
Каравай нашъ не печенъ.»

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Opis. pow. Borys. 296.)

Когда, по расчету коровайницъ, тѣсто должно подняться, онѣ принимаются дѣлать изъ него самый коровай. Передъ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, берутъ еще дежу и трижды обносятъ кругомъ того мѣста, на которомъ она стояла. Потомъ снова ставятъ ее на прежнее мѣсто. Тогда старшая коровайница, испросивши благословеніе у присутствующихъ, беретъ тѣсто изъ дежи, кладетъ его частями на столъ. Сама она дѣлаетъ большую булку. Остальныя коровайницы приготовляютъ, каждая для себя, деревянныя щепочки, раскатываютъ ими на пластинки тѣсто, и за тѣмъ вокругъ обвертываютъ имъ щепочку. Это, такъ называемыя, «коровайныя шишки.» Эти шишки коровайницы потомъ прикрѣпляютъ къ большой булкѣ. Въ такомъ видѣ булка хлѣба съ шишками называется короваемъ.» Кромѣ одного, большаго, главнаго коровая, иногда, въ видѣ полумѣсяца, который служитъ для взаимнаго обмѣна между молодыми, приготовляютъ еще нѣсколько другихъ меньшихъ. Одна булка большая носитъ названіе «перепечи.» Другая поменьше назначается для невѣсты, будущей хозяйки; съ ней она должна быть, когда въ первый разъ будетъ мыть бѣлье. Сосѣдки, замѣтивши ее, спѣшатъ помочь ей, за что она должна ихъ почтивать. Кромѣ того, для каждой коровайиицы и коровайн ка, для каждаго дѣтяти въ избѣ, необходимо спечь маленькую булочку. «Жизнь здѣсь кипитъ, говорилъ намъ одинъ учившійся селянинъ; всякая дѣвушка-коровайница спѣшитъ, одна передъ другой, сдѣлать

свое дѣло. Иногда тутъ играетъ музыка, но ужь непремѣнно раздаются звонкія пѣсни коровайницъ:

Стукъ, стукъ на дворѣ!
Коровай гыблють на столѣ
Бѣлыми рученьками,
Золотыми перстеньками;
Пшуненько зурко,
Що зъ тебе добра много!

Или:

Бити короваю густо
Подъ бѣлюхно хусто,
Мѣсяцомъ окружоный,
Зорами осадзоный.

Или:

Лавы дрыгають,
Окна мигають,
Пѐчка регоче,
Бо коровая хоче.
Коровайницы зъ мѣста,
Накрали у кишенѝ тѣста;
На диво имъ пришло,
У кишеняхъ тѣсто зышло.
А де жь тая перша коровайниця?
Нехай иде въ вишневый садъ-виноградъ:
Въ вишнёвомъ саду виноградъ стелется,
Нашимъ дѣткамъ на добрый бытъ стелется.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ ССII. Ср. Бобровскаго 829, 833.)

Чѣмъ больше коровай, тѣмъ лучше. Иногда для него берется такое количество тѣста, чтобы его едва можно было просунуть черезъ устье печи; если въ печи онъ увеличился еще, то, вынимая, не пожалѣютъ выломать изъ устья нѣсколько кирпичей. Добрый коровай, если кругомъ его сыръ, масло: тогда въ срединѣ его счастье. Удачное печеніе коровая предвѣщаетъ молодымъ хорошее хозяйство, добрый бытъ. По этому, приступая къ печенію, коровайницы въ самыхъ пѣсняхъ испрашиваютъ благословенія—помощи Божіей:

«Саступь, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяперь треба:
Памагавъ замясиць,
Памажи жь и всадзиць
Ручками бѣленькими! и проч.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Приготовляясь садить коровай въ печь, коровайницы поютъ:

А де жь тая господыня домова?
Нехай старается коровайничкамъ помела!

Самое сажаніе сопровождается опять рядомъ пѣсенъ:

Кабъ нашъ каравай червонъ,
Кабъ нашъ женишокъ весёлъ бывъ!

Или:

Нихто ня вгадае
Што у нашêмъ каравaѣ?
Ой я вѣдаю (дважды), што въ тôмъ каравaѣ:
Ой три бочки (дважды) да криничнай вады,
Ой три копы (дважды) перепеличныхъ яецъ,
Ой три фаски (дважды) да дравичаго масла.
Дагадайцяся, добрые людзи,
Што въ гетомъ каравaѣ есць?
Дцевяць пудовъ муки,
Асьми каровъ масла,
А яецъ полтараста.

Или:

Трицять бочекъ пшеничнай муки,
А три бочки криничнай вады,
Сорокъ копъ маладыхъ курей яêцъ,
И три фаски дравичихъ каровъ масла.

Или:

Да багатъ, Ганначка, татка твой:
Добра пшеница, што въ навинѣ,
Да великіе стирты у гумнѣ,
Повныя аруды у клецѣ;

Падышовъ каравай у дзежѣ.
Да чаму яму ня шумѣць?
Харошая учиняла,
Румяная мясила,
Госпада Бога прасила,
Кабъ нашъ каравай удався.
Стаяла калина кольки лѣтъ,
Сячецця, рубайця на загнетъ,
Кабъ нашъ загнецець ясный бывъ,
Кабъ нашъ каравай красенъ бывъ,
Кабъ наша Ганначка вяселѣй была,
Кабъ наша руточка зелянѣй была!

Или:

На дварѣ яворъ сякуць,
А въ хаточку тряски лятуць,
Коля явору тресячки,
Коля караваю маладчички,
Перша квѣтка
Нашая Ганначка.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Когда сажаютъ коровай въ печь, то при сажанiи за всякимъ разомъ ударяютъ лопатой въ верхнюю часть печи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. За послѣднимъ ударомъ стараются сломать самую лопату, которою сажали коровай. Одинъ изъ парней-коровайниковъ во все это время постоянно ломаетъ вѣтки сухого вѣника и «закладываетъ ихъ на загнетъ,» стараясь поддержать огонь, чтобы коровай былъ румяный. Это символическое дѣйствiе имѣетъ одинаковое значенiе съ описанною уже борьбою за корзину съ рожью. Имъ какъ бы выражается желанiе, чтобы дѣвушки въ этомъ году не выходили еще замужъ. Между тѣмъ занятiя около коровая склоняютъ мысль коровайницъ рѣшительно въ противоположную сторону; по чему онѣ сердятся и поютъ:

Счарбатый, лунатый, загнетъ закладаець,
Яму Богъ ня памагаець.

Коровайницы, наконецъ, и тутъ кончили свое дѣло, посадили коровай въ печь:

Расци, расци, каравай,
Выше печи мѣдзяной,
Выше столи залатой,
Выше Гандзи маладой!

Онѣ начинаютъ нерѣдко ударять въ ладоши, и при этомъ въ пѣснѣ заявлять свое благодареніе Богу за оказанную помощь:

Дзякуемъ цябѣ, Боже,
Што намъ каравай гожій!
Хороше снарадзили,
И у печь пасадзили.

Или:

Хвала Богу, што мы дзѣло зрабили:
Каравай усадзили
Ручками бѣленькими и проч.
Каравайницы пьяницы:
Усе цѣсто накрали,
По кишенямъ наклали,
Ахъ, цемне пришло,
У кишенѣ цѣсто падышло.
Чи я жена гожа,
Языкомъ дзежу гложа;
Чи я жена хижа,
Языкомъ дзежу лижа.
Дайце мнѣ чарку,
Я тую выпью;
Дайце другую,
Я выпью и тую,
А за трецюю
Я подзянкую.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. У. Ср. Opis. pow. Borys. 297, 298.)

Опять начинаютъ пить, закусывать; иногда бываютъ пляски. Но мысль о короваѣ не покидаетъ коровайницъ, и вотъ онѣ снова затягиваютъ пѣсню:

Стану я у печи,
Каравай гдядзеци,
Кабъ іонъ не атпекся,
Кабъ іонъ не аджохся,
Кабъ намъ соромъ не бывъ,
Да у чужія людзи!

Или:

А въ печѣ сидячи:
Де жь мои коровайночки, недбайночки!
Знать они запилися,
О мнѣ забулися!
Духъ мене занимае,
Часъ мене закропити,
Одволоженьку дати.
Ой хорошій коровай, хорошій!
Знаю: его хорошеньки робили.
Ой удалый коровай, удалый!
Знаю: его удалыи робили.
Ой бѣленькій коровай, бѣленькій!
Знаю: его биленькіи робили,
Ой червоный коровай, червоный!
Знаю: его червоныи робыли.
Ой бѣльматый коровай, бѣльматый!
Знаю: его бѣльматыи робили.... и т. д.
Ой невдалый коровай, невдалый!
Знаю: его не вдалые робили.

(Собрн. пам. нар. творч. въ С.-З. краѣ CCIII.)

Коровайницы начинаютъ наблюдать, не готовъ ли уже коровай, не пора ли его вынимать изъ печи. Сначала, для пробы, вынимаютъ нѣсколько «коровайныхъ шишекъ,» или маленькихъ булочекъ. Часть отдаютъ дѣтямъ, остальное служитъ закуской. Когда приходитъ время вынимать коровай, коровайницы поютъ:

Дайте намъ мѣчъ,
Розсѣчемо пѣчъ,
Выймемо дивный коровай.
Часъ мене выймати,
Часъ пшеничного въ комору ховати.

Или:

Запытався коровай у весильного кола:
А де жь тая дороженька отъ пѣчи до стола?
Чи баркунцёмъ заросла,
Чи калиной зависла?

Дѣйствительно, къ этому времени уже поставлена бываетъ на столѣ крышка отъ «дежи;» ее покрываютъ скатертью, уготовляя какъ бы достойное мѣсто для принятія коровая. Коровай съ торжествомъ вынимаютъ изъ печи и кладутъ его на приготовленное мѣсто. Коровайницы поютъ:

Положили коровай на столъ:
Столовыя ножки зыблются,
Всѣ люди дивуются,
Що удався нашъ коровай,
Да Пану Богу на хвалу,
Добрымъ людямъ на славу,
А пріятелямъ на диво.
Вы, пріятели, глядѣте,
И по таляру кладѣте.

Тутъ же на столѣ, около коровая, поставлено бываетъ иногда и блюдечко, куда всѣ, любопытствующіе посмотрѣть коровай, должны положить по нѣскольку копѣекъ. Иногда коровай украшаютъ цвѣтами. При этомъ поютъ:

Медведю волохатый,
Господарю багатый,
Бойся приступити,
Коровая выкупити!

Когда совершится, такъ сказать, осмотръ коровая, его переносятъ изъ комнаты въ клѣть, кладовую. Передъ этимъ, вмѣстѣ съ короваемъ, дѣлаютъ иногда кругомъ въ избѣ троекратный обходъ. Впереди всѣхъ идетъ хозяинъ, за нимъ коровайница съ короваемъ, и потомъ остальные гости. Совершивши круговую, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, выходятъ изъ избы. Пѣсни сопровождаютъ это путешествіе:

Пытався каравай у перапечи,
Да куда сцѣжка да клѣци?
А ты, караваю, вяропаю,
Часто у клѣци бываешь,
Сцѣжки, дарожки, пытаешь,
Вазьми пасашокъ, папирайся,
Да сцѣжки у клѣтку дабивайся!
Ой е сцѣженька да маленькая,
Абы наша рутонька зеляненькая,
Абы наша Марусенька маладенькая.
Мы же были на караваю,
Тамъ насъ частовали
Пивцомъ маладзенькимъ.
Медцомъ саладзенькимъ.

Или:

Зышло, вышло, соненько высоко,
Занесено нашъ каравай далёко,
Паставено на бочецѣ, на житѣ,
«Пазволь, Боже, съ добрыми людзьми пажици!»

(Еремичи, Минской Губ. Новогр. Уѣзда.)

Коровайницы, а съ ними и всѣ присутствующіе, радуются, что печеніе коровая совершилось удачно; онѣ возвращаются въ избу, снова начинаютъ пировать, и при этомъ поютъ:

Цымбалы заграли,
Коля оконъ забращали,
Ганначкина челядзь
Захацѣла вечерацъ.
Ляцѣли гусачки съ вырею,
Да пыталися караваю:
«Ци вже вы каравай спляскали,
Чаму насъ, гусачекъ, ня ждали?
Мы бы вамъ каравай спляскали,
Крылками, ножками, спляскали.»

Приличная «вечеря,» музыка и своеобразныя пляски завершаютъ наконецъ двухдневное торжество печенія коровая. Гости послѣ всего этого расходятся.

Читатель видитъ, съ какими разнообразными обрядностями совершается у селянъ печеніе коровая. Это разнообразіе, возвышенность и торжественность самой обстановки, иногда переносящей присутствующихъ въ міръ другой, невидимый, въ міръ Ангельскій, призываніе помощи Божіей и глубокое, сердечное, убѣжденіе коровайницъ (выражаемое въ пѣсняхъ), что вмѣстѣ съ ними работаютъ надъ короваемъ Самъ Богъ, и Пресвятая Дѣва, и Св. Ангелы, что вся природа какъ бы сочувствуетъ ихъ дѣлу и готова принести свою долю утастія, все это даетъ намъ право думать, что печеніе коровая, какъ мы сказали, занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ ряду свадебныхъ сельскихъ обрядовъ. И мы по тому хотимъ еще нѣсколько остановиться надъ этими обрядами и хотя немного уяснить себѣ ихъ значеніе, внутреннюю сторону.

Коровай прежде всего имѣетъ то значеніе, что онъ служитъ для молодыхъ благословеннымъ хлѣбомъ. Хлѣбъ же вообще у Славянъ пользовался (мы говорили объ этомъ уже въ Вил. Сборн. 1 вып.) всегда большимъ почетомъ, считался священнымъ. Кто колетъ ножемъ хлѣбъ, тотъ, по Чешскому повѣрью, поражаетъ самого Іисуса Христа. У Чеховъ же говорятъ: оставлять хлѣбъ на ночь непокрытымъ грѣшно, по тому что хлѣбъ тоже спитъ. Въ Западной Россіи до сихъ поръ, во многихъ мѣстахъ, тоже сохраняется такое повѣрье, и по тому тамъ никогда не оставляютъ хлѣбъ не покрытымъ. Намъ случалось видѣть, что кто, по невнимательности, упускалъ на землю кусочекъ хлѣба, тотъ, поднявши его, долженъ былъ поцѣловать; вообще страшныя наказанія ожидаютъ того, по мнѣнію народа, кто небрежно обращаетса съ хлѣбомъ—Божіимъ даромъ.

Нѣкоторые ученые говорятъ, что хлѣбъ это одинъ изъ символовъ солнечнаго языческаго еще божества. Въ поговоркахъ, пословицахъ, до сихъ поръ сохраняется сближеніе хлѣба съ солнцемъ, съ небомъ: «Повна печь паляныць, по серединѣ кнышъ» (Загадка: мѣсяцъ и звѣзды), говорятъ въ Малороссіи и Западной Россіи. Или: «За лѣсомъ, за пролѣсомъ, золота дѣжа кисне.» Или: «Червона дѣжа сходить.» По этому взгляду, уваженіе къ хлѣбу значитъ насаждено въ насъ не со вчерашняго дня. Оно, конечно, поддерживается тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ хлѣбъ въ нашей обыденной жизни. Но и Христіянство не только не ослабило такого значенія хлѣба; напротивъ, оно его какъ бы освятило,

упрочило. Самъ Спаситель называетъ себя хлѣбомъ животнымъ, такимъ, вкусившій котораго, живъ будетъ во вѣки. Исторію самаго хлѣба потомъ стали какъ бы отождествлять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ исторіею земной жизни Спасителя. Есть сказка, въ которой хлѣбъ противопоставляется змѣѣ. Змѣя, по этой сказкѣ, увидѣвши тотъ почетъ, которымъ пользуется хлѣбъ, и который выражается въ томъ, что хлѣбъ всегда лежитъ на столѣ, обернутый скатертью, съ завистью обращается къ хлѣбу (змѣйдьяволъ завистникъ) и спрашиваетъ: «Какъ достигъ онъ такого почета?» Хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ досталась ему честь; что до этого онъ претерпѣлъ многія муки: его молотили, мололи, мѣсили, въ печи пекли, и за тѣмъ уже положили на столъ. Если такія высокія, священно-поэтическія, сказанія сохраняются о простомъ хлѣбѣ, то, конечно, тѣмъ болѣе величественною обстановкою должно сопровождаться печеніе коровая—благословеннаго хлѣба. Это какъ бы зародышъ, сѣмя, основаніе будущаго благоденствія молодыхъ; въ немъ, какъ въ зернѣ, скрываются задатки будущаго матеріяльнаго и нравственнаго роста брачущихся: слѣдовательно, по взгляду селянъ, печеніе коровая—дѣло великое; при исполненіи его нужно соблюсти возможно торжественную обстановку, выполнить давно сохраняющіеся обряды и повѣрья. Что же удивительнаго, если пѣсни селянъ при настоящемъ случаѣ заставляютъ какъ бы самого Бога мѣсить коровай, Пресвятую Дѣву и всѣхъ Святыхъ, добрыхъ людей, помогать Всемогущему, а Ангеловъ носить воду? Конечно, то высокое значеніе, какое соединяютъ съ короваемъ, можетъ имѣть силу только тогда, если самъ Богъ, такъ сказать, участвуетъ въ немъ своимъ всемогуществомъ.

Съ другой стороны, коровай приготовляется для молодыхъ такихъ лицъ, которые оставляютъ одинъ образъ жизни и рѣшаются вступить въ новый, отличный отъ перваго и представляющій въ себѣ очень много таинственнаго, загадочнаго. То и другое отчасти въ настоящее время, быть можетъ, безсознательно изображаютъ въ обрядахъ и пѣсняхъ при печеніи коровая. Г. Потебня говоритъ, что коровай—символъ жениха; на коровaѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ «очепокъ,» которымъ покрываютъ голову молодой, въ знакъ того, что она становится замужней женщиной. Пѣсня, которую поютъ при этомъ случаѣ, намекаетъ, что виновникъ покровенія—коровай:

Эй, дагадайся, Ганнулё,
На што каравай внесяно:
На караваю павиванє,
На тваю касу пакрыванє.

Другая пѣсня: «Пытаєтця коровай у перепечи,» которую мы привели, кромѣ своего буквальнаго указанія на древній обычай выносить коровай изъ избы въ клѣть, намекаетъ еще на то, что отъ коровая происходитъ потеря дѣвства. Рута—постоянный символъ дѣвства, и топтать руту значитъ лишать дѣвства; стежка, про которую спрашиваетъ коровай, идетъ ко клѣти, по тому что тамъ кладутъ спать молодыхъ. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Г. Потебня и слѣдующую пѣсню,—разнорѣчіе первой:

Пытаєсь коровай у перепечи,
Чи є стежка до печи?
— «Ой є стежка, да маленькая,
Муравочка зелененькая,
Ой заросла да суничникомъ,
А зацвѣла полуничникомъ.

Трава значитъ дѣвица, дѣвство; суниця (клубника), полуниця (земляника), по всей вѣроятности,—то же. перепечь—невѣста, коровай—женихъ: быть имъ вмѣстѣ въ печи. Въ такомъ глубоко знаменательномъ значеніи коровая мы должны искать причины, по чему изготовленіе его сопровождается у селянъ роскошной обрядностью.

Свадьба, бракъ, у Западно-Русскихъ селянъ обыкновенно совершается въ Воскресенье, послѣ обѣдни. Молодые должны быть на тощакъ.

Рано встаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста. Отъ имени ихъ отправляется мальчикъ къ знакомымъ, сосѣдямъ, роднымъ молодыхъ, и проситъ ихъ на «вѣнчанины» къ жениху и невѣстѣ. «Дружки» между тѣмъ, «сваты и свахи» занимаются нарядомъ молодыхъ. У молодой расчесываютъ волосы, заплетаютъ косу, завязываютъ кругомъ головы бѣлой платокъ, къ нему пришпиливаютъ множество разноцвѣтныхъ лентъ. По срединѣ платка

на головѣ укрѣпляютъ «рутяный вѣнокъ,» и по нему тоже пускаютъ рвзноцвѣтныя долгія ленты. Если отъ жениха получены подарки, состоящіе въ платьѣ, то они непремѣнно должны быть надѣты теперь. Одѣтая, такимъ образомъ, невѣста съ дружиною отправляется сама просить на «весилье.» И женихъ, въ свою очередь, одѣтый въ новое платье (свитку, сапоги), съ рутвянымъ вѣнкомъ при шапкѣ, дѣлаетъ то же (каждый изъ нихъ, конечно, порознь). Пришедши въ чужой домъ, они говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: «Просивъ батько и мати, и я прошу на весилье, на хлѣбъ, на суль, на коровай, и на все то, що панъ Бугъ давъ.» Совершивши такой обходъ, каждый изъ молодыхъ возвращается во своя си. Тутъ они иногда застаютъ уже гостей, скоро, по крайней мѣрѣ, наполняется ими домъ жениха и невѣсты. Гостямъ предлагается небольшая закуска. Иногда гости приносятъ съ собою хлѣбъ, или пирогъ, который и кладутъ на столъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Когда приближается время отправляться къ вѣнцу, въ домѣ жениха ставятъ по срединѣ столъ, на которомъ кладутъ хлѣбъ. Женихъ трижды обходитъ вокругъ стола, дѣлаетъ земной поклонъ передъ иконой, цѣлуетъ руку родителей, цѣлуется со всѣми присутствующими, и выходитъ изъ дому. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обрядъ бываетъ сложнѣе, торжественнѣе. «Дружко» беретъ бѣлое полотенце, одинъ конецъ котораго даетъ молодому, а другой держитъ самъ. Потомъ онъ трижды обводитъ молодого кругомъ стола, и за каждымъ разомъ они кланяются въ ноги всѣмъ присутствующимъ, также хлѣбу, который лежитъ на столѣ. Послѣ этого иногда еще садятъ молодого на корзинѣ съ рожью, и при этомъ крестная мать постригаетъ ему волосы, а сестра припаливаетъ ихъ нѣсколько восковой свѣчой. Присутствующіе поютъ:

Яначка братня на гумнѣ ходзиць,
Да три сады садзиць, усе три хмѣлевые:
«Війся, хмелю, війся да кола тычинки,
Да усадъ шишечками:
Пастрягайся, Яначка, зъ ребяцкаго стану
Да у мужескую славу!»

Послѣ этого женихъ выходитъ съ своей дружиной изъ дому и отправляется къ невѣстѣ.

(Еремичи, Новогор. Уѣзда Мин. Губ.)

Самые бѣдные селяне считаютъ священнымъ долгомъ отправляться къ вѣнцу не пѣшкомъ, а на лошадяхъ. Женихъ иногда ѣдетъ верхомъ. Когда поѣздъ уже готовъ тронуться то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мать жениха беретъ «калачъ» и освященую воду, обходитъ трижды вокругъ телѣги, въ которой свахи съ дружкомъ, а иногда и молодой, кропитъ всѣхъ священною Богоявленскою водою, и передъ лошадьми кладетъ калачъ. «Возила» трогаетъ лошадей и всѣми мѣрами долженъ остерегаться, чтобы не коснуться «калача,» въ противномъ случаѣ нужно ждать несчастія. Иногда же мать жениха, одѣтая шубой, вверхъ шерстью, трижды обѣгаетъ кругомъ лошадей, обсыпаетъ ихъ овсомъ и при этомъ поютъ:

Стояла рутонька вкрай плоту,
Друбненькимъ дощикомъ ульяна:
Ой, тамъ Иванко умывався,
Своимъ ворогамъ кланявся:
«Ой, мои жь вите вороги!
А не переходьте дороги,
А нехай перейде Господь Бугъ,
А муй батенько навперудъ!
Кропи но ты коня,
Кобъ Бугъ зносивъ дѣте,
Зъ великои дороженьки,
Съ чужои сторононьки,
Змежи чужихъ людей!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ Сз. краѣ. CXCV.)

Невѣста, ожидая прибытія жениха, уходитъ въ сосѣднiй домъ, и возвращается только тогда, когда женихъ уже въ ея домѣ. Тогда родители невѣсты начинаютъ приготовлять ее «до шлюбу.» Ставятъ по срединѣ комнаты квашню, въ которую кладутъ хлѣбъ съ солью, и покрываютъ ее шубой вверхъ. Это вновь приготовленное мѣсто называется «посадомъ». Къ нему подходитъ невѣста съ своими подругами. «Дружки,» сначала у родителей невѣсты, а

потомъ и у всѣхъ присутствуюшихъ, испрашиваютъ благословенія посадить невѣсту «на посадъ»: «Пане ойче, пани матко, панове сусѣдзи (говорятъ онѣ) благаславице маладую на посадъ посадзици!» Присутствующіе отвѣчаютъ: «Боже, благаслави!» Дружки при этомъ поютъ:

Павстаньте, баяре, всѣ у рядъ!
Сядзять маладую на пасадъ!

Сама молодая подходитъ теперь къ каждому гостю, не минуя ни стараго, ни малаго, и всѣмъ кланяется въ ноги. Въ пѣснѣ поется:

Хиляйся, калинка, хиляйся:
Кланяйся (имя невѣсты), кланяйся,
Старого, малого не минай,
У Бога долечки добывай!
За тоє зганена не будешь,
У Бога долечки добудешь,
Старому, малому на двоичи,
Свойму батюшку хоть трейчи!

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ CCLXV.)

Если невѣста—сирота, присутствующіе отъ лица ея поютъ:

Низеньку головку клонючи,
Межи бояри пана ойца ищучи;
Я усѣ бояри перейшла,
Свойго пана ойца не знашла;
Кинуся, падуся объ скамью,
Свою головоньку розобью,
Свои слезочки розолью,
Свою родинку розжалю.
Бѣдная моя головка у вѣночку,
Нѣтъ мойго пана ойца у родочку!
Бѣдная моя головонька у твѣтѣ,
Нѣтъ мойго пана ойца на свѣтѣ!

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Невѣсту садятъ «на посадъ.» Присутствующіе поютъ:

Ляцѣли гусачки цѣразъ садъ:
«Часъ табѣ (имя невѣсты) на пасадъ.»

—«Што вамъ, гусачки, да таго,
Єсць у мяне маточка для таго,
Яна мяне на пасадъ пасадзиць,
Яна мнѣ радочку парадзиць.»—
«Парадзиць радочку я рада,
Выправиць да шлюбу паѣду.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CLXXIII.)

Или:

Братъ сястру на пасадъ вядзе,
Сястра брату да ногъ падзе:
«Чѣмъ я братка дакучила:
Ци русаю касой,»
Ци сваей красатой?»
—«Ты мнѣ ня дакучила
Ни русай касой,
Ни сваей красатой:
Частыми госциками,
Што суботы ѣздячи,
Цябе, маладой, пытаючи.»

(Тамъ же, CCLXVI.)

Теперь приходитъ братъ, или ближайшіе родственники (называемые «закосники»), и также испрашиваютъ благословенія у всѣхъ присутствующихъ «расплести маладой косу.» «Ёсцъ тутъ Богъ, бацько, матка?» и проч... Просьба повторяется три раза, и въ отвѣтъ получается: «Богъ благаславицъ!» Закосники расплетаютъ косу, иногда поджигаютъ со всѣхъ четырехъ сторонъ ея волосы, дружка держитъ свѣчу, а подруга черезъ кольцо продѣваетъ небольшія пряди волосъ и, подпаливъ ихъ, отходитъ, а невѣста встаетъ съ «посада». Сидѣніе невѣсты на «посадѣ» представляется послѣднимъ, заключительнымъ дѣломъ пребыванія невѣсты подъ теплымъ крылышкомъ своей матери, ея прощаніе съ беззаботною, холостою, такъ сказать, жизнію, и приготовленіе ко вступленію въ новый неизвѣстный міръ. Минута трогательная, вызывающая слезы. Если дѣвица выдержала свою роль, не уронивъ слезинки, ей тогда спаютъ пѣсню:

Щто жь тамъ за пташечка,
Чорная якъ галочка,

Усё поля злятала,
Крыльцомъ ни махнула,
Перца ни зранила?
Што жь тамъ за дзѣвица,
Пасадъ пярасѣдзѣла,
Слёзки ни зранила,
Маточки ни разжалила.

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ. CCLXXII.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ еще такъ. Посадивши молодую на посадъ, вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ, а между тѣмъ поютъ. Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой башмаки и подвязки для молодой. Въ Ошмянскомъ, Лидскомъ, Троцкомъ Уѣздахъ между закосниками и маршалами начинаются при этомъ продолжительные споры, иносказанія, двусмысленности, цѣль которыхъ допросить маршаловъ, за чѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

(Виленск. Губ., Корева, 625.)

Бываетъ и такъ: когда молодой приближается къ дому невѣсты, ее приготовляютъ «садить на посадъ». Съ одной изъ «большанокъ-дружекъ» она сидитъ на лавѣ. Въ это время входитъ въ избу братъ молодой съ пирогомъ изъ житной муки, ражкою воды и березовой вѣткой—тремя символами сельскаго житья-бытья. При входѣ онъ останавливается. Завидѣвши его молодая, съ своею подругой, покрываются платкомъ и поютъ:

«А мой брахненька, пашта увышовъ,
Съ ржанымъ пирагомъ, съ дубовай ражкой,
Съ пшонныкъ пивомъ, съ бярозавай розгой?»
— «Ржаный пирогъ дзѣвкамъ падзялю,
Съ дубовай ражкой у ягоды пайду,
Пшоннаго пива подъ уголъ падлю,
Зъ бярозавой розгой на паству паганю.»

Тогда братъ беретъ сестру, и ведетъ ее на посадъ. Присутствующіе поютъ:

Братъ сястру на пасадъ вядзець,
Шовкомъ зямельку мяцець,
Сытой паливаець,
Съ сястрой размовляець:
«Сястрица радная,
Да ня будзь гордая,
Да ня желѣй галовки, да кланяйся,
Мамцѣ у ножки, няхай мамка знаець,
Да объ долю угадаець!»
— «Знаю, дзяцятка, знаю,
Да объ долю ня угадаю,
Дасць Богъ долю, дасць добрую,
Хвала Табѣ, Боже!
А кали якую проклятую,
Ахъ моцный мой Боже!»

Братъ испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія: «Ёсць тутъ Богъ, бацка и матка, хрещоные и родзоные, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные и бабки запечные и дзѣтки заплечные, благаславице малую панну на пасадъ пасадзиць.» Въ отвѣтъ получается: «Богъ благаславиць!» Послѣ троекратнаго повторенія, молодая становится, съ своею подружкой, у порога (обѣ покрытыя платкомъ) и причитываетъ: «Добры вечеръ да у гету хату, мужомъ статечнымъ, бабкамъ запечнымъ, дзѣткамъ маленькимъ! Сусѣди мае, да идзице ка мнѣ, на мае вясельле!» Невѣста кланяется въ ноги отцу и матери, испрашивая благословенія и причитывая: «Матечка мая! благаслави мяне на пасадъ сѣсьци, на Божія мѣйсца, падъ высшимъ акномъ, падъ Божимъ крыломъ, гдзѣ Богъ разказавъ, гдзѣ людъ разгадавъ!» Съ подобными причитаніями невѣста подходитъ къ каждому. Въ хатѣ идетъ пѣніе пѣсенъ.

Братъ между тѣмъ устрояетъ «посадъ.» На лавѣ, за столомъ, напротивъ печи, растилаетъ кожухъ и, взявши молодую въ поясъ, три раза обертывается съ нею, и потомъ усаживаетъ на кожухѣ. Къ этому времени прибываетъ дружина молодого. Подошедши съ житной булкой къ дверямъ дома, «дружка» говоритъ: «Добры вечеръ, пане сваце, и той свенцоной хацѣ, тому міру хрещоному! Прислався сватъ до свата, сваця да сваци, маладый князь да маладой князи: ёсць тутъ панна заручона? Кабъ намъ была выдад-

зона! Чи чули?» Въ отвѣтъ получается: «Ня чули!» Получивъ за третьимъ разомъ утвердительное: «Чули!» «дружко,» въ кожухѣ вверхъ шерстью, съ плетью черезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ пирогъ возлѣ печки, другой на столъ, и тутъ же оставляетъ для подругъ невѣсты троякъ ($1\frac{1}{2}$ коп.); онѣ поютъ:

Улезъ дружко у хату, на печь зазераець,
Чи вяликъ гаршокъ каши, чи паядаюць
Наши: адзинъ кажець: «Мала!»
Другій кажець: «Годзя!»
Треци кажець: «Мавчи!»
Бо загадаюць тавчи.

Дружко подходитъ къ молодой, и хочетъ взять ее. Подруги невѣсты поютъ «дружку,» указывая на троякъ:

Бяри сабѣ гета,
Купи сабѣ мыла,
Кабъ цябе жонка любила,
Кабъ дзѣци пазнали,
И бацькомъ назвали!

Наступаетъ своего рода торгъ и сопряженная съ нимъ толкотня, суматоха. Подруги невѣсты отталкиваютъ отъ нея дружка, схватываютъ его за ноги, руки. При этомъ поютъ:

Верабей, дружко, верабей,
Па суметнику паскакавъ,
Нагой шелягъ выкапавъ,
Сваю дзѣвку выкуплявъ.

Дружку дается наконецъ схватитъ невѣсту, и онъ три раза съ нею обертывается. Невѣста поетъ:

Дружко, дружко! ня варочай мяне!
Я ня калода табѣ:
Кабъ я калода,
У бару бъ лежала;
Кабъ я бяроза,
На мяжи бъ стаяла.

Подруги невѣсты снова окружаютъ дружка, и обвязываютъ его полотенцами:

Звязали, дружка, звязали,
Гдзѣ жь яго паймали?
Запився, дружко, запився
И на дружину забывся.
А гдзѣ жь твая дружина:
Чи у полѣ падъ шатромъ,
Падъ бѣленькимъ палатномъ?

Поются и другія пѣсни. Кругомъ радость, веселье, хлопанье въ ладоши. Дружко по временамъ отзывается только къ подругамъ невѣсты: «Брашице, брашице!»

За тѣмъ прибываетъ и молодой. Изъ хаты выносятъ столъ и ставятъ у порога. Мать невѣсты, въ вывороченной шубѣ, выходитъ на встрѣчу молодому съ хлѣбомъ и солью. Ее окружаетъ дружина обѣихъ сторонъ. Съ полной чаркой въ рукѣ, теща встрѣчаетъ своего будущаго зятя: «Зяценьку! Пью на цябе полнымъ кубкомъ, добрымъ здаровьемъ: што мыслю сабѣ, то и табѣ,» и подаетъ молодому. «Зяценько» черезъ голову выливаетъ водку на землю; то же повторяется во второй разъ; за третьимъ разомъ молодой «пригубляетъ» рюмку, бросаетъ туда пять, или десять, копѣекъ, и снова передаетъ тещѣ. Она выпиваетъ водку, а деньги забираетъ себѣ. Вся дружина входитъ въ избу, при многочисленныхъ разнообразныхъ пѣсняхъ; начинается общее угощеніе.

(Opis. pow. Borys. 305—318.)

Вставши съ «посада,» невѣста, подобно жениху, трижды обходитъ кругомъ стола, кланяется всѣмъ присутствующимъ, цѣлуется съ ними, цѣлуетъ руки родителей, падаетъ къ ихъ ногамъ. Подруги поютъ:

Благаславице, людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гетаму дзѣцяци
До шлюбу стаци!
Скачила Агатка зъ лавки да лавки,
Скланилася мамцѣ низка у ножки,
Корками зямельку парыла,

Слезками ножки памыла.
Карыся, Агатка, старому
Кланяйся и малому!
Съ паклона галовка ня балиць,
Старый и малый благаславиць.

Сама молодая причитываетъ:

Таткавъ куточекъ,
Божій дамочекъ:
Благаслави да шлюбу ступици!
Кали ты благаславишь,
Самъ Богъ благаславиць.

Получивши благословеніе, невѣста отправляется въ церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодой передъ отъѣздомъ своимъ изъ дому посылаетъ невѣстѣ красную ленточку—знакъ, что она должна отправляться въ церковь, что самъ онъ уже на пути. Невѣста, получивъ такое посланіе, въ сопровожденіи своей дружины, «маршалка, свахъ, музыки или велелаго,» усаживается въ «фурманку» и ѣдетъ къ вѣнцу. Лошадьми правитъ «маршалокъ.» При этомъ тогда поютъ:

Ойченьку муй рудненькій, перейдзи дароженьку!
Ойченьку муй рудненькій, въ счастливу гадзиноньку!
«До шлюбу, дѣвонька, да шлюбу,
Упади матюньци да нужокъ,
Падякуй дѣвонекъ за вѣнокъ,
Красненькимъ маладцямъ за танокъ!»
Дѣвоньки бывали,
Маладци таночки наймали.

Или:

Мои милы вороженьки,
Зступите зъ дороженьки
Нашому молодому
Ѣхати до Божьего дому!
Тамъ намъ ручкы звяжуть,
Вѣрное словце скажуть,
Вѣрнѣе якъ батенька,
Вѣрнѣйшее нѣжли матюнка.

Или:

Бѣжите, коныки сывы, невелыки,
На гору крутую, подъ церковь святую!
Перша квѣтонька — молода дѣвонька,
Другая квѣтонька — молодый молодець.

Или:

Дзвонное дерево топульле,
Якъ въ лѣсѣ стаяло, шумѣло,
Дорогою везёно — звѣнило,
На двуръ звезёно — мувило,
Мувило дѣвонькамъ въ недѣльку
Навити вѣночковъ зъ барвѣнку.
Не плети косанки въ батужки,
Наготуй ручничокъ подъ нужки,
Жовтую свѣченьку у ручки!»
На бѣленомъ ручничку стояла,
Жовтую свѣченьку тримала,
Своёму молодцёви присягала,
Якъ бубъ слезоньки ронила,
А въ Бога доленьки просыла:
«Тутъ мене, Боже, споможи,
И мого батюнка принеси,
На святоє новоє подвурье,
На записове застульле!»

(**Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.**)

Или:

Разсыпайцися, горы,
Разлятайцися, уцесы!
Дзѣвачка къ вянцу ѣдзи,
Ня доля спотыкая,
Она зъ доляй размавляя:
«Доля мая, доля, кали ты добрая,
Садзися са мной на возъ!
Доля мая, доля, кали ты якая,
Плыви сабѣ зъ вадою,
Ня са мной, маладою.!»

(**Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ CCXCIII.**)

Или:

Пашовъ (имя) въ калиновый логъ,
Наламивъ калинки колька могъ,
Палажывъ (имя) на пріполъ,
Стала калинка буяци:
— «Досиць табѣ (имя) гуляци,
Пара на вазокъ сядаци,
Ни на одну гадзинку, на увесь вѣкъ,
Ни на цябе одну, на увесь свѣтъ!»

(Тамъ же CCLXXVII.)

Или:

Ходзила (имя) на падварейку,
Прасила сваей маточки:
«Ня позьни насъ пазьнѐнька,
Выправляй насъ раненька!
Тамъ же насъ папы ждали,
Церквы паадмыкали,
Каберцы пазасцѐлали,
Тамъ намъ руки звяжуць,
Вѣрная слава скажуць,
Съ чужою чужаницею,
Съ вѣчнаю маладзицею.»

(Тамъ же CCLXXVIII.)

Приближаясь къ церкви поютъ:

Нема попа дома,
Поѣхавъ до Вельвова (до Львова)
Ключики куповати,
Церковцю одмыкати,
Двое дѣтокъ вѣнчати....
«Попе, попе, ойче нашъ,
Отчини церковь противъ насъ,
Звѣнчати дѣтокъ двое въ Божій часъ!»

Встрѣтить на дорогѣ другую свадьбу считается однимъ изъ величайшихъ несчастій. По дорогѣ женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Когда проѣзжаютъ мимо мельницы, то, въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ, мельникъ останавливаетъ воду, за что отъ молодой получаетъ поясъ.

Прибывши въ церковь, молодые слушаютъ обѣдню. По окончаніи ея «дружки» начинаютъ приготовлять для молодыхъ мѣсто. Передъ аналоемъ, по срединѣ церкви, разстилаютъ кусокъ бѣлаго холста; на немъ, во время вѣнчанія, становятся молодые. По краямъ его кладутъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, двѣ булочки хлѣба и нѣсколько копѣекъ денегъ, въ той мысли, чтобы въ будущемъ далъ Богъ изобиліе. Этотъ хлѣбъ, деньги, холстъ и еще коечто, отъ имени молодыхъ курица и пѣтухъ, остается уже въ пользу совершающихъ таинство брака. Чтобы въ будущемъ не встрѣчалось въ жизни особенныхъ препятствій, стѣсненій, свахи разстегиваютъ у молодыхъ нѣкоторыя застежки. Во время совершенія таинства обращаютъ вниманіе на то, какъ у молодыхъ горятъ свѣчи. Свѣтлое, ясное, горѣніе предвѣщаетъ имъ такую же будущность; въ противномъ случаѣ ожидаютъ бѣдствій, несчастій. Еще: у кого изъ молодыхъ сгоритъ большій кусокъ свѣчи, того жизнь значитъ сгоритъ скорѣе, т. е., онъ умретъ прежде своего друга. Если бы свѣча потухла, то тотъ, у кого это случилось, долженъ ожидать близкой смерти. Во время вѣнчанія невѣста иногда старается наступить, яко бы не взначай, на ногу своего жениха; послѣ этого, по мнѣнію селянъ, уже непремѣнно женихъ будетъ слушать свою жену. По совершеніи таинства невѣста, сходя съ холста, на которомъ стояла, тащитъ его ногой почти до дверей. Это для того, чтобы «вытянуть, молъ, замужъ всѣхъ своихъ подругъ» (Гродн. Губ.).

Послѣ брака свадебный поѣздъ нерѣдко направляется въ корчму, гдѣ устроятся маленькая попойка, отсюда уже ѣдутъ въ домъ жениха, или невѣсты. По дорогѣ раздаются веселые крики и пѣніе пѣсенъ:

Подякуймо попонькови,
Нашему батенькови,
Що наши дѣтки звѣнчавъ,
Немного за шлюбъ взявъ —
Штыры золотые
За нашіе молодые!

Другіе изъ поѣзжанъ, вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ, поютъ:

Литовскую копу
За дѣвоцькую косу.

Или:

А не вѣй, вѣтре, полемъ,
А вѣй, вѣтре, дорогою за мною,
Розмотай мою косу по поясу!
Моя коса до пояса,
Шовкомъ заплетена,
Золотомъ окована.

Или:

Пріѣхала дѣвонька зе шлюбу,
Пала вона утонькою
Передъ своею матюнкою:
«Моя матюнка, роже,
Поздоровъ тебе, Боже,
Що ты мене породыла,
Хорошого сёмьянина!
На мене попы глядять,
На мене дяки глядять,
На мене задивилися,
Въ ксёнжкахъ помылилися.

Или:

Знати Кузёмки, що звѣнчаный,
На іотъ вѣночекъ перемѣняный;
Якъ до шлюбу ѣхавъ, бувъ зъ калиноньки,
А якъ зе шлюбу — зъ рутоньки.
Иде Кузёмка зъ вѣнчальнечка,
Его батенько у воротъ стоить,
Бѣлый ручничокъ въ рукахъ держить,
Слезоньками облывается,
Бѣлымъ ручничкомъ утѣрается,
Свого дѣтятеньки пытается:
«Що ты бачивъ, мое дѣтятко?»
— «Бачивъ я, батеньку, всѣ Святыи и Пречистую:

Пречистая вѣнки вила,
Мнѣ, молодому, въ ручкы дала!»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Или:

Гаи розвивають,
Сады зацвѣтають,
Намъ поле радуе,
Намъ село дивуе:
Молодый Иванко,
Зъ шлюбоньку иде:
—«Ой якъ зачуешь, муй батеньку,
Муй голосокъ у полѣ,
Застилай столы тёсовыи
Бѣлыми обрусами,
Ой посади свою родиненьку
Коло тёсова стола,
А я, молоденькій,
Буду кланятися
Старому и малому
И батеньку своёму!»

(Сборн. пам. нар. творч. CXCVI.)

Когда брачный поѣздъ приближается къ деревнѣ, поѣзжане поютъ:

Не дивуйтеся, добры люде,
Що мы пузно йдемъ зъ шлюбу:
Не было попувъ дома,
Ѣздили до Львова
Ключовъ покупати
Церковь одмыкати,
И дѣтокъ (имена жен. и нев.) вѣнчати.

Подъѣзжая къ дому родителей, молодые посылаютъ нарочнаго-маршалка освѣдомиться: рады ли будутъ хозяева гостямъ? Маршалокъ трижды спрашиваетъ объ этомъ у родителей молодыхъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, даетъ знать о немъ, успѣвшимъ уже подъѣхать къ воротамъ дома, молодымъ. По заявленію маршалка, молодые въѣзжаютъ на дворъ; свахи поютъ:

Моя матюнко утко,
Чомъ не выходишь хутко,
Чомъ насъ не витаешь,
Чомъ насъ не пытаешь,
Чи горазъ мы шлюбъ брали,
Чи вси прiѣхали?

Тутъ выходятъ на встрѣчу «вытати» молодымъ родители, иногда въ вверхъ вывороченной шубѣ, поздоровляютъ ихъ и почтуютъ пивомъ, или водкой; съ тѣмъ вмѣстѣ они просятъ всѣхъ прибывшихъ съ молодыми откушать хлѣба-соли. Сваха и другiе поютъ:

Дайте кола,
Ручнички до стола:
Иванова (или Варварины) свадьба квокче,
Обѣдати хоче!

Гости входятъ въ комнату и усаживаются за столъ. Первое мѣсто принадлежитъ молодымъ. Его иногда застилаютъ тоже вывороченной шубой. Въ Минской Губернiи, молодыхъ послѣ вѣнца, встрѣчаютъ еще и такъ: Мать молодой, надѣвъ на выворотъ кожухъ и шапку, съ хлѣбомъ, въ сопровожденiи мужа, выходитъ на встрѣчу, и отецъ говоритъ: «Ци есть тутъ войцець и матка и усеньки прiяцеле?... Благаславице маладую у хату ввесци!» А молодая плачетъ и говоритъ: Ойченько мой радненькiй! Чаму ка мнѣ ня выходишь, чаму мяне ня пытаешь, гдзѣ я, малада, бавилась?» За этими словами родители просятъ «дзѣтакъ» въ хату, куда и входитъ весь свадебный поѣздъ. Женихъ даритъ свекрови деньги, и покупаетъ мѣсто за столомъ у брата невѣсты, который садится подлѣ нея. Хоръ поетъ:

Убралася цеща въ авчину,
Хацѣла зяця злѣкати,
Ня хацѣла дачки атдаци.
Ой братъ ня братъ—Татаринъ,
Прадавъ сястраньку за таляръ,
А русу косаньку за шостакъ (3 коп. сер.),
Бѣло личко атдавъ такъ.

Или:

Зажги, матка, свѣчку,
Выйдзи намъ на стрѣчку,

Прими дваихъ дзѣтакъ,
Дваихъ адналѣтакъ!
Яни будуць старацца,
Штобъ табѣ падабатца;
А ты, матка, учи,
Штобъ добро было живучи!

(Минск. Уѣзда.)

Гости садятся такимъ образомъ: на кутъ садится отецъ молодого, рядомъ сватъ; напротивъ нихъ садятся молодые на услонѣ, заслонѣ (скамейкѣ). Въ другихъ мѣстахъ (Новогор. Уѣзда) молодой, съ своею дружбой, садится по одну сторону стола, а молодая, со своей и дружкою, по другую, на скамейкѣ. Сваты поютъ молодымъ:

Альжбетка (Лиза) наша
Славила сабѣ пташа,
Довга жь іонъ налетавсе,
Пакуль у клѣтку даставсе,
Цяперь годзя (довольно) летаць,
Треба клѣтки пильноваць (стеречь).
Пильнуйце адзинь другова,
А болѣй никова!
Такая наша рада (совѣтъ),
Бо иначей будзе звада (ссора).

Начинается угощеніе. Отецъ беретъ бутылку водки и почтуетъ гостей, начиная съ зятя: «Ну, зятю, благаслаўлю васъ счасцемъ и житамъ, и бытамъ, и доугимъ вѣкамъ—будьце здоровы!» Зять отвѣчаетъ: «На здаровье!» Послѣ отца пьетъ зять, молодая и всѣ гости по три раза, а потомъ закусываютъ. Мать невѣсты ставитъ на столъ верещаку (жареная пара колбасъ, то есть, два вѣнка, на сковородѣ вмѣстѣ съ кусочками свинаго сала). Сыръ изъ творогу, печено (жаркое) и пшонный пирогъ; закусившіе начинаютъ «гуляць» подъ звуки скрыпки и бубна, а молодой, съ отцомъ и дружбой, уѣзжаетъ домой къ себѣ, на коровай. Собравшіеся гости у молодого не пускаютъ его въ хату, а онъ долженъ купить себѣ позволеніе войти. Онъ всѣмъ даетъ, по крайней мѣрѣ, по грошу; иначе его не впускаютъ.

(Собр. пѣс., сказ... крестьянъ СЗ. края, Дмитріева, 194 — 196.)

Во время обѣда сватъ жениха постоянно долженъ занимать, развлекать, собраніе; онъ почти не садится. Какъ полный распорядитель, пришедшихъ гостей онъ разсаживаетъ за столомъ, «подноситъ имъ чарки» и закуску. Потомъ обѣдаютъ. Молодымъ подаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особо приготовленное для нихъ, кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьетъ здоровье своей жены, говоря: «Пью да цябе повнымъ купкомъ, щедрымъ сердцемъ, добрымъ здаровьемъ. Що мыслю сабѣ, то и табѣ.»

(Корева, 621.)

Въ пѣснѣ поется:

Гдзѣ бывъ, салавейка,
Гзѣ была, зюзелька?
Зляцѣлися яни въ адзинъ садочакъ,
Въ адзинъ кусточакъ,
Ѣли калинки съ адной калинки,
Пили вадицу съ адной криницы.
Гдзѣ бывъ (имя жениха),
Гдзѣ была (имя невѣсты)?
Зъѣхалися яни на адно падворье,
За адно падворье, за адно застолье,
Ѣли разынки съ аднаго павмиска,
Съ аднаго павмиска адной ложачкай,
Пили мёдъ, вино, съ аднаго килишка.

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CCLXIXX.)

Послѣ обѣда начинается пляска. Пляску въ нѣкоторыхъ нѣстахъ непремѣнно долженъ открыть «развести» отецъ жениха, или невѣсты. По этому случаю поютъ слѣдующую пѣсню:

Лѣйте водыци на хмѣлець,
Разведи, батеньку, намъ танець:
Ты (имя жениха, или невѣсты) дагадайся,
Сваихъ падружекъ напраси,
Свойго батенька вымѣни!

Женихъ остается недолго теперь у невѣсты, и съ своею дружиною отправляется къ себѣ въ домъ, а невѣста провожаетъ

его къ воротамъ, и получаетъ за это поцѣлуй и нѣсколько денегъ. Дома у жениха тоже начинается попойка, угощеніе, пированье. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ свадьбы молодые ѣдутъ каждый въ свой домъ, и только вечеромъ женихъ пріѣзжаетъ къ своей невѣстѣ. Эхо зависитъ отъ того, гдѣ когда принято печь коровай.

(Верховичи, Слонимск. Уѣзда Гродн. Губ.)

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, женихъ отправляется къ невѣстѣ «въ сваты.» Его сопровождаютъ всѣ родные, вся брачная дружина. Съ собою онъ везетъ немалое количество разнаго рода припасовъ. При выѣздѣ «въ сваты» повторяются, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тѣ же обряды, какъ и при отъѣздѣ къ вѣнцу. «Сватовъ» караулятъ въ домѣ у невѣсты: когда они подъѣзжаютъ, то сейчасъ раздается крикъ: «сваты ѣдутъ!» «Сваты», во время дороги, поютъ:

Поѣхавъ Иванко до свого тестенька,
Пуславъ послоньки впередъ себе до свого батенька:
«Нехай батенько запасы має,
На дворѣ ворота поодчиняє,
И новыи стайни поодмыкає,
Въ жолобы овса понасыпає,
Кринычной воды поналиває!
Въ мене коныки все румаки:
Не кажу ходити по поплавонцѣ,
Кажу стояти всѣмъ на стаєнцѣ,
Кажу имъ дати голого вувса,
А пити имъ дати криничной водици;
Въ мене сватове всѣ боярове:
Не кажу ходити по подворечку,
Кажу сѣсти всѣмъ на застулечку,
Кажу имъ ѣсти дати пшенычного хлѣба,
А пити дати зеленого вина.

Хотя иногда женихъ посылаетъ отъ себя впередъ посланца освѣдомиться въ домѣ у невѣсты, рады ли они будутъ гостямъ и, конечно, получитъ положительный отвѣтъ, но караульщики дѣлаютъ свое дѣло. Когда приближаются сваты, они ставятъ у воротъ лавку, застелаютъ иногда ее скатертью, кладутъ хлѣбъ-

соль и не пускаютъ «сватовъ» и жениха на дворъ (родителямъ жениха свободный пропускъ) до тѣхъ поръ, пока не получатъ «подворотнаго,» — одну и больше бутылку водки. Въ домѣ невѣсты въ это время поютъ:

У гордаго цѣсця стаиць зяць за варатами,
На ёго дожчикъ идзе, на ёго дробнюсенькій,
На ёмъ сукни мокнуць, падъ нимъ коники охнуць;
Вышла, выбѣгла красна Анулька:
«Ойченько, соловейко, што за госця маешь?
Чомъ на двуръ ня пускаешь,
Чомъ за столъ ня упрашаешь?
— «Анулько, мое дзѣцятко, маладый разумъ маешь,
Што всёго ня радаешь:
Якъ я ихъ на дворъ пущу,
Якъ я ихъ за столь папрашу?
Яни мёдъ, вино пытаюця,
Залатые кубки пабьюцъ
И цябе, маладу, вазьмуць.

Когда женихъ дастъ «подворотное», его впускаютъ на дворъ. Въѣхавши на дворъ, «дружки» молодого отправляются въ комнату, а женихъ со свахой остаются на телѣгѣ.

(Бобровскій, 630.)

Еще при первой вѣсти о приближеніи «сватовъ», гости въ домѣ у невѣсты усаживаются за столъ; садится и невѣста, а возлѣ нея ея братъ. Женщины въ это время поютъ:

Наѣхала Литва, будзе зъ ними битва,
Будемъ ваёвати, Мариньки не давати.

«Сваты» обращаются къ брату, и просятъ его уступить свое мѣсто жениху; братъ соглашается, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы его сестра была выкуплена за извѣстную сумму. Нечего дѣлать: «сваты» соглашаются, даютъ отъ себя часть денегъ, а остальное доплачиваетъ женихъ:

Братику намѣстничку,
Сядь собѣ у крислечку,
Учись, брате, торговати,
Якъ сестру продавати;

Не давай сестры отъ золотого,
Отъ таляра битого!
—«Осьмакъ слына сестра мила,
За столомъ якъ калина.»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ. CCIX.)

Или:

Ой не есть то братикъ, — Татарчукъ,
Що продавъ сестрёнку за канчукъ,
Бѣлое личенько за шостакъ,
Русую косоньку дарма й такъ.

(Тамъ же, CCX.)

Купивши для жениха мѣсто, «сваты,» вмѣстѣ уже съ родителями невѣсты, выходятъ встрѣчать жениха, который, какъ мы сказали, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ свахой, оставался на телѣгѣ. Сваха теперь поетъ:

Ой знати, знати, що тесть багатый,
Ой не выходить зятя витати,
Зеленымъ виномъ, пшеничнымъ пивомъ!

Родители приглашаютъ всѣхъ въ комнату. Входя дружки жениха поютъ:

Отсунься, братику, отъ сестры,
Вже жь бо я вульнѣйшій, нѐжь якъ ты:
Я вже до церквы доѣжжавъ,
И передъ Богомъ присягавъ,
И передъ усѣми Святыми,
И передъ боярами своими.

(Сборн. пам. нар. творч. CCXI.)

Въ другихъ мѣстахъ дѣлается еще такъ. Когда уже пріѣдутъ «сваты» на дворъ, то входятъ въ сѣни дома, и маршалокъ отправляется въ самую избу, а остальные остаются здѣсь до времени. Маршалокъ беретъ съ собою булку хлѣба, кладетъ подъ него копѣйку, или грошъ, на верху кусокъ жаркого и, вошедши съ этимъ въ комнату, гдѣ сидятъ за столомъ собранные гости, здравствуется съ ними и сейчасъ спрашиваетъ: «А чи ёсць тута-

ка нашей панны маладой вясёлый» (музыкантъ)? Получивъ утвердительный отвѣтъ, маршалокъ подаетъ «вясёлому» принесенные подарки. Музыкантъ благодаритъ: «Дякую атцу, матули, маладому, маладой, за гетый падарунокъ.» Маршалокъ выходитъ въ сѣни, и беретъ новые подарки для брата невѣсты, которую онъ стережетъ теперь. Подарокъ состоитъ тоже изъ булки хлѣба, подъ которою на этотъ разъ кладется около 20 коп. Та же передача подарка, и та же благодарность, съ указанными обрядностями. Снова маршалокъ идетъ въ сѣни за женихомъ, вводитъ его съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, останавливается по срединѣ комнаты и говоритъ: «О то прошу, ойче, матко, о благословенство тѣмъ дѣткамъ першимъ посагомъ!» Изъ за стола всѣ отвѣчаютъ: «Бугъ нехъ благословицъ!» Маршалокъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за такія благожеланія, и трижды обводитъ молодого кругомъ стола. Послѣ этого останавливается и говоритъ: «Прошу ойче, матко и родзе коханый, тѣмъ дѣткамъ на устемпъ!» При этомъ возглашеніи маршалка изъ за стола встаютъ всѣ сидѣвшіе, за исключеніемъ молодой и родителей, и даютъ мѣсто молодому и его дружинѣ. Молодой садится возлѣ невѣсты, остальные гости занимаютъ другія мѣста. При этомъ поютъ:

Колёсомъ сонико въ гору заходить,
Бокомъ (имя жен.) за стулъ заходить....

Когда всѣ усядутся, начинается угощеніе, обѣдъ. Въ концѣ обѣда женихъ даритъ короваемъ всѣхъ гостей.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Привезенный коровай разрѣзываютъ на части; также дѣлятся и сыры, которые призезъ съ собою молодой. Послѣ этого «сватъ», или «маршалокъ» беретъ тарелку, обернутую платкомъ. Поверхъ тарелки онъ кладетъ кусокъ коровая и нѣсколько частей сыру; съ ними онъ подходитъ къ каждому изъ гостей и говоритъ: «О то дарицъ бацько и маци и молодой N. короваемъ, Божіемъ даромъ.» Принимающій коровай: «Дзянкую ойцю и матцѣ, маладому и маладой за каравай, за Божій даръ. Кабъ Богъ давъ даждаць вяселья мойго сынка, чи дочушки, да кабъ я васъ въ вяселосци и въ радосци атдаривъ!» Одаривши всѣхъ короваемъ, свату подаютъ на палкѣ башмаки, иногда и чулки—подарокъ матери невѣсты. Сватъ передаетъ ихъ по принадлежности, и по-

лучаетъ благодарность. Другихъ гостей родители жениха дарятъ иногда холстомъ.

Теперь начинаютъ «сповывать» молодую, т. е., надѣваютъ ей на голову чепецъ, вмѣсто прежняго дѣвичьяго наряда, «строя». Передъ этимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мать молодого подстригаетъ накрестъ волосы молодой, положивши три пряди льну. Приступая къ «сповыванью,» свахи снимаютъ съ головы ленъ, подбираютъ волосы къ верху, опоясываютъ ихъ волокномъ льнянымъ. Женихъ и вообще мущины при этомъ не бываютъ: они уходятъ въ другую комнату. Самое дѣйствіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Приносятъ чепецъ, платъ (кусокъ холста) и шапку жениха и упрашиваютъ молодую надѣть все это, въ знакъ того, что она уже болѣе не дѣвица. Молодая, конечно, не соглашается. Напрасно которая ни будь изъ свахъ, подкравшись, надѣваетъ ей на голову принесенныя вещи, особенно стараются надѣть на невѣсту шапку жениха. Молодая сбрасываетъ шапку, желая какъ бы этимъ выразить, что она хочетъ оставаться дѣвицей. Такое дѣйствіе повторяется два раза:

На што мнѣ цапець?
Я кину на печь;
На што мнѣ шапка?
Кину падъ лавку.

За третьимъ разомъ она старается выбросить все въ окно, ей это не удается, но, какъ бы насильно, на голову ей надѣваютъ чепецъ, обвиваютъ наметкой. Въ такомъ видѣ невѣста кланяется всѣмъ присутствующимъ. Свахи поютъ:

Хвала табѣ, Боже: надзѣли Агатцѣ чапець,
Да ня кидай же яго на печь;
Уложили Агатцѣ шапку,
Да ня кидай же падъ лавку!
Чарнець Яночка, чарнець,
Да уложивъ Агатцѣ чапець,
Да на чапчикъ намѣтку,
Прибравъ якъ лябѣдку.

Или:

Хвалилися свахи, свое дѣло зробивши,
Княгиню повывши:

«Пойди, батеньку, погляди,
Якъ твое дѣтко вповыли.
Повыли, розквитовали,
Всѣ люде дивовали!

Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ еще и такъ: разбрасываютъ на головѣ молодой волосы, и даже подсмаливаютъ ихъ концы, въ знакъ того, что жена съ этихъ поръ не должна щеголять ими; смазываютъ волосы масломъ, иногда медомъ, чтобы жизнь новобрачныхъ была, такъ сказать, сладка, катилась, какъ говорится, по маслу; кладутъ на голову кусочекъ хлѣба и нѣсколько денегъ, желая этимъ изобилія, богатства въ будущемъ. Тутъ же надѣваютъ невѣстѣ на голову чепецъ, платъ. Свахи поютъ:

Ня скидай вѣнца, ня кладзи чапца!
Скинь чапецъ на градзицы,
Бо зробяць маладзицей!

Въ такомъ видѣ свахи стараются показать невѣсту молодому. Невѣсту, одну изъ дружекъ, сидящихъ за столомъ, покрываютъ простыней, вводятъ молодого и поютъ:

Ой вайдзи, вайдзи, паглядзи,
Ци твая, ци ня твая:
Што мы тваю жонку схавали,
Да стару бабу паказали.

Входитъ молодой и, конечно, узнаетъ сейчасъ свою невѣсту, садится возлѣ нея. Когда женихъ сядетъ возлѣ своей невѣсты, тогда свахи, желая нѣсколько посмѣяться сами и позабавить другихъ, поютъ:

Да нашъ Янaчка ня умѣе ни касиць, ни арацъ,
Ни сваё Катринки цаловаць.

При этомъ новобрачная отворачивается отъ своего мужа; послѣдній, однако не каждый, въ знакъ своей искренней любви, обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Всѣ начинаютъ хохотать и кричать: «Браво!» Опять начинается угощеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «перапой,» и бываетъ раздача коровая со стороны невѣсты.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Тогда начинаютъ пѣть присутствующіе:

Проступите, добрые людe,
Нехай до мене батенько буде,
Зъ великимъ даромъ и съ перепоёмъ,
Нехай перепье счастёмъ, здоровьёмъ!

Потомъ начинаютъ дѣлить коровай, при чемъ поютъ:

Просывся коровай у Господа Бога и пана господаря:
«Ой часъ мене, пшеничного, на столъ поставити.»

Или:

Ой въ полѣ, полѣ, вежа стояла,
Мурована и малёвана,
А въ той вежѣ дружечка лежить:
«Встань, дружечко, не лежи,
Полень, полени,
Коровай, подѣли!»

Разносится коровай съ такими же обрядностями, какъ при раздѣленіи коровая жениха. Верхнюю часть его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даютъ родителямъ молодыхъ, среднюю—гостямъ, основаніе—«вясёлому.» Потомъ, въ знакъ почтенія, молодая, черезъ своего маршалка, надѣляетъ родителей жениха и его дружину подарками, состоящими, большею частію, изъ холста. Свахи поютъ:

Жалься, Боже, даровъ
Тѣмъ пышнымъ бояромъ:
Умѣють дары брати,
Не вмѣють дяковати,
Шапокъ изнимати.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не разносятъ коровая, а, подѣливши его на части, предлагаютъ желающимъ брать самимъ. Каждый, подходящій за короваемъ, долженъ положить нѣсколько копѣекъ. Въ это время молодая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, опоясываетъ дѣтей поясами, которые она нагоговила до своего замужества.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Когда совершилась раздача коровая, то начинается одареніе молодыхъ со стороны гостей. Женихъ и невѣста садятся за

столъ. Передъ ними ставится чашка, куда всыпаютъ горсть ржи и кладутъ кусочекъ хлѣба. Иногда берутъ крышку отъ дежи, кладутъ на ней суконную юбку, отецъ молодой приноситъ булочку хлѣба, немного соли и говоритъ молодой: «Дарую цябе, дзецятко, хлѣбомъ, солью!» На хлѣбѣ оставляетъ нѣсколько копѣекъ.

На гэта ни сподзѣвайце,
Да рано уставайце,
Адно другого пабудзайце!

Молодая отвѣчаетъ:

Да мой татечка,
Щира цябѣ рабила,
Вѣрна служила:
Выслужила хлѣба кусочекъ,
Соли драбочекъ.

Подруги поютъ:

Добрая, Агатка, твая доля,
Што цябе татка дарицъ:
Счаслива будзецъ гадзина,
Цябе дарицъ уся радзина.

Сватъ, взявъ обернутую скатертью тарелку, выходитъ на средину компаты и говоритъ: «Прашу на благаславене!» Этими словами онъ вызываетъ присутствующихъ подарить что ни будь молодымъ. Иногда сватъ говоритъ: «А чи ёсць тутъ ацецъ и матка панства маладыхъ? Прашу да перапою!» Родители молодыхъ встаютъ и кладутъ на тарелочку понѣсколько копѣекъ. Потомъ, взявъ палочку, сватъ ударяетъ ею по стѣнѣ и всѣхъ присутствующихъ вызываетъ поименно: «Иване, Кирило, Мелахо!» и проч., и всѣ они даютъ, что могутъ, въ пользу молодыхъ. Молодые кланяются дарящимъ ихъ. Если же сватъ не вызываетъ поименно присутствующихъ, а довольствуется общимъ заявленіемъ («Прошу на благаславене!») то каждый, желающій подарить новобрачныхъ, кладетъ деньги на тарелочку; сватъ относитъ ихъ къ молодымъ, вбрасываетъ въ чашку и говоритъ: «Дарицъ №. столько то сребромъ, или злотомъ.» Молодые благодарятъ.

Да мой брахненька (говоритъ невѣста)!
Дзянкую табѣ за дары вяликіе тваи:
Кали жива буду да спамагуся,
Цябѣ адгаджуся,
А коли ня цябѣ, то дзѣткамъ тваимъ.

Подобныя рѣчи говоритъ она каждому изъ дарящихъ ее.

Кромѣ денегъ дарятъ молодыхъ и разными вещами: лошадьми, коровами. овцами и т. под. Кто намѣренъ подарить молодымъ какое ни будь животное, объявляетъ объ этомъ свату. Сватъ, въ свою очередь, провозглашаетъ вслухъ всѣхъ о такомъ намѣреніи. Кто ни будь при этомъ беретъ палку, или кочергу и, рисуя ею по полу, или по потолку, говоритъ: «Ёсць записано» (т. е., намѣреніе жертвователя); выливаютъ еще кверху немного воды, чтобы подаренное животное выпрыгивало, а «коли не атдадуць, то волки зъядуць.» Такая выходка дѣлается, впрочемъ, съ цѣлью посмѣшить присутствующихъ; селяне, однако, крѣпко вѣрятъ, что если кто ни будь не исполнитъ своего слова, то обѣщанное не пойдетъ больше въ прокъ хозяевамъ: если это было животное, то оно или пропадетъ, или издохнетъ; такія понятія заставляютъ селянъ быть вѣрными своему слову.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Одареніе молодыхъ происходитъ еще и такъ: мать кладетъ на голову дочери-невѣстѣ три тесемки льну, и накрестъ поджигаетъ волосы; сестра въ то же время поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ. Является сваха, снимаетъ ленъ, укладываетъ косы на головѣ, повязываетъ платокъ. Отецъ тогда даритъ невѣстѣ «дежу,» на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ; онъ говоритъ: «Дарю цябе, дзѣцятка, хлѣбомъ солью.» Молодой потомъ закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее, кто можетъ.

(Корева, 626.)

Вечеромъ въ понедѣльникъ молодые собираются уже переѣзжать въ свой домъ. Невѣста должна прощаться съ родителями.

Невѣста поетъ:

Таткавъ куточекъ —
Божiй дамочекъ:
Заставайся здаровъ,
Живи богата!

У ногъ матери:

Мая матачка!
Заставайся здарова,
Живи багата,
Не забывайся на мяне, маладую!
Кали буду жëброваци,
Варотца атчиняйце,
На ночь пущайце,
Хоць па кусочку хлѣба давайце!

Такою же пѣснiю прощается съ отцомъ. Передъ выѣздомъ изъ родительскаго дома невѣста забираетъ съ собою приданное. Взявши своего мужа, свата, она отправляется съ ними въ амбаръ и обвязываетъ ихъ холстомъ. «Кубельникъ» беретъ «кубло», или «бадню,» куда, въ присутствiи всѣхъ, складываетъ вещи молодой. Первоначально онъ долженъ еще откупаться отъ ребятишекъ, которые не допускаетъ его взять «кубло.» Онъ даетъ имъ по нѣсколько копѣекъ. Когда все бываетъ готово къ отъѣзду, невѣста, положивши передъ образомъ земные поклоны, начинаетъ прощаться съ своими родителями—обрядъ самый трогательный и у постороннихъ нерѣдко вызывающiй слезы. Иногда, при прощаньи, мать невѣсты подходитъ къ жениху съ маленькимъ прутикомъ въ рукѣ и говоритъ: «Ня бiй, сынокъ, маëй дачушки кулакомъ, а гетакимъ дубчикомъ!» и при этомъ передаетъ ему дубчикъ. (Чересы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.) Или: «Зяценьку! Даюцябѣ дочку, ня храмую, ня сляпую; давши лену, праси сарочки; давши жита, праноси хлѣба; давши ячменю, праси крупъ; а кали таго ня паслухаецъ, вазьми нитку, навяжи на саломку, да дай, дай; а кали таго не послухаецъ, вазьми гужъ, да дай, дай гужомъ, кабъ звала мужомъ!»

(Opis. pow. Borys. 327.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ выѣздомъ молодыхъ изъ дома тестя всѣ гости садятся, а свахи поютъ:

Да я гаварила: саколы лятуць,
Ажъ маи брахны на коне сядаюць;
Я гаварила, што мѣсяцъ уходзиць,
Ажъ мой татечка на дворѣ ходзиць,
Мяне, маладую, праводзиць.

Всѣ садятся на возы. Къ молодымъ кладутъ узелокъ, куда завертываютъ подушку, бѣлую рубашку, простыню. Узелокъ обвязываютъ поясомъ, который отдается дѣвушкѣ, снимающей съ воза самый узелокъ. Новобрачные и сватъ ѣдутъ вмѣстѣ; за ними слѣдуютъ ихъ провожатые съ музыкой или «вясёлымъ» во главѣ. По дорогѣ они поютъ:

Ой ну, Марися, выбирайся,
Въ кованы возы вкладайся!
Часъ пора годынонька на бытъ поѣхати,
Свого быту одвѣдати.
— «Ой уже жь бо я убиралася,
Въ кова̀ны возы повкладалася,
Ой десь пошовъ муй батюнко
До саду винограду,
Нêма кому дяковати.
Ой нехай коники постоять,
Бѣлый оброчекъ зъѣдять,
А якъ выйде муй батенько зъ саду винограду,
То я ёму подякую.»
Якъ куе зозулька, такъ куе,
А Марися батеньку дякуе:
«Дякую тобѣ, батеньку, за обѣдъ,
А встанешь раненько — мене нѣтъ,
Ни моёй стеженьки:
Друбными слезами влiешься.
Ой казавъ же есь, муй батеньку,
Що не забудешь ты мене;
Теперь же я у возокъ сѣдаю,
Наглядися на мене,
Якъ на ружу червоную,
Такъ на мене молодую!»
Вже Марися въ возокъ сѣдае,
Ай батенько пытае:

— «Де ты, донечку, ключи дѣла?»
— «Я у тебе, татку, вѣрно служила,
Твоихъ ключикувъ не погубила;
Десь у коморѣ въ новусенькой,
У той скринѣ чорнусенькой.
Не схотѣвъ мене бульшъ годовати,
А ни моихъ гостей частовати;
Якъ я пуйду въ чужіи люды,
Мнѣ, молодои, догана буде,
Що мои гостеньки тверозы,
Що мои гостеньк и непьяные!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CXCIX.)

Или:

Похилилася береза въ туй зелененькой дубровѣ:
«Кулька у тебе лѣтъ стояла,
Буйнаго вѣтру не чула,
Тулько жь то я, зелененька, виттечко годовала,
Листокъ роспускала.»
Поклонилася дивонька своёму батеньку родному:
«Дякую тобѣ, муй батеньку,
За твоє годованье,
За хороше посыланье;
Кулько я въ тебе лѣтъ росла,
Лихого слова не чула,
Тулько я, молоденька, русу косу чесала,
Бѣле личко умывала.»

Приближаясь къ воротамъ дома поютъ:

Свѣтовая зоренька сѣяє,
Иванко ворота торгає:
«Отчини, батенько, ворота!
Ось тобѣ невѣста молода,
Винеёмъ коса припала,
Чорны очи заплакала!»

Въѣхавши на дворъ поютъ:

Пріѣхала до насъ пани
Въ чорнѣмъ жупанѣ,

Не хоче сама сѣдати,
Треба её повитати.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ пріѣздъ невѣсты въ домъ жениха тоже называется «пріѣздомъ сватовъ.» У родителей жениха бываютъ уже заблаговременно собраны гости, и когда они услышатъ о приближеніи молодыхъ, то выходятъ на дворъ, на встрѣчу имъ, и поютъ:

Ци ня ѣдуць, ци ня гайкаюць,
На кониковъ ци ня гайкаюць,
Канчуками ци ня лопаюць?
Ой чувацъ сваты, чувацъ,
Зялѣзныя колы звѣняць,
Шалковыя повады шумяць.

(Чересы, Дисн. Уѣзда Вил. Губ.)

Въѣзжая черезъ ворота на дворъ своего дома, молодые иногда разсыпаютъ собравшейся здѣсь толпѣ обаранки. Передъ домомъ новобрачныхъ встрѣчаетъ мать жениха, часто въ вывороченной вверхъ шубѣ, съ «вѣкомъ» (крышкой отъ дежи) на головѣ, на которомъ находится хлѣбъ-соль. При встрѣчѣ новобрачные цѣлуютъ руку матери и входятъ въ сѣни: женихъ подъ правою ея рукою, а невѣста подъ лѣвою. Въ сѣняхъ невѣста разсыпаетъ горсть ржи, для того, чтобы домъ этотъ былъ богатъ хлѣбомъ. То же дѣйствіе невѣста повторяетъ и въ комнатѣ; тутъ еще «на припечкѣ» она кладетъ булку коровая. Иногда тутъ же вносятъ и приданое невѣсты. Его начинаетъ караулить братъ невѣсты; другіе стараются всѣми мѣрами утащить сундукъ. Если это имъ удастся, та потомъ совершается выкупъ; отнявшимъ у карaульщика приданое дается водка, иногда самъ сватъ затѣваетъ съ молодымъ торгъ за приданое; торгъ, по мнѣнію селянъ, необходимъ для того, что, въ противномъ случаѣ, все можетъ пойти не въ прокъ. Тутъ иногда молодая раздаетъ еще подарки; потомъ начинается угощеніе, при чемъ поютъ:

А що говорила зоря мѣсяцова рано, рано:
«Се вперуджъ зыйдешь, той мене знайдешь,

Освѣтимо небо и землю разомъ, разомъ.»
А що мовила Маринка Степанкова рано, рано;
Се вперуджъ встанешь, то й мене збудышь, рано, рано,
Дамо добры день обоє разомъ, разомъ,
Ой ты батеньку, а я свекорку, разомъ, разомъ,
Ой ты родному, а я грузному, разомъ, разомъ.»

Утомленные цѣлодневнымъ торжествомъ, молодые скоро отправляются отдохнуть.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.).

Встрѣча молодыхъ въ домѣ свекра совершается и такъ. Ихъ встрѣчаетъ хозяйка «съ вѣкомъ» на головѣ. Молодая низко ей кланяется; въ наклонномъ положеніи она остается до тѣхъ поръ, пока свекровь не скажетъ слѣдующихъ словъ: «Свякровь нявехну научаєць, да у лобъ вѣкомъ лучаєць:»—Ня хадзи, нявехна, па селу, ня судзи абъ маю сямью, ни ранняго абѣда, не позней вячери!» Молодая кладетъ пирогъ, обернутый въ полотно; молодой за руку вводитъ ее въ хату. Молодая бросаетъ на печь поясъ. При этомъ раздаются уже пѣсни:

Милыє має сватове,
Чи добра было у дарозѣ?
Чи бѣлыє были тарелки?
Чи давали вамъ гарелки?»
—«Да добра было у дарозѣ,
Да бѣлыє были тарелки,
Да давали намъ гарелки.»

(Opis. pov. Borys. 338.)

Начинается угощеніе. Всѣмъ подаютъ водку, а молодымъ, между прочимъ, хлѣбъ съ медомъ. Подающее лицо говоритъ: «Пятухъ курку маниць, на курасадникъ садзиць, даєць меду ѣсци.» Послѣ этого сестра молодого выходитъ, и готовитъ въ особой комнатѣ постель молодымъ; на порогѣ разстилаетъ кожухъ. Прежде должна пройти по нему молодая, за нею молодой. Пособивши молодой раздѣться, подавши ей привезенную бѣлую рубашку, сестра молодого уходитъ. Послѣ нѣкотораго времени молодой выходитъ, и снова посылаетъ къ невѣстѣ сестру свою. Она одѣвается, снимаетъ только что надѣтую было рубашку, передаетъ

ее сестрѣ, а на себя снова надѣваетъ свою прежнюю. Съ радостью и весельемъ вбѣгаетъ сестра молодого къ гостямъ съ полученною рубашкою: въ хатѣ раздаются приличныя пѣсни. Сейчасъ же является и сама молодая, и снова начинается угощеніе. Сейчасъ же молодой съ «приданками» отправляется къ своему тестю, везетъ женину рубашку, въ которую увязываетъ горсть ржи и пятьдесять копѣекъ. У тестя и у свекра идетъ веселье. Молодому за пазуху кладутъ сыръ, увязанный въ платокъ. Раздаются приличныя пѣсни. Скоро молодой съ тестемъ и другими родными отправляется въ свой домъ. Гостей встрѣчаетъ молодая. Всѣмъ кланяется и проситъ въ хату. Гостей почтуютъ. Начинается потомъ пляска, разныя игры.

(Opis. pow. Borys. 334—345.)

На слѣдующій день рано опять собираются гости и встрѣчаютъ молодыхъ такою пѣсней:

Уже дѣвонька изъ ложа иде,
Своёму свёкорку добрыдень дае,
«Ой на добрыдень, муй свёкорку,
Ой на добрыдень, муй рудненькій.
Рада бъ я була добрыдень дала,
Мою головоньку туга заняла,
Ой не могу я говорити,
Свого серденька звеселити:
Ой я въ тебе завсюду буду,
До мене пушлешь, я туды пуйду,
Що мнѣ розкажешь, робити буду.»

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

Начинается угощеніе. Иногда молодую, если нѣтъ матери обводятъ вокругъ стола, въ знакъ того, что она будетъ госпожею этого дома. Потомъ обводятъ ее вокругъ хозяйственныхъ строеній и колодезя, чтобы знала весь хозяйственный порядокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебное торжество продолжается цѣлую недѣлю. Заключительное свадебное торжество называется «перазовъ.» На него приглашаются болѣе почтенныя личности: крестные родители, дядья, тетки. Они приносятъ съ собою булки съ медомъ, аладьи, жаркое. Во время закуски поютъ:

У насъ сёгодня перазовъ,
Самъ Богъ перейшовъ,
Съ Святой Тройцей, съ Пречистой,
Зъ усѣми Святыми, съ счастємъ и долей.

Идутъ довольно важные разговоры, иногда пляска, пѣніе.

(Opis. pow. Borys. 146.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Дисн., Борис., Новогор. Уѣздовъ) невѣста въ продолженіи всего перваго года своего замужества за какую бы работу ни взялась въ первый разъ, ея, такъ сказать, начатокъ должна подарить мужу. Такъ, если она пойдетъ въ первый разъ жать, то нажатый первый снопъ должна въ честь мужа обвязать поясомъ, который потомъ даритъ мужу. Если идетъ молотить, то когда намоченное зерно ссунутъ въ кучу, она покрываетъ ее кускомъ холста, который тоже даритъ мужу.

Но мы должны замѣтить, что пышная обрядность, торжественность свадебной обстановки, значительно блѣднѣетъ, если выходитъ замужъ вдова, или опороченная дѣвушка (въ сельскомъ быту послѣднее не можетъ утаиться). Многія пѣсни тогда выкидываются, многіе обычные пріемы измѣняются, дѣлаясь какъ бы натянутыми. Такой дѣвицы не садятъ даже «на посадъ;» вмѣсто того ее сажаютъ «въ кутѣ», на платкѣ. . .

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Вся жизнь Западно-Русскаго селянина проходитъ въ трудѣ. «Зима робиць на лѣто, а лѣто на зиму» (Лебедево, Виленск. Губ. Виленск. Уѣзд.), говоритъ онъ. Въ этомъ отношеніи заповѣдь, данная Богомъ въ раю первому человѣку, очень тщательно выполняется нашимъ селяниномъ. Хлѣбъ, который онъ кушаетъ, дѣйствительно бываетъ облитъ его потомъ. «Працуєць, якъ волъ чорный.» «Гдзѣ арати плачець, тамъ жнея скачець» (указаніе на тяжелый земледѣльческій трудъ). У селянина нѣтъ такой поры, когда бы онъ могъ сказать: «Довольно! Я все кончилъ, нечего дѣлать, скучно.» Съ окончаніемъ одной работы является нѣсколько другихъ новыхъ. Въ пѣснѣ поется:

Якъ то мужикъ добре, кали мужикъ
Трезвый, гаспадарный,
Для такого у цѣломъ року
Жадынъ часъ нямарный.
Снѣги таюць, іонъ гарадзиць,
Кальми што зимою,
И навазивъ и начесявъ,
Добраю парою.
Ёсць у нёго и лучина,
И дровъ много клетекъ,
Будзе чёмъ варици кашу
Всё лѣто для дзѣтокъ.
Вясна блисне, іонъ гной возиць,
И аре, и сѣє,
Касиць любе сѣнажаци,
Нимъ жито даспѣє.
Хлѣба має и ня ходзиць
Вясною па мѣрки,
Бо зимою іонъ на лыкавъ,
У корчмѣ съ кватерки.
Лѣтомъ жонка и дзѣвчатка.
Жнуць жито, ярину,
А іонъ звозиць, а іонъ зносиць,
Все у харамину.
Пахарь аре и малоциць,

Зновъ сѣе у полѣ,
И працуе, радъ и вясёлъ,
Зъ мужицкои долî.
Николи іонъ ня шукае,
У корчмю вяселя,
И ня ляжиць такъ, якъ хворый,
Весь дзѣнь для пахмеля.
Іонъ у святой у церковцѣ,
На таргу бываець,
Бога, пана, свою хату
И работу знае.
А захочець пагуляци,
У домъ спросиць госци,
Тагды сабѣ чарку водки
Выпье да вашмосци.

(Pionski wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, LXAII.)

Перестань селянинъ работать, и его тогда же охватить голодная, дырявая, нищета, ему придется ити по міру. Есть бѣдняки, которымъ, при всемъ ихъ трудѣ, приходится повторять слова пѣсни:

Ахъ, Боже мой, Боже!
Боже мой единый!
Чомъ мнѣ не вдается,
Якъ моей родинѣ?
У моей родины
Жито и пшениця,
У мене, у бездолничка,
На полѣ мѣтлиця.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣльск. Уѣзда.)

Что же было бы, если бы селянинъ еще опустилъ совершенно руки? Но подобная мысль даже не приходитъ къ селянину въ голову. Трудъ онъ считаетъ своею насущною потребностью, въ немъ видитъ свое назначеніе. Онъ презираетъ лѣнтяевъ, бездѣльниковъ, а въ лѣности дѣйствительно видитъ одинъ изъ тяжкихъ смертныхъ грѣховъ.

Почти все вниманіе селянинъ устремляетъ на свою землю,

пашню, которая питаетъ его, одѣваетъ, откуда, главнымъ образомъ, онъ извлекаетъ весь свой достатокъ:

Ня на тое Богъ сатваривъ,
Кабъ ты только ѣвъ да пивъ,
Але штобъ працовавъ,
Баранававъ и аравъ.
У поле, у поле, дзѣтеньки,
У поле, хлопцы, дзѣвеньки!
Поле хлѣба намъ несе,
Поле здаровье дае,
Какъ ты у полѣ ня рабивъ,
Ня ѣвъ бы ты, а ни пивъ.
У поле, у поле и проч.
Будзь здарова, жоненько!
Узышло мило соненько,
Годзе, дзѣтки, годзе спаць,
Треба арацъ, сѣяць, жаць,
У поле, у поле и проч.

(Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, LXXXVI.)

Или:

«Мужикъ при сасѣ, то краса.» (Тамъ же, LXIX). Или:«Зъ лубки живемъ,» говорятъ въ Борисовскомъ Уѣздѣ. «Пакинь стрѣльбу и воду, то и я (говорится отъ лица хлѣба) у цябе буду!»—«Дай земли, іона цябѣ дасць.»—«Ня уважай на урожай, а жито «сѣй!»—«Паклокусту, а іонъ дасць хлѣба лусту.»

Нашъ селянинъ пока вѣритъ еще въ успѣшный исходъ занятій только землею; торговля, разнаго рода промыслы, для него еще слишкомъ непривлекательны. Стало быть, то время, когда у селянина совершаются полевыя работы, составляетъ для него, съ одной стороны, въ высшей степени желанную пору, но съ другой эта же пора очень тяжела, въ его быту исполнена разнаго рода нелегкихъ хлопотъ и треволненій. Такое время у селянъ начинается съ весны. Съ нея въ настоящемъ случаѣ и мы начнемъ свой очеркъ.

Радостно привѣтствуютъ весну въ каждой деревнѣ; послѣ зимы вездѣ замѣтной становится жизнь, является сильное движеніе. Ребятишки первые стараются насладиться живительнымъ ды-

ханіемъ весны, и никто и ничто не заставитъ ихъ теперь сидѣть въ избѣ, отказаться отъ наслажденія теплыми лучами вешняго солнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе взрослые парни съ дѣвушками по вечерамъ составляютъ хороводы. При этомъ они поютъ пѣсни, которыми привѣтствуютъ весну:

Моя мила Рогулько, встань въ недѣлю рано,
Умый бѣлое личко, моя мила Рогулько! *
А вчешь, а вчешь, русую косу,
А влужь, а влужь, тонкую кошульку,
А влужь, а влужь, торгову сподницю,
Опашь, опашь, зеленый фартушокъ,
Опашь, опашь, кованый поясъ,
А влужь, а влужь, торговы панчушки,
А влужь, а влужь, чорные черевички
Вскочь собѣ до огрудечка,
Щипни, вырви, ярой рутки,
А свый, а свый, собѣ вѣночекъ,
А влужь собѣ на головоньку,
Пуйди собѣ въ тихій таночекъ,
Покинь тую, возьми другую,
Покинь тую, возьми третюю!

Или:

Лѣтала чарна галонька знызенька,
Ой а за єю ясный соколикъ сблизенька:
«Ой зажди, пужди, чорна галонька ты моя!»
—«Не хочу ждати, а ни пождати, не твоя;
Шукай иншой, то ще чорнѣйшой, нѣжли я!» —
«Перелѣтѣвъ я четырй лѣсы и пуль два,
Не нашовъ же я такой галоньки, якъ ты мнѣ.»

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

При пѣніи этихъ пѣсенъ парни съ дѣвками, взявшись за руки, образуютъ кругъ; въ средину его входитъ одна дѣвушка, и на-

* Послѣднія слова повторяются за каждымъ стихомъ.

чинается пляска. Такой кругъ называется «городомъ,» а дѣвушка въ срединѣ его «рогулькою.» Пѣсни продолжаются.

Мужчины:

Эй, пойду я коло городу,
Шукаючи, пытаючи, моей жоны:
«Чи не бачили моей жоны
Въ городѣ вы?»

Женщины:

—«Хочь мы бачили, хочь мы видѣли,
Не возьмешь, не возьмешь.»

Мущины:

Выставлю я бочку медочку,
Вина двѣ, вина двѣ.

(Бобровскій, 842—843.)

Но если молодежь беззаботно предается увеселеніямъ, то хозяевамъ въ это время не до того. У многихъ изъ селянъ начинается теперь замѣтно ощущаться недостатокъ въ пропитаніи и для себя и для своей «скотинки.» Не даромъ Юрій (23 Апр.) извѣстенъ подъ именемъ «голоднаго.» По другой поговоркѣ: «Бѣдный терпитъ до Спаса» (6. Авг.). Нѣтъ иногда хлѣба, отдаются послѣдніе остатки сѣна и соломы: по неволѣ приходится призадуматься. Селяне говорятъ: «Якъ придзе недзѣля вербичъ (Ваій,) то у хазяина галава свербиць.»

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

«Весна—голодъ,» говорятъ селяне, и теплое лѣто съ своимъ урожаемъ представляется для нихъ недостижимымъ будущимъ: «Гдѣ голодно, тамъ и холодно,» и по тому селяне, на замѣчаніе о приближеніи теплаго лѣта, возражаютъ: «Пока лѣто придеть, то холодъ очи выѣсть.» Весну они считаютъ въ шутку «покровительницею вдовъ,» и поютъ иногда такую пѣсню:

Ишла вдова доломъ, доломъ,
За ней дѣтки роемъ, роемъ,
Пришла вдова до вуйченька:
«Муй вуйченько, муй рудненькій!
Пусти мене ночевати,
Поможи дѣтокъ годовати»—
—«Иди, дочушко, въ виръ головою,
Бери дѣтки за собою!»

(Остапино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Такъ думаетъ о веснѣ селянинъ, всматриваясь въ свое настоящее положеніе. Но относительно будущаго, у него остается надежда, что, съ наступленіемъ весны, пробудившаяся природа одѣнется зеленымъ праздничнымъ покровомъ, и такимъ образомъ избавитъ его отъ грозящей опасности. И на этотъ разъ у него есть поговорка: «Весна—мати, а лѣто—бацька,» говоритъ онъ, и нерѣдко затягиваетъ такого рода пѣсню:

Ой ты весна, ты красна,
Да що жь ты намъ принесла?
Ой принесла, принесла,
Старымъ дѣдамъ по кіочку,
Старымъ бабамъ по пирогу,
Молодичкамъ по вѣночку,
По вѣночку, по рутвянымъ,
Молойчикамъ по конику,
По конику по воронымъ,
Малымъ хлопцямъ по яечку,
А дѣвочкамъ по красенцѣ,
По красенцѣ по бѣленькому.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Или:

Ой ты весна, все красна!
А що жь ты намъ принесла?
Ой принесла, принесла,
Съ оруда жито вытрясла:
Малымъ дѣткамъ по яечку,

Молодичкамъ по сыночку,
Старымъ бабамъ по кіочку,
А дѣвочкамъ по вѣночку,
А дѣтюкамъ по конику.
Де дѣточки гуляли,
Тамъ лупинки лежали,
Двѣ бабочки стояли,
Тамъ кіёмъ землю спороли;
Де дѣвочки гуляли,
Тамъ красочки лежали;
Де дѣдюки гуляли,
Тамъ кони траву сорвали.

(Дисна, Вил. Губ.—Опытъ Собранія пѣсенъ и сказокъ на родн. въ СЗ. краѣ, М. Дмитріева, 118.)

Или:

Весна красна, що намъ вынесла?
Намъ вынесла соху, борону,
Старымъ бабкамъ посединнячко,
Молодицямъ красенця ткати,
А дѣвчаткамъ да й погуляти.

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CLII.)

Каждый, такимъ образомъ, думаетъ найти въ веснѣ для себя нѣкоторую подмогу, надѣется получить отъ нея приличный подарокъ.

Весну селяне считаютъ съ Марта мѣсяца. Правда, и они говорятъ, что «Лютый (Февраль) пытае, чи обуты, Марець кусае за палець, а якъ прійде Май, — конёмъ сѣна дай, а самъ на печь утёкай!» **(Нарва, Бѣл. Уѣзд. Гродн. Губ.)**; но подобнаго рода продолжительные холода, на какіе указываетъ поговорка, довольно рѣдки, и Мартъ вообще считается у селянъ первымъ весеннимъ мѣсяцемъ. Тщательно, изъ рода въ родъ, наблюдаютъ селяне тѣ Мартовскія примѣты, по которымъ можно судить о будущей погодѣ, о будущемъ урожаѣ. Первые четыре дня Марта, по мнѣнію нѣкокорыхъ селянъ, изображаютъ вообще состояніе погоды всего года: первое Марта представляетъ собою какъ бы весну; второе—лѣто; третье—осень; четвертое—зиму; каковы эти дни, такова будетъ и

соотвѣтствующая имъ пора года. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «Коли Галдакей (день Св. Евдокіи, 1-го Марта) теплый, свѣтитъ солнце, то весна и лѣто будутъ теплыя, и особенно хорошъ будетъ сѣнокосъ. Если идетъ дождь, то будетъ урожай на рожь. Если сильный морозъ, то онъ же поморозитъ гречиху во время цвѣтенія. Если первое Марта туманно, то будетъ урожай на стручковыя растенія; если же мятель и вьюга (что, по замѣчанію, селянъ, бываетъ рѣдко), то въ текущемъ году нужно ожидать сильнаго голода, который выметъ людей (**Ганута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда**), Въ этотъ день въ иныхъ мѣстахъ селяне стараются ѣсть особаго рода пищу—«нацину», приготовленную изъ листьевъ рѣпы. Говорятъ, что этимъ они предохраняютъ себя отъ болѣзни, такъ называемой, «гречаницы;» названіе ея селяне производятъ отъ гречихи, отъ которой будто бы и сама она появляется. Болѣзненные признаки на одержимыхъ этою болѣзнію особенно бываютъ замѣтны по утрамъ и вечерамъ. Чувствуется при этомъ, говорятъ селяне, очень сильный непріятный зудъ.

(**Иже, Вилен. Губ: Вилейск. Уѣзда:**)

Селяне съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы, съ появленіемъ весны, по возможности скорѣе сошелъ снѣгъ, оттаяла земля. Какъ только потекли ручейки, селяне говорятъ между собою: «Слава Богу! Видно будетъ уже весна. Какъ вода заговорила вездѣ! «Хозяева внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ сошла вода съ полей; если не попорчены ни поля, ни дороги, въ текущемъ году, значитъ, народъ будетъ здоровъ; но если, сохрани Богъ, вода поразмывала дороги и, еще хуже, снесла гдѣ ни будь мостъ, мельницу, селянинъ предается большой печали, неутѣшной скорби: «Богъ знаетъ, кто теперь останется въ живыхъ: порвало вездѣ поле, дорогу, мельницы: будетъ же рвать и народъ!»

(**Гродн. Губ. Слонимск. Уѣзда.**)

Первая забота селянина съ наступленіемъ весны—это пристроить какъ ни будь свою «скотинку.» Въ продолженіе какихъ ни будь шести мѣсяцевъ стояніе въ хлѣву, при очень посредственномъ кормѣ, она страшно отощала, и теперь ждетъ не дождется «выгона на паству.» Выгнанная, она крикомъ и ревомъ какъ бы привѣтствуетъ весну, радуется ея появленію.

Если пословица: «Мѣй сѣна до Миколы (9 Мая), ня бойся зимы николи!» только тотъ безопасенъ относительно содержанія

скота, у кого хватаетъ сѣна до Св. Николая, то Западно-Русскій селянинъ далеко не можетъ похвалиться этимъ. У него чувствуется уже недостатокъ въ кормѣ около 23 Апрѣля, и онъ оказывается ниже даже той пословицы, по которой у «дурня корму до Юрья.»

(Борисовскаго Уѣзда.)

Выгнавши скотъ на пастбище, вручивши его, такъ сказать, пастухамъ, хозяева скорымъ шагомъ, не осматриваясь назадъ и по сторонамъ, должны возвращаться домой, чтобы и скотъ съ пастбища возвращался прямо домой; въ противномъ случаѣ можно ожидать частой его отлучки, а, пожалуй, и потери.

(Виленскаго Уѣзда.)

Уладивши дѣло со скотомъ, селянинъ принимается за вспашку своихъ полей. Слѣдуя пословицѣ: «Кто сѣе въ ледъ, той пье медъ,» селяне стараются, по возможности, раньше обсѣменить свои поля. Впрочемъ, относительно урожая, кромѣ указанныхъ примѣтъ, есть у селянина и много другихъ. Еще на канунѣ Рождества Христова наблюдалъ онъ, какова ночь, хорошее, или дурное, обѣщаетъ она ему: если ночь лунная и ярко сіяютъ звѣзды, значитъ, можно ожидать хорошаго урожая отъ перваго посѣва; напротивъ, пасмурная ночь обѣщаетъ бѣдную, скудную, какъ бы печальную, ниву. Подобныя наблюденія совершаетъ селянъ и въ другіе праздники (въ Новый Годъ, Богоявленіе, Срѣтеніе. Съ ними мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ). Заручившись ими, онъ открываетъ запашку своей нивы.

Приступая къ такому великому въ сельской средѣ дѣлу, хозяинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, молится передъ образомъ; выходитъ потомъ изъ хаты, беретъ «поводъ» (веревку) и идетъ въ хлѣвъ, гдѣ находятся рабочіе волы. За нимъ идетъ и хозяйка и несетъ съ собою освященную воду. Когда хозяинъ возьметъ воловъ на поводъ и выведетъ ихъ изъ хлѣва, хозяйка освящаетъ ихъ; прибывши потомъ на пашню, большею частію въ огородъ (на первый разъ), запрягши воловъ въ соху, хозяинъ самъ уже освящаетъ вторично и воловъ и соху, и принимается за работу. Этотъ первый день начала полевыхъ работъ бываетъ своего рода праздникомъ въ сельской семьѣ: селянинъ тутъ работаетъ недолго, и все дѣло въ томъ, чтобы только начать. Когда

онъ сдѣлаетъ три, четыре, борозды, мѣстные ребятишки, незамѣтно для пахаря, стараются набрать нѣсколько новой, свѣжей земли, ее разсыпаютъ по комнатѣ, предпологая, что этимъ средствомъ можно истребить насѣкомыхъ разнаго рода, особенно извѣстныхъ «скакуновъ.»

(Ганута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ это «заориванье» дѣлается еще такъ: вечеромъ, при закатѣ уже солнца, селянинъ запрягаетъ пару воловъ, беретъ хлѣбъ-соль и отправляется въ поле. Бѣда, если при этомъ повстрѣчается кто ни будь съ нимъ съ пустой посудой, или же перейдетъ дорогу. Ему лучше воротиться съ пути: въ противномъ случаѣ его постоянно будетъ преслѣдовать мысль объ имѣющемъ постигнуть его несчастіи. Впрочемъ, противъ этого несчастія принимается нѣкоторыми селянами слѣдующее средство: они берутъ камень и перебрасываютъ черезъ слѣдъ перешедшаго дорогу: вреда, значитъ, не будетъ. Пришедши на поле, селянинъ выбираетъ мѣсто, гдѣ лучше просохла земля и, сдѣлавши двѣ, три, борозды, возвращается домой. Вечеръ для «заориванья» селяне избираютъ въ той мысли, чтобы потомъ запахивающій не имѣлъ возможности заняться какою ни будь другою, постороннею работой; иначе, по мнѣнію ихъ, въ хозяйствѣ не будетъ успѣха, на полѣ не будетъ урожая. По той же причинѣ многіе ни за что не согласятся вбить въ землю колъ до тѣхъ поръ, пока не совершено «заориванье:» вбить колъ въ землю до вспашки, значитъ забить землю; посѣянныя потомъ сѣмена не дадутъ всходовъ, будетъ неурожай. Послѣ «заориванья» начинается уже обычная, черная, тяжелая, полевая работа.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Когда селянинъ въ первый разъ отправляется сѣять, то въ этотъ день онъ старается никому ничего не одалживать; иначе успѣхъ будущаго урожая ненадеженъ; вмѣстѣ съ одолженіемъ извѣстной вещи къ должнику можетъ перейти, такъ сказать, и успѣшный ростъ хлѣбовъ, а, пожалуй, и самыя сѣмена. По этой же причинѣ очень неохотно соглашается помочь своему сосѣду тотъ, кто заблаговременно обсѣменилъ свои поля. Въ день первой сѣвбы хозяйка должна соблюдать въ домѣ возможную чистоту, чтобы на пашнѣ не было сорныхъ травъ.

(Кобрин. Уѣзда, Гродн. Губ.)

Начать посѣвъ стараются, если только возможно, въ полнолуніе: думаютъ, что и колосья будутъ полны. Относительно открытія, такъ сказать, посѣвовъ, въ народѣ существуетъ такого рода убѣжденіе, что прежде всѣхъ непремѣнно долженъ начать посѣвъ тотъ хозяинъ, которому предоставятъ это право другіе селяне, который считается легкимъ на руку. Хозяинъ, получившій такое право, отправляется на приготовленное для посѣва поле съ булкой хлѣба, чистой скатертью и нерѣдко съ бутылкой водки. Прибывши на поле, онъ на одномъ загонѣ разстилаетъ чистую скатерть, кладетъ на нее привезенную булку хлѣба, становится на колѣни, молится Богу, потомъ крестнымъ знаменіемъ осѣняетъ приготовленную пашню и съ словами: «Боже роди!» начинаетъ сѣять. Онъ долженъ помнить, чтобы во время сѣянія не съѣсть лучайно одного, или нѣсколькихъ, сѣмянъ; иначе, не видать ему у себя хорошаго урожая, или же имѣющее родиться зерно будетъ очень нехорошаго качества. Первую сѣвбу селянинъ старается совершить въ Субботу, или во Вторникъ: эти дни, если они еще приходятся въ полнолуніе, считаются у селянъ особенно счастливыми, и начатое тогда дѣло уже непремѣнно будетъ имѣть успѣхъ.

Отправляясь на засѣвки, боятся, чтобы кто не перешелъ дороги, чтобы не повстрѣчалась женщина съ пустымъ ведромъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ на пашнѣ будетъ много прогалинъ, пустыхъ мѣстъ. Чтобы избѣжать какой бы то ни было встрѣчи, стараются выѣхать въ поле очень рано, когда другіе еще спятъ. Но если бы селянинъ ни съ кѣмъ на дорогѣ и не встрѣтился, у него, между тѣмъ, распряглась лошадь, въ возу что ни будь испортилось, онъ непремѣнно будетъ того убѣжденія, что ему кто-то перешелъ таки дорогу. Все его будущее начинаетъ представляться ему въ довольно мрачныхъ краскахъ.

Окончивши «засѣвки,» селянинъ спѣшитъ домой, гдѣ хозяйка къ его приходу должна уже приготовить порядочное угощеніе: на семейный праздничный ужинъ хозяинъ приглашаетъ своихъ близкихъ сосѣдей, родныхъ, знакомыхъ; старается, чтобы всего было вдоволь, чтобы такимъ образомъ полнѣла его нива. Возможная чистота должна соблюдаться и въ настоящемъ случаѣ; причина извѣстна: на нивѣ не будетъ сорныхъ травъ. Веселое угощеніе продолжается за полночь.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Нѣкоторые хозяева предпочитаютъ, чтобы «засѣвки» произведены были мальчиками лѣтъ 10—14, считая ихъ невинными. Мальчики въ такомъ случаѣ должны быть въ праздничной одеждѣ и на тощакъ. Какъ только засѣютъ нѣсколько загоновъ, хозяинъ приглашаетъ своихъ помощниковъ, всѣ садятся на травѣ и начинается угощеніе. Прежде всего выпиваютъ по рюмкѣ водки приговаривая: «Щобъ Бугъ зародивъ жито!» потомъ идетъ малая закуска.

При сѣяніи тѣхъ, или другихъ, растеній у селянъ соблюдаются свои особыя условія: главное, чтобы въ одно и то же время не производился посѣвъ на двухъ сосѣднихъ полосахъ; у одного хозяина тогда будетъ совершенная неудача, тогда какъ другой можетъ разсчитывать на большой успѣхъ. Возвратившись съ поля послѣ посѣва самъ хозяинъ не долженъ зажигать огня: солнце, молъ, будетъ выжигать его ниву.

При посѣвѣ льна селяне наблюдаютъ, чтобы сѣющій одѣтъ былъ въ возможно бѣлую рубаху; пока окончитъ свое дѣло, онъ не долженъ говорить ни одного слова, хотя бы проходящій и сказаль ему: «Богъ въ помочь!» Знающій свои обычаи только кивнетъ въ подобномъ случаѣ головой. Причина та, чтобы при говорѣ не раздался какъ ни будь свистъ изъ устъ сѣятеля; а раздайся, хотя бы и маленькій свистъ, и ленъ тогда, по мнѣнію селянъ, нужно считать погибшимъ: онъ даже не взойдетъ. Тонкая, бѣлая рубаха сѣющаго выражаетъ желаніе селянъ, чтобы и посѣянный ленъ «хорошо уродился.»

(Краснополье, Могилевск. Губ. Чериковск. У.)

Нѣкоторыми предсказаніями на этотъ случай селяне запасаются еще во время Рождества: мы съ ними встрѣтимся.

При посѣвѣ конопли тщательно наблюдаютъ, чтобы по сосѣдству никто не вбилъ въ землю ни единого колика; иначе, говорятъ, не взойдетъ конопель. Если бы случилось, что сосѣду въ этотъ день понадобилось огородъ городить, то имѣющій сѣять конопель непремѣнно упросить его отложить дѣло до слѣдующаго дня, «не забивать его» конопли, охотно согласится даже помочь ему. Считается также непозволительнымъ изъ дому дать въ этомъ день взаймы что бы то ни было, одолжить, хотя бы даже огня.

(Краснополье, Могил. Губ. Черик. Уѣзда.)

Въ Западной Россіи до послѣдняго времени въ деревняхъ утромъ, или вечеромъ, очень часто ходятъ изъ дома въ домъ взять огня: (спичекъ у селянъ не бываетъ). Если посѣянная конопель не взошла, хозяинъ надѣется, что въ его домѣ непремѣнно будетъ покойникъ, изъ членовъ его семейства кто ни будь да помретъ.

(Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губ.)

При посѣвѣ гороха до окончанія дѣла совѣтуютъ не ходить по межѣ и не дѣлать нѣкотораго рода физическихъ отправленій: горохъ, изволите видѣть, будетъ очень нечистъ, съ червями, и стручки его будутъ въ высшей степени тощіе, плохіе.

(Краснополье, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Когда сѣютъ овесъ, то слѣдятъ, много ли появляется комаровъ, и когда ихъ больше: въ началѣ появленія, или потомъ съ теченіемъ времени. Если количество комаровъ не измѣняется, бываетъ одинаково, по своей численности, и при сѣяніи овса и потомъ, овесъ, значитъ, будетъ хорошъ, кустистый, на подобіе тучъ комаровъ, кружащихся въ воздухѣ; если же комари въ самомъ началѣ появлялись большими тучами, и потомъ исчезли, это предвѣщало, что ранній овесъ будетъ хорошъ, а поздній «пропадетъ;» такая примѣта можетъ имѣть разумное основаніе, если вспомнимъ, что комари и овесъ любятъ вообще мѣста низменныя, влажныя. Есть пословица «Сѣй овесъ въ грязь, и будетъ князь!» Отсюда и выходитъ, что то мѣсто, въ которомъ появляются комари, можетъ быть пригодно для овса; и на оборотъ: съ умаленіемъ количества комаровъ, само мѣсто, значитъ, теряетъ нѣкоторыя условія, необходимыя для овса.

При садкѣ капусты женщины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣваются въ изорванную рубаху и, по возможности, лучше зачесываютъ голову. Этимъ выражается желаніе, чтобы и капуста была лиственна, на подобіе изорванной рубахи, качаны—тверды и гладки, какъ голова работницы.

(Краснополье, Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ хозяйка, собираясь садить капусту, беретъ большую булку хлѣба, и кладетъ ее на гряду, приговаривая: «Дай Богъ, чтобы и капуста поросла такая же большая, якъ эта булка хлѣба!»

Собираясь сѣять гречиху, селяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, смотрятъ, «курить» ли, или нѣтъ, можжевельникъ отъ удара по немъ палкой. Первый случай считаютъ благовременнымъ для сѣвбы гречихи. Для этого, впрочемъ, Троицынъ день считаютъ болѣе другихъ благовременнымъ, и тогда не смотрятъ уже, куритъ ли можжевельникъ, или нѣтъ.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Въ Слонимскомъ Уѣздѣ при посѣвѣ гречихи обращаютъ вниманіе на то, начинаетъ ли цвѣсти калина. Если цвѣтъ ея появляется, гречиху, значитъ, можно сѣять.

Въ Чериковскомъ Уѣздѣ (Краснополье, Могил. Губ.) сохраняется по этому поводу довольно странное обыкновеніе. Чтобы гречиха была черная, въ первый день Рождества Христова сельскія семейства, отъ мала до велика, не надѣваютъ бѣлыхъ рубахъ, а ходятъ въ грязныхъ, «чорныхъ.» Если кто ни будь въ семьѣ надѣнетъ бѣлую рубаху, это знакъ, что на гречиху въ наступающемъ году нечего надѣяться, что ее убьетъ неблагопріятная погода, или же будетъ пустая. Если же подобныя повѣрья не оправдываются, что бываетъ довольно часто, старики тогда говорятъ, что Богъ не обратилъ вниманія на того, кто надѣвалъ чистую рубашку, и что, на оборотъ, Онъ любитъ гораздо больше тѣхъ, которые носили въ этотъ день грязное бѣлье.

Ячменя не сѣютъ до тѣхъ поръ, пока не появятся Майскіе жуки.

При сѣяніи моркови непремѣнно должно быть «обутымъ;» иначе концы моркови будутъ имѣть нѣсколько частей, на подобіе пальцевъ ноги человѣческой.

Огурцы стараются садить всегда утромъ, и особенно въ такой день, когда замѣчаютъ, что небо покрыто скученными облаками: и огурцы тогда будутъ родиться въ изобиліи, будутъ лежать кучами.

При садкѣ лука обращаютъ вниманіе на личный вкусъ хозяйки. Если ей желательно, чтобы лукъ по возможности былъ горекъ, то его садятъ въ постные дни недѣли: въ среду, либо въ пятницу. Если не желательна особая его горечь, то можно садить въ любой день, за исключеніемъ указанныхъ двухъ.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слоним. Уѣзда.)

Буднишняя полевая работа продолжается теперь у селянина безостановочно изо дня въ день, и онъ тщательно слѣдитъ за разнаго рода примѣтами, которыя могутъ обѣщать ему успѣхъ, или же предвѣщаютъ бѣду. Въ каждый рабочій день наблюдаетъ закатъ солнечный: ясное захожденіе солнца обѣщаетъ хорошую погоду,—пасмурное—дождливую (обыкновенная, разумная, древняя примѣта). Пастухъ гонитъ скотъ домой, если впереди его идетъ корова бѣлой масти—это знакъ, что наслѣдующій день можно ожидать отличной погоды; если же впереди всѣхъ видятъ корову черную, то и погода, значитъ, будетъ мрачная. Если при захожденіи солнца вороны летаютъ стаями и садятся на горахъ, то этимъ самымъ уже онѣ предвѣщаютъ сильный, продолжительный дождь, и отсюда—грязь. То же обозначаетъ, если вороны будутъ садиться на частоколѣ: селянину такимъ образомъ придется сидѣть дома, какъ гласитъ поговорка: «Коли ворона на колу то мужикъ на полу.» Пастухи изъ своихъ путешествій по лѣсамъ стараются принести хозяевамъ вѣсть о погодѣ. Съ этою цѣлью, сами они, бродя по лѣсамъ, кричатъ, и тутъ же прислушиваются къ отголоску: если отголосокъ расходится далеко, бываетъ громокъ, звученъ, будетъ, значитъ, погода; въ противномъ случаѣ нужно ожидать ненастья (примѣта разумная). Нѣкоторые пастухи обыкновенно кричатъ: «Ци пень, ци колода, ци будзе завтра дождь, ци пагода; окажися ляха въ лѣса: го, го, го, го-о-о-о!»

Если продолжается сильная жара, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству, надѣясь ускорить дождь: дѣвушки вносятъ въ комнату свои серпы; бабушки бросаютъ въ колодезь макъ; мальчишки рвутъ траву, и при этомъ поютъ пѣсенку:

Идзи, идзи, дождику,
Сваримъ табѣ борщику,
Паставимъ падъ лавкаю,
Накрыемъ булавкаю!

Кромѣ молитвъ въ церкви, богослуженія, до послѣдняго времени однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ общественнаго бѣдствія считаются, такъ называемыя, «обыденныя кросна,» или «обыденное полотно.» Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію селянъ, засуха, на пр., прекратится, если они въ одинъ день начистятъ льну, напрядутъ его и соткутъ въ одинъ цѣльный кусокъ полотно извѣстной величины.

(Молодечно, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Когда закукуетъ кукушка, а лѣсъ еще не одѣлся, то этотъ годъ, говорятъ, будетъ неурожайный: кукушка вылетѣла на голый кустъ; если же кукушка закукуетъ когда лѣсъ разцвѣлъ, годъ, значитъ, будетъ урожайный: кукушка вылетѣла на одѣвшійся кустъ.

(Цырнинъ, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Когда появятся первые грибы, селянинъ по нимъ гадаетъ о будущемъ урожаѣ. Чистый, здоровый корень перваго найденнаго гриба обѣщаетъ хорошій урожай; въ противномъ случаѣ нужно надѣяться голода. Полетъ нѣкоторыхъ птицъ служитъ для селянъ признакомъ имѣющаго быть ведра, или ненастья. Если ласточки въ огромномъ количествѣ летаютъ надъ водою и между собою какъ бы играютъ, то селяне съ полной увѣренностью ожидаютъ дождя. Если куры вечеромъ ходятъ долго, будетъ, значитъ, дождь: онѣ какъ будто хотятъ насладиться настоящею хорошею погодой; въ противномъ случаѣ можно расчитывать на ведро. Ожидаютъ такъ же дождя, если замѣчаютъ, что куры щиплютъ траву,

(Минской Губерніи).

Каждый день съ своими явленіями, и особенно праздники имѣютъ въ глазахъ селянъ свои примѣты, свои особыя знаменія. Мы видѣли уже, какъ смотрятъ селяне на первые четыр дня Марта. На «Сороки» (40 мучениковъ Севастійскихъ 9 Марта селяне замѣчаютъ: что если снѣгъ лежитъ еще на крышахъ, то зима будетъ довольно упорная; они говорятъ. «Когда сороки застали снѣгъ на стрѣхахъ, то Благовѣщеніе (25 Марта) на земли (застанетъ снѣгъ), а Юрья (23. Апр.) въ горахъ.» У нихъ есть повѣрье, будто въ этотъ день вылетаетъ въ наши стороны (изъ теплыхъ мѣстъ) сорокъ «выроевъ»—птицъ. И въ Великороссіи полагаютъ, что въ этотъ день прилетаютъ изъ заморя жаворонки.

Извѣстно, что въ сельскомъ быту однимъ изъ величайшихъ наслажденій у деревенскихъ мальчиковъ считается отыскиванье птичьихъ гнѣздъ и яицъ. Чтобы въ свою пору быть счастливымъ въ этомъ дѣлѣ, селяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему средству. Старшіе въ домѣ подговариваютъ ребятишекъ, чтобы они, по возможности, раньше встали на «Сороки» и нанесли бы въ избу дровъ для отопленія. Кто изъ нихъ

раньше встанетъ и выполнитъ указанное условіе, тотъ будетъ имѣть болѣе успѣха потомъ въ отыскиваніи птичьихъ гнѣздъ и яицъ. Съ наступленіемъ «Сороковъ,» передавали намъ селяне, всѣ дѣти въ домѣ другъ передъ другомъ стараются встать пораньше. Вставшій безъ всякой обуви, не одѣваясь, спѣшитъ принести въ избу дровъ. Товарищъ его не хочетъ отстать, и дѣлаетъ то же. И если въ домѣ нѣсколько ребятишекъ, то потомъ, по окончаніи работы, когда они соберутся вмѣстѣ, между ними поднимается страшная суматоха, крикъ. Каждый изъ нихъ добивается у другого признанія своего первенства, чтобы, такимъ образомъ, оградить для себя успѣхъ на будущее время.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ ребятишки неодѣтыми стараются трижды обѣжать избу и черезъ окошко бросить въ избу 40 щепокъ, взятыхъ ими съ того мѣста, гдѣ рубятъ дрова. Еще: черезъ стрѣху перебрасываютъ 40 тресокъ босые мальчики.

(Сравн. Вилен. Вѣст. № 12.)

Если кто ни будь изъ селянъ увидитъ въ этотъ день летящій вырой, это знакъ, по мнѣнію народа, его будущаго успѣха и счастія во всемъ. При этомъ селяне наблюдаютъ особенно относительно дикихъ гусей и журавлей, летятъ ли они каждый отдѣльно, по одному, или цѣлыми вереницами. Коли гуси и журавли говорятъ они, «лецяць по однôмъ, такъ и на жито будзець добрый урожай, и снопы будуць такъ цяжки, что придзецца насиць въ колы по однôмъ снопу; а летяць по два и по три, то и жито придзецца насиць такъ (Минск. Губ. Новогор. У.). Въ этотъ день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пекутъ по сорока маленькихъ пирожковъ, въ другихъ дѣлаютъ вареники, галушки. Хорошо, кто утромъ съѣстъ 40 галушекъ. Если на ту пору бываетъ морозъ, то полагаютъ, что еще 40 морозовъ будетъ.

(Вилен. Вѣстн. 1869 г. № 12.)

По мнѣнію селянъ день «Сороковъ» есть уже непремѣнно весенній день (Въ Великороссіи: 40 муч. день съ ночью мѣряется, зима кончается, весна начинается); по этому нѣкоторыя хозяйки сѣютъ разсаду на грядахъ, приготовленныхъ еще осенью. Правда,

иногда морозъ даетъ знать о себѣ и въ это время: разсаду всѣми мѣрами стараются предохранить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на «Сороки» селяне удерживаются отъ извѣстныхъ работъ: почитается грѣхомъ «работать скотиной»; боятся рубить дрова и дома и въ лѣсу; но дѣлать изъ дерева какое ни будь издѣліе можно. Женщины не прядутъ льна, не ткутъ.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, большею частію раньше, или позже, бываетъ средопостіе, «Средопостница», или середина Великаго Поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяйки въ этотъ день пекутъ разной формы пироги. Одинъ обыкновенно бываетъ раздвоенный, имѣетъ видъ сохи; другой дѣлаютъ на подобіе бороны съ многочисленными сверху зубьями. По просьбѣ малыхъ ребятъ имъ пекутъ «пужки», продолгаватые «шиловаценькіе» пирожки.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ (Миръ Минск. Губ. Новогор. Уѣзда) пекутъ блины, трехугольные пироги, которые называются тутъ «хресцами», такъ какъ и самый день называютъ «Хресцы», и говорятъ обыкновенно: «Ужо отъ Хресцовъ до Великодня только половина посту.» Въ Гродненской Губерніи часть засушеннаго «хресца» или «крестца» прячутъ до того времени, когда впервые выходятъ пахать землю.

(Вилен. Вѣстн. 1869 года № 6.)

Говорятъ что въ день средопостія «щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.» (Въ Великороссіи къ этому еще прибавляютъ: «а овсянка поетъ: «Покинь санки, возьми возъ!»). Нѣкоторые думаютъ, что тогда же до двѣнадцати часовъ дня селедка тяжелѣе колбасы, а послѣ двѣнадцати—наоборотъ: это значитъ, что Пасха сдѣлалась для насъ ближе, чѣмъ начало поста. Мальчишки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преважно думаютъ видѣть, какъ щука хвостомъ ледъ разбиваетъ, и для этого, если рѣчка близко, они непремѣнно стараются побывать на ней босикомъ (последнее условіе необходимо). Если же нѣтъ рѣчки, то идутъ къ «озеродамъ» посмотрѣть, какъ селедка мѣряется съ колбасой,

Чтобы видѣть это явленіе, нужно прійти въ двѣнадцать часовъ ровно и босикомъ; въ противномъ случаѣ ничего нельзя увидѣть.

(Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Другой, важный для нѣкоторыхъ селянъ, день въ посту, это—«поклоны». Подъ этимъ именемъ у нихъ извѣстенъ тотъ вечеръ, въ который совершается служеніе Св. Андрею Критскому, когда читается покаянный канонъ и кладутся поклоны.

(Миръ, Минск. Губ. Борис. Уѣзда.)

Въ мѣсяцѣ Мартѣ особеннымъ уваженіемъ селянъ пользуется праздникъ Благовѣщенія. Передъ праздникомъ хозяинъ наблюдаетъ, вылетитъ ли, или нѣтъ, пчела изъ улья. Въ первомъ случаѣ заключаетъ, что текущій годъ будетъ выгоденъ для пчелы; въ послѣднемъ наоборотъ. Во всякомъ случаѣ пчела ни какъ не должна вылетать изъ улья раньше «Сороковъ»; иначе она должна потомъ «отсидѣть» въ ульѣ столько времени, сколько теперь, своимъ раннимъ появленіемъ, она упредила «Сороки». Раннее, или позднее, явленіе пчелы указываетъ селянину и на урожай наступающаго года. «Который годъ медно (говоритъ пословица), тотъ годъ бываетъ не очень хлѣбно.» Такимъ образомъ ранній вылетъ пчелы изъ улья и, съ тѣмъ вмѣстѣ, обиліе въ будущемъ меда не совсѣмъ можетъ радовать селянина: «Будетъ не очень хлѣбно.»

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

На праздникъ Благовѣщенія хозяйка старается встать пораньше, чтобы «развязать соху», пока еще не всталъ хозяинъ. Хозяйка думаетъ, что въ такомъ случаѣ въ текущемъ году куры будутъ хорошо нести яйца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до восхода солнца хозяйки садятъ разсаду. Тогда же кладутъ въ дымъ головки луку; думаютъ, что отъ этого онъ будетъ лучше рости и изъ средины головки не будутъ выходить «столбики», которые портятъ его. Передъ всаживаньемъ въ землю, верхушки луку срѣзываютъ и омакиваютъ ихъ въ свекловичный разсолъ.

День Благовѣщенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, селяне связываютъ съ воспоминаніемъ о «буслѣ», т. е., думаютъ, что не-

премѣнно долженъ прилетѣть къ намъ аистъ, и по этому случаю пекутъ пироги, такъ называемые, «галіопы», на подобіе аистовъ, съ чубкомъ, крыльями, ногами и хвостомъ. У сельскихъ мальчиковъ существуетъ даже причитанье, съ которымъ они обращаются къ аисту: «Бусля, бусля, на табѣ галіопу, а мнѣ дай жита копу!» Собравшись въ какой ни будь домъ, и замѣтивши аиста, селяне обыкновенно разсуждаютъ между собою: «Што же намъ Богъ пакаже сягодня: ци будзе гетый годъ сухое лѣто, ци мокрое, уражайное, ци ня уражайное.» Высмотрѣвши дерево, на которомъ сидитъ аистъ, они посылаютъ мальчика посмотрѣть, не выбросилъ ли аистъ изъ гнѣзда яйца, или маленькаго дѣтеныша. Въ первомъ случаѣ говорятъ, что годъ будетъ урожайный, «полный, какъ яйцо;» послѣднее предвѣщаетъ неурожай, голодъ: «Гетый годъ (говорятъ селяне), будзе голый, якъ голое буслянятачко.»

(Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Малые ребятишки бѣгаютъ утромъ на сосѣдній дворъ и берутъ трески: цѣль та, чтобы съ чужого двора къ нимъ приходили нестись куры. Днемъ и малые и взрослые стараются увидѣть ласточку. Кому это удастся, имѣть, значитъ, потомъ такому счастливцу успѣхъ въ нахожденіи птичьихъ гнѣздъ. Съ послѣднею цѣлію употребляютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тѣ самыя средства, которыя мы указали выше, при описаніи «Сороковъ».

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Старые люди почитаютъ своею священною обязанностію побывать въ исповѣди на Благовѣщеніе. Хозяйки слѣдятъ за погодой. Если на Благовѣщеніе дождь, значитъ, будетъ урожай на рожь. Если въ этотъ день теплая, сухая, погода, то и лѣтомъ будетъ засуха. Если погода умѣренна, можно ожидать умѣреннаго лѣта съ такимъ же урожаемъ. (Тамъ же). Если саней не оставить за недѣлю до Благовѣщенія, говорятъ еще селяне, то онѣ понадобятся на цѣлую недѣлю и послѣ Благовѣщенія.

(Чересы, Дисн. Уѣзда Вил. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняются еще слѣдующіе обычаи. Извѣстно, что на Западѣ счисленіе времени идетъ теперь,

двѣнадцатью днями раньше нашего. Такое счисленіе въ XVI-мъ еще столѣтіи введено было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Россіи. Тогда относительно праздниковъ произошла нѣкоторая путаница. Одинъ праздновалъ, а у другого сосѣда были будни. Одинъ веселился, у него было Свѣтлое Воскресеніе, у другого же продолжался еще Великій Постъ. Такой порядокъ, или лучше безпорядокъ, поддерживался потомъ и во время Уніи. Теперь это разногласіе уничтожено; однако въ памяти селянъ осталось, что праздники Латинскіе и Православные приходятся не въ одно время. Въ эти промежуточные дни (мы говоримъ только относительно праздника Благовѣщенія) селяне строго наблюдаютъ, чтобы въ первый разъ не выгнать скота на пастбище; иначе потомъ онъ не будетъ держаться стада, будетъ отставать: самый внимательный пастухъ не досмотритъ за его цѣлостію. Отставшее считается вѣрною добычею волка. Чтобы избѣжать такихъ непріятныхъ послѣдствій для дому, стараются выгнать скотъ передъ упомянутыми промежуточными днями, хотя было бы еще холодно; въ крайности ждутъ ихъ окончанія; особенно женщины внимательны къ этимъ днямъ. Онѣ ни за что не согласятся ткать въ эти дни, а тѣмъ болѣе начать новую работу. Такое дѣло, говорятъ, будетъ неспорно, а сотканный въ эти дни холстъ непремѣнно окажется гнилой. Изъ дому боятся даже одолжить сосѣду какую ни будь вещь, особенно необходимую при пряденьи, или тканьи. Если одолжатъ, то «замыкаютъ ее въ замокъ;» принесши на домъ, оттворяютъ одолженную вещь, и только въ такомъ случаѣ она можетъ считаться безвредною; при возвратѣ одолженную вещь опять необходимо «замкнуть» иногда еще въ томъ и другомъ случаѣ привязываютъ къ вещи нѣсколько льну, что почитается равносильнымъ съ «замыканьемъ.»

После праздника Благовѣщенія скоро наступаетъ 1-ое Апрѣля. Оно собственно извѣстно повсюднымъ обычаемъ взаимно обманывать въ этотъ день другъ друга. Въ «Календарѣ народныхъ примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси,»* обычай этотъ объясняется тѣмъ, что 1-го Апрѣля просыпается домовой, и по тому должно обманывать другъ друга.

---

* Напечатаннымъ въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1864 г., кн. 4, Отд. V. О. Б.

Около этого времени бываетъ новый праздникъ, Недѣля Вайй. Онъ пользуется у селянъ громаднымъ уваженіемъ и извѣстенъ подъ именемъ «Вербича», «Вербницы», или «Вербной Недѣли.» Еще заблаговременно многіе селяне наламываютъ вѣтокъ вербы, вставляютъ ихъ въ кувшинъ съ водою и держатъ въ теплой комнатѣ; приготовленныя такимъ образомъ вѣтки распускаются. Въ недѣлю Вайй приносятъ ихъ въ церковь для освящерія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Шарковщизна Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда) матери не позволяютъ ничего ѣсть своимъ дѣтямъ до времени окончанія въ церкви обѣдни, или, по крайней мѣрѣ, освященія вербы, чтобы дѣти прежде всего на тощахъ могли съѣсть по три почки отъ освященной вербы. Въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ лихорадки, которая свирѣпствуетъ весною. Въ Гродненской Губерніи до недавняго времени привозили въ Недѣлю Вайй въ церковь для освященія вербу цѣлымъ деревомъ, съ корнями; послѣ освященія, съ нея ломали вѣтки (Вил. Вѣстн. 1869 года № 7). Освященная верба у селянъ имѣетъ большое значеніе. Они видятъ въ ней духовное оружіе противъ дьявола: думаютъ, что съ этихъ поръ они могутъ прогнать его, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, онъ проживалъ на деревьяхъ со времени освященія воды. Освященная верба тщательно хранится хозяйкою; иногда ее вѣшаютъ въ скотномъ сараѣ, для предохраненія скота отъ навожденія силы дьявольской. Мы встрѣтимся еще съ разнаго рода священнымъ употребленіемъ этой вербы. Теперь скажемъ только, что самый ударъ освященною вербою считается полезнымъ; по чему селяне, по выходѣ изъ церкви, ударяютъ другъ друга съ нѣкоторыми причитаньями. Эти причитанія нѣсколько рознятся по своему содержанію, смотря по тому, къ кому бываютъ обращены. Ударяя стариковъ, приговариваютъ:

Не я бью, верба бье,
За тыждень—великдень;
Хвора въ лѣсъ, на вересь,
А здоровье въ кости.
Не я бью, верба бье,
За тыждень—великдень;
Будь здоровъ, якъ вода,
А рости, якъ верба!

старикам:

Или:

Будь здоровъ на весь годъ!
Будь такъ веселъ, якъ весна;
Будь такъ крѣпокъ, якъ зима!

Или:

стар.:

Не я бью, верба бье;
За тыждень—великдень;
Не будь сонливый,
До роботы лѣнивый;
Не будь завысливый,
Але будь здоровъ, якъ вода,
Рости, якъ верба!
Будь шмыткій, якъ пчела;
Будь багатый, якъ земля!
Одъ року до року
Вербою по боку.

ста

Пастухамъ говорятъ:

Не я бью, верба бье,
За тыждень — великдень;
Вставай рано, волы гони,
Да по лусцѣ хлѣба бери,
Напаси, напои,
Да и въ хлѣвъ загони!

(Въ различныхъ мѣстностяхъ Губерній Вилен., Гродн. и Минск.)

Послѣ Недѣли Вай начинается «Страстная,» или «Чистая седмица.» Много заботъ и хлопотъ предстоитъ селянину въ эту недѣлю. Еще въ Недѣлю Вай удары вербою напоминали ему, что «за тыждень—великдень.» Для селянина эти слова имѣютъ глубокій смыслъ: нужно, значитъ, приготовиться достойно встрѣтить величайшій праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ. И вотъ съ «Чистой» среды, или четверка, онъ уже въ хлопотахъ. Нужно и домъ очистить, чтобы онъ глядѣлъ нѣсколько по праздничному, и запастись кое чѣмъ къ празднику. Все это для нашего селянина, знавшаго до послѣдняго времени одни только будни, слишкомъ нелегко, не-

сподручно. Но нечего дѣлать! Высокое духовное чувство о предстоящемъ великомъ праздникѣ окриляетъ его, дѣлаетъ находчивымъ. Онъ начинаетъ подчищать свою избенку, а его кропотливая хозяйка уже успѣла наполнить свою небогатую кладовую нѣкоторыми припасами къ празднику. Въ «Чистый» четверкъ селяне считаютъ священнымъ долгомъ сходить въ церковь на «утрель,» (на 12 Евангелій), и въ вечеръ этого дня стараются какъ бы покончить съ насущными потребностями. Все вниманіе бываетъ обращено на приготовленіе къ празднику.

Въ Западной Россіи съ давнихъ поръ существуетъ обычай приготовлять, такъ называемое, «Свеченое.» Въ каждомъ домѣ, и богатые и бѣдные, всѣ свято стараются соблюсти этотъ обычай, и чѣмъ больше будетъ печенья, варенья, пирожнаго, тѣмъ лучше. Бѣда, если хозяйка слишкомъ щепетильна: она просто мучитъ себя въ эти дни. Всѣ думы ея сосредоточены на томъ, чтобы, если уже не превзойти, то, по крайней мѣрѣ, не отстать бы ей отъ своихъ сосѣдокъ. А сколько приходится испортить всякаго рода матеріялу (конечно, въ домахъ богатыхъ), и все это ни по чемъ, только бы достигнуть своей цѣли. Тщательно и внимательно прислушиваются потомъ хозяйки къ каждому слову вкушающихъ «свеченое», стараются уловить всѣ ихъ взгляды. Ваше одобреніе ея произведеній служитъ для нея единственною, послѣднею, желанною наградой, и, сохрани васъ Богъ не отвѣдать «свеченого», заявить относительно чего ни будь свое неудовольствіе: вы, послѣ этого, наживаете себѣ вѣчнаго, кровнаго врага. Такому обычаю свято слѣдуютъ и селяне. Сколько ни будь состоятельному селянину-хозяину стыдно не имѣть на столѣ въ Свѣтлый праздникъ яицъ, масла, сыра, колбасъ, нѣсколько бабокъ (пироги), пасхи, поросенка жареннаго, жаркого изъ телятины, говядины, окорока, или ветчины. Всѣ приготовленія хозяекъ должны быть кончены къ полудню «Чистой субботы.» Все это уставляется потомъ на столъ и просятъ на домъ Священника освятить. Иногда же укладываютъ приготовленное въ корзины и приносятъ къ церкви, гдѣ Священникъ и освящаетъ его послѣ пасхальной заутрени. Все освященное имѣетъ свое значеніе, и сохраняется какъ даръ и милость Неба. Скатерть, на которой уставляется «свеченое», охраняетъ отъ града, коль скоро при появленіи градовыхъ тучь она будетъ разостлана на дворѣ. Кости отъ священной говядины

закапываются на нивахъ, въ надеждѣ хорошаго урожая. Будучи съѣдены собаками, онѣ предохраняютъ ихъ отъ бѣшенства. Въ день Пасхи боятся одалживать огня: вмѣстѣ съ огнемъ можетъ быть перенесено ко сосѣду и благосостояніе одалживающаго.

(Уѣзды Борисовскій и Дисненскій.)

На Богослуженіи стараются побывать всѣ селяне. Потомъ идутъ домой, и здѣсь разговляются. Пріѣхавшіе въ церковь на обратномъ пути стараются перегнать другъ друга. Про это они говорятъ: «Если я перегоню сегодня другихъ, то моя лошадь будетъ цѣлый годъ сильна и будетъ перегонять всѣхъ сосѣднихъ.

(Городокъ, Вил. Губ. Вилейск. У.)

Христосуются и встрѣчаютъ другъ друга обычнымъ Христіянскимъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе,» и «Во истину воскресе! На первый день боятся ходить въ гости одинъ къ другому; боятся, чтобы о такомъ не сказали, будто онъ «жабруе» (милостыни проситъ). На второй и третій день сходятся между собою пріятели, друзья, родные, сосѣди, и тутъ-то честь и слава тому, у кого лучше «свеченое».

Сельскіе мальчики ходятъ теперь по домамъ, поютъ пѣсни и собираютъ въ подарокъ яйца; сами они называются «волочебниками» (отъ «волочиться»), а ихъ подарки «волочебное.» Подошедши къ окну избы волочебники, во главѣ съ починальникомъ-мѣхоношомъ, иногда скрыпакомъ, поютъ:

Да ци дома панъ господарь?
Христосъ васкресъ, Сынъ Божій.
Кали дома, сѣдлай коня,
Христосъ васкресъ, Сынъ Божій *
Сѣдлай каня, ѣдзь на поле:
Па твайму полю самъ Богъ ходзиць,
Самъ Богъ ходзиць, да жито родзиць,
Святый Юрій да врасився,
Святый Петро вкаласився;

---

* Этотъ куплетъ повторяется за каждымъ стихомъ.

Святая Илья жито жала;
Жито жала, въ скирты клала.

Или:

Христосъ васкресъ!
Ишли, пришли, валочобники,
Играючи, спѣваючи,
Добраго пана шукаючи.
Добры вечоръ, пане гасподару!
Чи спишь, чи ляжишь, пане гасподару?
Кали жь да спишь, Богъ съ табою,
Кали жь ня спишь, ходзь за мною,
Атчини акно, паглядзи на дворъ:
На тваимъ дварѣ стаиць шацёръ,
Навюсенькій, бялюсенькій,
А у томъ шатрѣ залатое кресло,
На томъ креслѣ самъ Богъ сядзиць,
Передъ Богомъ усѣ Святіи
Шикуются, рахуются:
Катораму Святу напередъ пайци?
Святые Сараки напередъ пашли,
Святый Алексѣй сохи чешець,
Святое Благовѣщенье заариваець,
Святый Вербичъ вярбу расвенцаець,
Чистый чецьверъ ячмень засѣваюць.
Святое Величко зъ краснымъ яечкомъ;
Першій дзень пираги маюць,
А сяредній дзѣнь пагуляюць,
А паслѣдній дзѣнь выправляюць:
Радавница статекъ запасываець.
Святый Юрій, Божій пасолъ,
Да Бога пашовъ,
А взявъ ключи залатые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,
Пусцивъ расу цяплюсенькую
На бѣлый свѣтъ и на ввесь свѣтъ.
Святый Барисъ бабы сѣець,
Святый Микола па межамъ ходзиць,
Жита родзиць,

Урасився, умачився,
Подъ залатый поясъ падаткунвся;
Святый Ушестникъ жита выплываець,
Святая Семуха на вазы возиць
И Бога просиць;
Святый Дзевятникъ жита равнуець,
Святая Десятуха жита красуець,
Святый Иванъ пщолы садзиць,
Подъ перелазамъ па шесцера разамъ;
Святый Петра жита спелиць,
Святый Кузьма сярпы робиць (залатые, новые и сталевые),
Святый Павлюкъ грабли робиць,
Святый Дземянъ сѣна грабиць,
Святый Барисъ снапы зносиць,
Святые Ганны дамовъ возяць,
Святый Спасъ жита пасвенцаець,
Святая Пречистая папарѣ мешаець
И жита засѣваець,
А другая ей памагаець,
Святое Узвиженье зъ поля збераець
Святый Михайла зъ халоднымъ вѣтромъ,
Святый Пакровъ землю пакрывъ,
Землю листомъ, а воду лёдомъ,
Святый Юра грудай гвоздзиць,
Святый Микола снѣгомъ мосциць;
Пришли калядки, господаромъ парадки.
Святая Василля дзажу мясила,
Пираги пякла и рагатые и багатые.
Святое Вадахрище воду пасвенцаець,
Людзей пакрапляець,
Святые Грамницы свѣчи пасвенцаюць.
Пришли Сараки да другихъ Сараковъ,
Дай же, Боже, господарамъ здаровье!
Дай же, Боже, кабъ жита радзила,
На нивѣ капами, а у гумнѣ скиртами,
На таку умалотамъ, а у арудзѣ спорамъ,
А у арудзѣ намоламъ,
У дзяжѣ падходамъ, а у печи ростамъ,
На сталѣ сыцьемъ!
Гаспадарокъ, дари гасцей,

Не бавъ, бардзей.
Наши дары нявялички,
У дзвери ня лезуць,
У акно шыюць.
Пачинальнику капу яецъ,
А памагальникамъ па дзесятку,
Для мѣханоса три гроша,
Музыцкая (музыканта) горкая доля:
Што даюць, бярець тоя,
А не даришь, праси у хату,
Мы на тоя приступаемъ,
Кварту гарелки,
Сыръ на тарелки. Христосъ васкресъ!

(Борис. и Дисн. Уѣздовъ.)

Такъ поютъ волочебники хозяину; если у него есть дочь, то и ей споютъ пѣсеньку:

Да на озерѣ да на синенькомъ,
Да на каменѣ да на бѣленькомъ,
Красна Мариська бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, ручки мыла,
Ручки мыла, перстень вронила;
Тудою шли два малойчики,
Два молойчики, рыбаловчики:
«Ахъ вы мои, два молойчики,
Два молойчики, рыбаловчики;
Да закиньте шолковъ неводъ,
Да зловице мой золотъ перстень!»
«Красна Марися, що намъ са того буде?—
«Аднаму мой золотъ перстень,
А другому сама молодая,
Сама молодая, косица русая».—
«Красна Марися, да не кажи гани,
Да не кажи гани, да кажи падари»!.

Въ честь хозяйскаго сына:

Да ляцяць, ляцяць, два голубочка,
Да нясуць да па желудочку:
Гдзѣ желудочки пали,
Тамъ два дуба стали,

Межъ тыхъ дубовъ да Дунай цече,
Въ томъ Дунаѣ челнокъ плыве,
Въ томъ челноку маладой паничъ,
Маладой паничъ, душа Сцепанко;
Падъ Новгародъ падъѣзжая,
Турчатъ павыкликая:
«Выйдзи, выйдзи, панъ Турчанинъ!»
Панъ Турчанинъ ня выходзицъ:
«Мы тваихъ служекъ ня принимаемъ,
Мы твой городъ разстраляемъ,
Разстраляемъ, разрубаемъ,
Да стрѣлками перетычемъ,
Къ собѣ паненьку перекличемъ!»

(Осташино, Минск. Губ. Новогор. У.)

Послѣ всякой пѣсни волочебники просять яицъ: «Проша, пане Гасподарю, пару яицъ падаци, на шкадаваци, штобъ было за што падзѣнковаци; проша, проша, проша!» Если на такую убѣдительную просьбу не послѣдуетъ желаннаго отвѣта, т. е., хозяинъ не дастъ «волочебнаго,» то отъ нихъ онъ услышитъ слѣдующую пѣсню: «Штобъ на тваей пячи крапива расла! Штобъ твая нива зельемъ зарасла!..» Или: «Перейшли сяльцо, знашли яйцо; перейти другое, згубили и тое.» На другой день малые ребятишки бѣгутъ къ своимъ крестнымъ родителямъ «по волочебное;» иногда селяне родители, вмѣсто «волочебнаго» (яичекъ), даютъ имъ кусокъ пирога. А нужно знать, что все вниманіе мальчиковъ обращено бываетъ теперь главнымъ образомъ на то, какъ бы побольше собрать яичекъ, и по тому въ послѣднемъ случаѣ они съ негодованіемъ отвергаютъ предлагаемое: «Развѣ я жабракъ (говорятъ они)? Да й у васъ здается цяперь ня дзяды, а Великдень, ня буду я бульшъ называць ихъ сваими хрищеными радзицелями.»

(Осташино, Минск. Губ. Новгор. У.)

Собравши достаточное количество яицъ, деревенскіе ребятишки устрояютъ разнаго рода игры, къ нимъ пристаютъ иногда взрослые парни и дѣвки. Устрояютъ большею частію на землѣ маленькую покатость, по которой и начинаютъ «катать яички.» Съ одной стороны честь и слава тому, у кого яичко, пущенное по направленію покатости, пройдетъ самое большое простран-

ство; съ другой еще болѣе выигрываетъ тотъ, кто приноровится пустить яичко такъ, чтобы оно на своемъ ходу задѣло яички его сотоварищей: всѣ они поступаютъ въ собственность побѣдителя. Это уже видимые трофеи его побѣды. Кромѣ катанья яицъ, сбиваютъ еще ихъ въ рукахъ. Дѣло происходитъ такъ: одинъ держитъ въ рукѣ яйцо носкомъ въ верхъ, а другой долженъ ударять въ него тоже носкомъ своего яичка. Не позволяется дѣлать удары въ сторону, въ бокъ. Счастливъ, кто остался побѣдителемъ, т. е., кто ударомъ яйца пробилъ скорлупу яичка своего сотоварища. Сбитое яйцо получаетъ побѣдитель. Побѣжденный приходитъ иногда въ пылъ и рѣшается, во что бы то ни стало, одолѣть своего противника, и за частую такому приходится поплачиваться десяткомъ и болѣе яицъ, если попадетъ на «крѣпкое» яйцо. Тщательно и съ немалымъ самодовольствомъ считаетъ побѣдитель свои жертвы, и слово о немъ проносится далеко въ околодкѣ. Даже изъ другихъ деревень приходятъ къ нему помѣряться силами.

Приготовить къ Пасхѣ «крѣпкое» яйцо—верхъ счастія и блаженства для сельскаго мальчика. Съ этою цѣлью употребляется очень много хлопотъ и старанія. Нѣкоторые мальчики запасаются яйцами дикихъ птицъ разнаго рода; другіе стараются достать «сносокъ», т. е., первое яйцо, которое снесетъ курица: оно дѣйствительно бываетъ крѣпче другихъ и по величинѣ меньше; нѣкоторые просверливаютъ дырочку и выпускаютъ изъ яйца желтокъ и бѣлокъ, надѣясь, что оставшаяся одна скорлупа, обхватываемая воздухомъ, будетъ упорнѣе при ударѣ, нежели яйцо въ своемъ естественномъ видѣ. Нѣкоторые, вмѣсто выпущеннаго яичнаго желтка и бѣлка, напускаютъ туда воску, отъ чего яйцо получаетъ значительную «крѣпость». Иные просто съ предыдущаго года откладываютъ еще нѣсколько яицъ надѣясь, что если онѣ пролежатъ значительное время, то пріобрѣтутъ крѣпость. Крѣпость яицъ узнаютъ легкимъ ударомъ оконечностей ихъ въ зубы. Чѣмъ выше и чище слышится звукъ, тѣмъ, значитъ, яйцо крѣпче. При сбиваніи яицъ противники иногда взаимно пробуютъ крѣпость ихнихъ яицъ; это, впрочемъ, зависитъ отъ условія. Иногда они взаимно мѣняются ими. Во всякомъ случаѣ conditio sine qua non, это, чтобы яйцо было не поддѣльное и даже не «сносокъ». Обманщика, если поймаютъ, предаютъ общему, всенародному, позору; на него вездѣ

будутъ указывать пальцами. Только тотъ пользуется почетомъ кто въ побѣдѣ надъ противникомъ имѣлъ одинаковыя съ нимъ силы, имѣлъ яйцо простое, естественное. Послѣднее, если оно одержало многочисленныя побѣды, само оставаясь цѣлымъ, сохраняется потомъ, какъ святыня.

Играютъ еще и такъ. Одинъ беретъ яйцо, и кладетъ его подъ шапку: вдоль, или поперекъ, это тайна, которую долженъ отгадать противникъ. Онъ поверхъ шапки кладетъ палочку, норовя положить ее въ такомъ направленіи, въ какомъ, по его мнѣнію, подъ шапкой лежитъ яйцо. Если палочка будетъ положена удачно, загадка, значитъ, отгадана, и отгадавшій пользуется за это яйцомъ. Въ противномъ случаѣ онъ приплачивается своимъ. Качаются еще на качеляхъ, которыя обыкновенно устраиваются при каждомъ домѣ.

Въ праздникъ Пасхи, по древнему обычаю, дарятъ взаимно другъ друга яйцами. Въ Западной Россіи этотъ обычай имѣетъ особенное значеніе между парнями и дѣвушками. Въ Гродненской Губерніи Кобринскаго Уѣзда взрослыя дѣвушки даютъ по нѣскольку паръ яицъ молодымъ парнямъ; парни, въсвою очередь, дарятъ имъ въ храмовые праздники нѣсколько паръ бубликовъ. Такой обмѣнъ, говорили намъ, происходитъ не только между парнями и дѣвками одной деревни, но и между нѣсколькими деревнями, жители которыхъ хоть сколько ни будь знакомы межъ собою. Обмѣнъ этотъ происходитъ въ знакъ любви.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на первый день Пасхи не выносятъ сору изъ избы: считаютъ грѣхомъ.

Приготовленное «свеченое» селяне обыкновенно ѣдятъ утромъ, разговляются имъ. На первый и второй день праздника почти имъ только и довольствуются. Потомъ готовятъ что ни будь теплое къ обѣду, и ужь послѣ обѣда «свеченого» не ѣдятъ. «Свеченое» они непремѣнно стараются «дотянуть до проводъ» (Ѳоминой недѣли). Въ этотъ день все должно дѣлаться также, какъ и на Пасху. Даже разговляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яичкомъ и говорятъ при этомъ: «Яйцами отговѣлись (на Пасху), яйцомъ и закончимъ» (на проводы). На «проводы» вечеромъ селяне, по мѣстному выраженію, «полощутъ зубы и зиму прогоняютъ въ вырей» тѣмъ, что вечеромъ устрояютъ порядочную попойку и закуску.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Селяне большею частію празднуютъ всю «Свѣтлую Седмицу.» Первые три дня празднуются собственно въ память Воскресенія Христова. Среду Свѣтлой Седмицы селяне называютъ «градовою» и боятся работать на томъ основаніи, что такому человѣку можетъ потомъ постоянно угрожать опасность отъ града, и на оборотъ: молитвой въ градовую среду можно обезопасить себя отъ такой бѣды. Въ четверкъ нѣкоторые празднуютъ память воскресенія умершихъ (Еремичи Минск. Губ. Новгор. У.). Но большею частію поминовеніе умершихъ совершается въ понедѣльникъ, или во вторникъ, Ѳоминой недѣли. Это—«Радуница», которая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Миръ, Минск. Губ. Новгор. У.) подраздѣляется на «живую и мертвую.» Первая въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, и тогда семья молится о благоденствіи живущихъ; вторая— во вторникъ, и тогда поминаютъ усопшихъ. Идутъ въ церковь, «закупаютъ обѣдню» за упокой усопшихъ, потомъ идутъ на могилы родныхъ, плачутъ тамъ и въ заключеніе угощаются. Приглашаютъ и покойныхъ родителей: «Святыи радзицели, хадзице, хадзице, къ намъ ѣсци, што Богъ давъ!» Избранную могилу покрываютъ скатертью, на ней ставятъ приготовленныя по состоянію кушанья, выливаютъ нѣсколько на могилу для покойныхъ. Иногда говорятъ: «Душамъ парка (паръ, поднимающійся надъ блюдами), а намъ стравка.» Пообѣдавши, остатки отдаются нищимъ, собравшимся тутъ и поющимъ религіознаго содержанія пѣсни. Нѣкоторые уходятъ домой, простившись съ усопшими и выразивъ желаніе, чтобы земля не давила имъ груди, не нарушала бы покоя, который весною особенно для нихъ пріятенъ. Большая часть собравшихся остаются на могилахъ до поздней ночи. Все «Радовишнее» торжество извѣстное еще подъ именемъ «Радовишныхъ дѣдовъ, должно отличаться особенно печальнымъ, чувствительнымъ, характеромъ.

Внимательно слѣдятъ за тѣмъ, въ какое время «приходятъ» эти «дѣды:» если они пришлись въ «маладзикъ,» новолуніе, будетъ, значить, въ текущемъ году хорошій урожай; напротивъ, дѣды приключились въ «ветошку,» послѣднюю четверть, и селяне тутъ ждутъ неурожая, по поговоркѣ: «Радовница ветошка, не будземъ ѣсцъ хлѣбъ изъ горшка.»

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Еремечи, Минск. Губ. Новгор. У.) существуетъ повѣрье, что на «Радовницу» воскресаютъ умершіе, приходятъ въ церковь молиться Богу; думаютъ, что ихъ можно даже видѣть, стбитъ только употребить слѣдующее средство. Нужно,

говорятъ, взять тѣ пряди льна, которыя находятся подъ холстомъ, когда его ткутъ. Эти пряди нужно спрясть, ссучить и выткать изъ нитокъ поясъ. Все необходимо сдѣлать въ одинъ день. Достаточно потомъ подпоясаться такимъ поясомъ, выйти изъ дому и стать возлѣ церкви, чтобы увидѣть, какъ мертвые будутъ ити въ церковь. Одинъ человѣкъ, продолжаютъ далѣе, поступилъ точно такимъ образомъ и дѣйствительно, въ извѣстное время, въ опредѣленномъ мѣстѣ, увидѣлъ мертвыхъ, отправляющихся въ церковь. Въ числѣ послѣднихъ онъ узналъ якобы и своего дядю, который, подошедши къ нему, велѣлъ ему снять верхнее платье, повѣсить на заборѣ; самъ онъ, по указанію дяди, не осматриваясь, долженъ былъ ити домой. Пришедши на другой день за платьемъ, онъ, вмѣсто всего, нашелъ только одни клочья.

Послѣ праздника Пасхи, раньше, или позже, селяне празднуютъ Святаго «Юрія.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Миръ, Минск. Губ. Новгор. У.) въ этотъ день селяне отправляются на кладбище, просятъ туда Священника отслужить имъ панихиду. Помянувши своихъ родныхъ, они остаются, съ принесенными заблаговременно кушаньями и водкой, на могилахъ родныхъ, пьютъ, кушаютъ, поютъ пѣсни по умершихъ; остатокъ отъ кушанья они оставляютъ на могилахъ, полагая, что мертвые воспользуются этимъ по ихъ уходѣ, такъ какъ въ присутствіи живыхъ они не могутъ ѣсть. Водку, если остается, обыкновенно выливаютъ на могилу, въ той мысли, чтобы, по крайней мѣрѣ, облить ею мертваго, если бы вставши потомъ, онъ не захотѣлъ ее пить. День Георгія считается послѣднимъ, въ который можно еще сбивать ейца, оставшіяся отъ праздника Св. Пасхи.

Считается необходимымъ вывести лошадей въ поле въ ночь передъ Св. Георгіемъ. Говорятъ, что въ это время является первая роса, которая очень полезна для скота, особенно для лошадей; въ пѣснѣ поется:

Святый Юрій да вросився.

Или:

Святый Юрій, Божій ключникъ!

Или:

Вазьми ключи, идзи въ стайню;
Вазьми каня варонаго;
Идзь у поле у чистое;
Атамкни землю, пусци расу!

Или:

Юрій, вставай рано!
Атмыкай землю,
Выпущай расу
На цѣлое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На каласистое
Людзямъ на здаровье,
Панамъ на змиренье;
Панамъ пановаць,
Жидамъ арендоваць!

(Минской Губерніи.)

Условившись съ извѣстнымъ ночлежникомъ, которому хозяинъ намѣренъ поручить своихъ лошадей, онъ, со всею семьею, становится паредъ иконою Св. Георгія, и молится ему сохранить его лошадей невредимыми. Послѣ молитвы хозяинъ беретъ столько яицъ, сколько у него лошадей, три раза обходитъ кругомъ «хлѣвъ» гдѣ стоятъ лошади, и потомъ кладетъ ихъ подъ порогомъ. Перекрестившись три раза, хозяинъ отворяетъ хлѣвъ, входитъ туда, приговаривая: «Пришла Юрьевая раса, ня дамъ вамъ овса;» три раза гладитъ ихъ рукою по всему хребту, надѣваетъ узду, выводитъ изъ хлѣва и старается самъ правою ногою вступить на порогъ хлѣва, гдѣ положилъ яйца; тамъ, по мнѣнію селянъ, находится дьяволъ, который всячески старается повредить лошадямъ, и можетъ сдѣлать это только на канунѣ Юрьева дня. Ступить правою ногою на порогъ хлѣва значитъ совершенно обезсилить дьявола, сдѣлать его для себя безвреднымъ. Выведши лошадь изъ хлѣва, хозяинъ передаетъ ее ночлежнику; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ даетъ ему пару колбасъ, кварту пшеничной муки, кусокъ сала, какой ни будь десятокъ яицъ, нѣсколько денегъ. Ночлежникъ от-

правляется въ заранѣе уже условленное съ своими сотоварищами мѣсто, и тамъ всѣ они устрояютъ себѣ угощеніе.

(Загорье Сѣннинское, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На канунѣ праздника Георгія хозяйки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приготовляютъ хлѣбъ, такъ называемый, «коровай,» обертываютъ его потомъ скатертью и отдаютъ хозяину. Взявши коровай, хозяинъ кладетъ его въ «кошель,» сумку изъ коры бересты. Вставши на другой день какъ можно раньше, хозяинъ беретъ «кошель съ короваемъ», отправляется въ дорогу и обходитъ всѣ свои поля. Пришедши къ послѣдней полосѣ, гдѣ ростетъ рожь, вынимаетъ «коровай,» кладетъ его въ рожь, и сравниваетъ высоту ржи съ короваемъ. Если коровай прячется во ржи, то рожь, говорятъ, въ текущемъ году будетъ хороша. Прочитавши тутъ же молитву, хозяинъ отправляется домой. Если онъ возвращается домой рано, такъ, что изъ семьи не всѣ еще встали, то онъ самъ немного отдыхаетъ, и потомъ, когда всѣ приготовятся къ завтраку, хозяинъ разрѣзываетъ «коровай» на порціи, по числу членовъ семейства, и всѣ вмѣстѣ, послѣ молитвы, завтракаютъ. Отвѣдавши «святаго хлѣба,» хозяинъ спѣшитъ въ церковь помолиться Св. Георгію о сохраненіи его «скотинки.»

(Озяты, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ эти обрядности совершаются нѣсколько сложнѣе, болѣе торжественно. Приготовивши «коровай» хозяева, иногда съ семьей, раненько, непремѣнно на тощахъ, отправляются въ обходъ по своимъ полямъ. Кромѣ коровая они берутъ съ собою водку, колбасы, яйца, кости отъ той говядины, которую освящали на праздникъ Пасхи. Кости сохраняются или въ естественномъ видѣ, или въ видѣ порошка, послѣ сожженія ихъ. Пришедши на поле, хозяева иногда качаются сами по ржи, чтобы окропиться Юрьевой росою, и потомъ качаютъ свои коровай. Обходятъ свои нивы съ пѣснями: «Юрій, вставши рано, отмыкай землю!» и проч. На границѣ поля поздравляютъ свою ниву: «Здравствуй, нива святая!» говорятъ селяне; «поздравляемъ съ хлѣбомъ, солью и Св. Юріемъ. Кабъ Богъ найвысшій и Св. Юрій потѣшилъ погодою и здоровьемъ!» Хозяину при этомъ желаютъ «пиво робить, сына женить (если есть), горѣлку гнать, дочку замужъ дать» (если есть).» Послѣ этого тутъ же начинается

пированье. Выпивают принесенную водку и закусывают. Костями, если онѣ въ естественномъ видѣ, обтыкаютъ межу; если же онѣ сохранены въ видѣ порошка, то послѣднимъ обсыпаютъ тѣ мѣста, на которыхъ ростетъ осока. Думаютъ, что послѣ этого не будетъ рости сорная трава.

Обходятъ поля съ вербою, освященною въ Недѣдю Вайй. Потомъ въ извѣстномъ мѣстѣ втыкаютъ ее въ землю, въ той надеждѣ, что этимъ защитятъ ниву свою отъ града. Для избавленія отъ града прибѣгаютъ еще и къ такому средству. Когда завидятъ «градовую» тучу, отламываютъ нѣсколько вѣточекъ освященной вербы, берутъ разнаго рода травы, «зелье,» освященное на Іоанна Крестителя въ прошломъ году, на «зельную» (Успеніе Пр. Богородицы); бросаютъ все это на горячіе угли: думаютъ, что туча послѣ этого пройдетъ безъ вреда.

Среди селянъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохраняется и преданіе, по чему необходимо въ день Св. Юрія совершать обхожденіе своихъ полей. Говорятъ, что когда-то было сдѣлано такое распоряженіе, что если сынъ не убьетъ своего состарѣвшагося отца въ то время, когда самъ можетъ быть хозяиномъ, то самъ онъ отъ своего общества долженъ подвергнуться этой участи. Оказалось, что одинъ добрый сынъ слишкомъ былъ расположенъ къ своему отцу, и у него ни какъ неподнималась рука совершить убійство. Не хотѣлось въ то же время и самому подвергнуться тяжелой участи. Вотъ любящій сынъ спряталъ своего отца въ погребъ, распустивъ тогда же молву, что онъ убилъ его. Дѣло было улажено. Сынъ между тѣмъ постоянно посѣщалъ своего отца, доставлялъ ему все необходимое для жизни и пользовался его совѣтами. Случилось, что въ домѣ не стало ржи для обсѣва полей, да и негдѣ было купить. Сынъ обратился за совѣтомъ къ отцу, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Отецъ приказалъ ему пойти, набрать соломы, которою покрыты дома, хорошо перемолотить ее и потомъ разсѣять по полю. Сынъ такъ и сдѣлалъ. Съ наступленіемъ весны сынъ пошелъ посмотрѣть, что дѣлается съ его нивой, каковы всходы; но тамъ, къ его удивленію, хоть шаромъ покати: ничего не было. Опечалился сынъ и опять поспѣшилъ къ отцу повѣдать скорбь свою и горе. Отецъ объявилъ ему, что онъ въ день Св. Георгія долженъ пойти на поле, обойти его и потомъ послушать, что будетъ говорить рожь. Обошедши поле, сынъ приложилъ ухо къ землѣ и сталъ слушать, улегшись на загонѣ; рожь

какъ бы говорила ему: «Посунься ты; тутъ сядутъ три,» что яко бы указывало на будущіе густые всходы. Дѣйствительно, рожь родилась великолѣпная, кустистая, на загляденье всѣмъ сосѣдямъ. Благодарный сынъ открылъ, въ чемъ тайна, и виновника ея указалъ въ своемъ отцѣ. Всѣ, конечно, наполнились глубокаго уваженія къ старцу, порѣшили не убивать болѣе своихъ родителей, а на Св. Георгія обходить поля и слушать, что говоритъ рожь.

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмянск. У.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще водится обычай, чтобы молодица (вошедшая той зимы въ хату замужъ) покрыла всходы ржи полотномъ. Послѣ того пьютъ и закусываютъ въ честь покровителя стадъ и хозяйства. Еще иногда нѣсколько дѣвокъ спекутъ большой «коровай» и, въ сопровожденіи «хлопцевъ», несутъ его съ торжествомъ надъ головами; заходятъ съ поздравленіями къ почетнымъ хозяевамъ, ради почтиванья, а главное ради честнаго пожеланія, чтобы участницамъ въ обрядѣ не довелось болѣе ходить съ короваемъ на Юрія, но къ слѣдующему году посчастливилось выйти замужъ. «Хлопцы» выкупаютъ «коровай» въ складчину рубля за полтора и менѣе; послѣ всего устроется общая закуска и выпивка.

(Гродн. Губ. Виленск. Вѣстн. 1869 г. № 12.)

По погодѣ дня Св. Юрія хозяева гадаютъ объ успѣхѣ въ хозяйствѣ. Если въ Юрьевъ день идетъ дождь (густой, большой), то, говорятъ, будетъ рости большая рожь. Если дождь будетъ только «кропить», то будутъ весь годъ коровы доить. Если будетъ роса, то будетъ довольно конямъ овса.

Примѣчаніе. Великорусскія повѣрья и примѣты на Юрія: «На Юрія роса—не надо конямъ овса. Юрій запасаетъ коровъ. Юрій праздникъ пастуховъ. Юрьева роса отъ сглаза, отъ семи недуговъ. Будь здоровъ, какъ Юрьева роса! Яровой сѣй до Егорья, или съ Егорья! Богатый сытъ и въ Юрьевъ день а бѣдный терпитъ до Спаса. Подъ Егорья вешняго не работаютъ, чтобъ волкъ овецъ не поѣлъ. На Юрья Св. Егорій разъѣзжаетъ по лѣсамъ на бѣломъ конѣ и звѣрямъ раздаетъ наказы. Всякъ звѣрь у Егорья подъ рукой. Что у волка въ зубахъ, то Юрій далъ. Юрій весну начинаетъ. Юрій рабо-

ты начинаетъ, Юрій и кончаетъ. На Руси два Егорья: холодный (26 Нояб.) и голодный (23 Апр.).

Съ именемъ Св. Георгія селяне соединяютъ и память о Миколѣ (9-го Мая). Они говорятъ: «Юрья сказавъ: житаураджу; Микалай атказавъ: паджджи, пагляджу!» «Если до Юрья корму и у дурня, то только тотъ не боится зимы николи, кто маетъ сѣна да Миколы.» Микола составляетъ переходъ отъ зимы къ лѣту, и обыкновенно около этого времени производится посѣвъ. Сѣвба до Николина дня считается «раннимъ посѣвомъ». Послѣ Миколы запрещаютъ пастухамъ пасти скотъ на лугахъ, предназначенныхъ подъ покосъ. Нищіе, прося милостыни, поютъ, въ честь Св. Николая, пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Ой хто, хто, Миколая любить,
Ой хто, хто, Миколаю служить,
Тому Святый Миколай
На всякій часъ помагай!
Єму служить, єму служить,
Сонце, мѣсяць,
Во дни, въ ночи,
Непрестанно!...

(Чересы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Думаютъ также, что празднованіе въ честь Николы предохраняетъ отъ града.

Въ праздникъ Пятидесятницы, «Семухи», селяне, по древнему обыкновенію, украшаютъ свои дома, внутри и извнѣ, разнаго рода зеленью. Въ этотъ день всѣмъ хорошо (говорилъ намъ одинъ селянинъ), за исключеніемъ бѣдныхъ, шестилѣтнихъ дѣтей. Они скучаютъ дома: имъ непремѣнно хотѣлось бы пойти въ лѣсъ, или «жито», чтобы тамъ поиграть. Но родители, опасаясь несчастій, не пускаютъ дѣтей и говорятъ имъ при этомъ: Ня йдзице, дзѣтки, ни да лѣса, ни у жита; бо у лѣсѣ бѣгае тучница (стадо волковъ); вана якъ нападе на васъ, то заѣдае на смерць, а у житѣ ходять раскудланые русавки съ велизными ножами, то вани васъ парѣжуць». Послѣ такихъ наставленій дѣти по неволѣ остаются дома.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлост. Уѣзда.)

Въ день Пятидесятницы пастухи и ночлежники устраиваютъ

«балекъ;» матеріялъ для него пастухи выпрашиваютъ предварительно у каждаго хозяина, скотъ котораго пасутъ; при этомъ болѣе ловкій между ними говоритъ: «Прислав̆ъ Король по лѣтошній духъ; лѣтось брав̆ъ, не добрав̆ъ, пришов̆ъ се лѣто добирать: отъ бычка молочка, отъ коровки маслячка, отъ овечки четыре яички, отъ свинки солонинки, отъ баранчика соли, кабъ бывъ господарь весёлый.»

(Стаекъ, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ Пятидесятницей празднуютъ «Дѣды», т. е., поминаютъ умершихъ. Прежде всего хозяйка приготовляетъ двѣнадцать блиновъ, потомъ варитъ «капусту», какой ни будь супъ (крупникъ), готовитъ кашу, жаркое, колбасы, яйца, печетъ «перепечки». Должно быть, по крайней мѣрѣ, пять кушаньевъ, по другимъ семь. Если селянинъ, совершающій дѣды, не въ состояніи приготовить и этого числа блюдъ, то онъ остается при томъ убѣжденіи, что ночью мертвые не дадутъ ему покоя, постоянно будутъ видѣться ему во снѣ; мертвые, по мнѣнію селянъ, недовольны, если количество блюдъ не достигаетъ числа пять. Водка опять считается непремѣнною принадлежностью: если на праздникъ ея не будетъ, то сильнымъ вѣтромъ можетъ сорвать у селянина съ какого ни будь строенія крышу, или же «выкрупить рожь».

(Марково, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Послѣ заупокойной обѣдни хозяинъ зоветъ къ себѣ гостей. Все уже бываетъ готово, поставлено «на лавѣ» въ такомъ порядкѣ, въ какомъ будетъ подаваться къ столу. Хозяинъ приноситъ водку и пиво. Хозяйка кладетъ на одинъ конецъ стола шесть блиновъ и на другой шесть, а на блинахъ въ томъ и другомъ концѣ по булкѣ ржаного хлѣба и пшеничнаго. Потомъ ставитъ на столъ солонку и кладетъ пять яицъ. Гости послѣ садятся за столъ. Тогда хозяйка зажигаетъ «громничную» свѣчу, три раза обходитъ съ нею кругомъ стола, и самую свѣчу потомъ ставитъ въ ржаную булку. Иногда самъ хозаинъ обходитъ со свѣчею три раза кругомъ миски съ капустой. Передъ этимъ хозяинъ наливаетъ рюмку водки и, вставши, вмѣстѣ съ другими, читаетъ молитву за умершихъ, поминаетъ всѣхъ умершихъ въ семействѣ дѣдовъ, отцовъ, дѣтей. Послѣ молитвы, съ рюмкою водки, хозяинъ обращается къ хозяйкѣ, пьетъ къ ней съ пожеланіемъ, чтобы Господь удостоилъ ихъ «приждать и другихъ дѣдовъ». Чара идетъ къ хозяйкѣ. Условіе это

должно соблюдаться непремѣнно. Если хозяинъ живетъ съ хозяйкой въ ладу, что при рюмкѣ водки выражается словами: «Будзь здорова!» то подобный домашній миръ способствуетъ къ размноженію овецъ и успѣшному урожаю пшеницы. Отъ хозяйки рюмка переходитъ въ руки гостей, и когда обойдетъ въ круговую всѣхъ, по старшинству, снова возвращается къ хозяину. Закусываютъ сначала яйцомъ, потомъ ѣдятъ капусту и остальныя кушанья, а въ заключеніе кашу. Поѣвши немного каши, гости втыкаютъ въ нее ложки. За обѣдомъ по ложкѣ каждаго кушанья вливаетъ хозяинъ въ особо поставленную тарелку; это для умершихъ; если не оставлять имъ, то хозяину, по мнѣнію селянъ, грозитъ «гнѣвъ отъ душъ». Послѣ обѣда, не вставая отъ стола, хозяинъ почтуетъ гостей пивомъ съ такою же обрядностью, как пили водку. Стаканъ пива оставляютъ на столѣ для «душъ.» Вставая отъ стола, молятся Богу за умершихъ. На столѣ, между тѣмъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, все остается въ такомъ видѣ, какъ было за обѣдомъ. Думаютъ, что собственно теперь являются души умершихъ подкрѣпить свои силы.

(Стаекъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Марково, Вил. Губ. Вилейск. У.) въ заключеніе, вмѣсто пива, даютъ гостямъ по стакану парного молока, въ память умершихъ грудныхъ младенцевъ.

«Дѣды» иногда празднуются еще и такъ. Передъ ужиномъ, при всеобщемъ молчаніи, хозяинъ, наливши первую рюмку водки, выливаетъ ее за окно, говоря: «Будзь здоровъ, дзѣду!» Каждый членъ семейства пьетъ по три раза и закусываетъ пирогомъ, «кнышомъ,» или блиномъ. Начиная кушать, первую ложку тоже выливаютъ за окно, приговаривая: «Дѣду, иди до обѣду!» Потомъ поминаютъ умершихъ. Сперва вызываютъ отца и мать, что называется «становить столъ за матку и за бацьку.» Послѣ произнесенія каждаго имени бросаютъ еще блинъ подъ столъ и говорятъ: «Хавтуры!» (покойникъ; отсюда и пословица: «У адной хацѣ вясельe, а у другой хавтуры»). Послѣ обѣда хозяинъ обмахиваетъ комнату метелкой, говоря: «А кишъ, кишъ (обыкновенное понудительное слово, когда гоняютъ куръ), душечки! Котора старша и больша, та дверьми, а котора меньша, окнами!» Кромѣ домашней трапезы на могилахъ родныхъ ставятъ еще иногда горшки съ кашей и ложкой, или ставятъ подъ окнами (Бобровскій,

Матеріялы для Геогр. и Статист. Россіи, 838). Иногда еще хозяинъ, до времени сбора всѣхъ домашнихъ къ столу, самъ отпираетъ отъ избы двери и, поставивши въ дверяхъ борону, начинаетъ гонять къ обѣду «душечекъ: «А кишь, душечки, на обѣдъ: малые черезъ борону, а старые черезъ двери!» Вошедши потомъ въ комнату, хозяинъ беретъ лучину, зажигаетъ ее и трижды обноситъ кругомъ стола, для окуриванія. Усаживаясь обѣдать, вызываютъ «души»: «Мама, дѣду, прадѣду и вси душечки, которые 'сте на сёмъ мѣстцѣ пребывали, хлѣба и соли заживали, просимо до обѣду!» Начинается обѣдъ. Послѣ обѣда хозяинъ отнимаетъ поставленную борону, беретъ въ правую руку полотенце и стаканъ пива, въ лѣвую тарелку, въ которую за обѣдомъ вливали по ложкѣ каждаго блюда для «душъ,» и отправляется на гумно. Тамъ, возлѣ сарая, онъ разстилаетъ полотенце, ставитъ на немъ съ одного конца тарелку, съ другого стаканъ пива; по срединѣ самъ становится на колѣни, молится о душахъ, выливаетъ пиво въ тарелку и, въ свою очередь, означенную мѣшанину выливаетъ вонъ для «душечекъ». Обрядъ, значитъ, конченъ; хозяинъ идетъ домой.

(Верховичи, Гродн. Губ. Слон. Уѣзда.)

Описанные «Дѣды» извѣстны подъ именемъ «Семухи,» или «Ставрусскихъ.» «Семухой» называются они по тому, что совершаются на седмой недѣлѣ послѣ Пасхи. Относительно названія ихъ «Ставрусскими» существуетъ такого рода преданіе. Во время оно, говорятъ, на Бѣлой Руси, въ Краснопольѣ, еще во времена язычества, жилъ нѣкій Князь, именемъ Бой, славный въ окрестности охотникъ. Вѣрными и неизмѣнными товарищами въ охотѣ служили ему двѣ его собаки, въ высшей степени сильныя, смышленыя. Одна изъ нихъ называлась «Ставры,» другая «Гавры.» Ни одинъ медвѣдь не могъ устоять противъ нихъ. Если случалось, что Боя иногда въ лѣсу окружали разбойники, ему стоило только спустить на нихъ своихъ собакъ, и опасность миновалась: враги принуждены были сейчасъ же разсыпаться. Если Бой заблуждался въ лѣсу, собаки дѣлались его проводниками: шли впереди его, выводили на дорогу, приводили домой. Однимъ словомъ, эти собаки были вѣрнѣйшими его друзьями. За такія ихъ заслуги Бой, яко бы, приказалъ своимъ подданнымъ, чтобы Ставрѣ и Гаврѣ отдавалась честь, какъ самымъ приближеннымъ къ Князю. Когда онѣ покончили жизнь, Князь назначилъ, яко бы, особые дни

въ ихъ вспоминаніе; народъ собирался въ тѣ мѣста, гдѣ были закопаны ихъ кости, приносилъ туда питья и яства; пиршество продолжалась нерѣдко до ночи. Часть пищи и кости бросались на могилы Ставры и Гавры, и участники въ пиршествѣ, яко бы призывали ихъ имена. Отсюда, яко бы, ведутъ свое начало «Ставрускіе дѣды,» и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ, отливши въ особую тарелку кушаньевъ, опускается съ нею подъ столъ и три раза повторяетъ: «Ставры, Гавры, гамъ! Приходзице къ намъ!»

(Opis. pow. Borys. 376 — 377. Ср. Дмитріева, Собраніе пѣсенъ, сказокъ СЗ. края, 219.)

Ни одинъ день въ году не обставленъ, кажется, такими суевѣрными сказаніями, какъ «Купала,» канунъ Іоанна Крестителя (24 Іюня). Говорятъ, что ночью на Купалу души умершихъ—русалки, встаютъ отъ долгаго сна и купаются. Потомъ, когда взойдетъ солнце, онѣ, яко бы, сушатся при его теплотѣ и свѣтѣ. Если солнце пасмурно, то русалки, значитъ, закрыли его. Утромъ въ день «Ивана» обыкновенно, по мнѣнію народа, играетъ солнце. Говорятъ, что оно раздѣляется на многочисленные разноцвѣтные круги, которые то сходятся, то расходятся, образуя при этомъ великолѣпную игру цвѣтовъ. Особенно дѣти любопытствуютъ видѣть подобнее явленіе, и встаютъ для этого, по возможности, раньше. Но обыкновенно ничего не видятъ, или же видятъ только то, что нарисуетъ имъ настроенное извѣстнымъ образомъ воображеніе. Въ другихъ мѣстахъ прямо говорятъ, что нельзя видѣть играющаго солнца; оно «не велитъ, клянетъ: «Вы, дескать люди, цѣлый годъ по сороку разъ играете — дайте мнѣ поиграть хоть одинъ разъ!» На Купалу дѣвушки и парни собираютъ разнаго рода цвѣты, травы, наламываютъ вѣтвей дуба, осины, рябины, и все это приносятъ потомъ въ церковь, къ освященію. Изъ освященной зелени вьютъ вѣнки и сохраняютъ ихъ какъ средство противъ навожденія злой силы. Думаютъ, что въ этотъ день совершается какой-то переворотъ въ мірѣ: теперь, яко бы, расхаживаютъ по землѣ вѣдьмы, духи; деревья, звѣри и вообще все живущее ведетъ, яко бы, между собою бесѣду, и т. под.

Говорятъ, что всѣ эти чудеса можно видѣть; можно понять бесѣду звѣрей, найти кладъ, стóитъ только досмотрѣть, какъ будетъ цвѣсти «папортникъ» (который, по мнѣнію селянъ, цвѣтетъ

въ ночь на Купалу), и овладѣть этимъ цвѣтомъ. Послѣднее, говорятъ, достается очень трудно. Передъ захожденіемъ солнца нужно отправиться въ лѣсъ, и непремѣнно въ такую глушь, куда никакимъ образомъ не могутъ проникнуть звуки пѣнія пѣтуха (Пѣнія пѣтуха, по народному мнѣнію, сильно боится дьяволъ). Отыскавши пригодное мѣсто, въ которомъ, конечно, былъ бы и папоротникъ, человѣкъ долженъ устроиться тутъ на всю ночь: въ это время ему необходимо читать «божественную» книгу при зажженной «громницѣ», по тому что дьяволъ будетъ употреблять всѣ мѣры, чтобы какъ ни будь устрашить его и какъ бы выбить его изъ занятаго положенія. Онъ будетъ бросаться на человѣка въ видѣ различныхъ звѣрей, будетъ, по видимому, затоплять его водою, подползать къ нему въ видѣ страшныхъ змѣй, будетъ поражать слухъ его пронзительнымъ гикомъ и пискомъ; человѣку будетъ казаться, что на него валятся громадныя деревья, и все это для того, чтобы только обратить его въ бѣгство. Нужно, говорятъ, необычайное присутствіе духа и твердость воли, чтобы устоять противъ подобныхъ наважденій. Передаютъ, яко бы и дьяволъ былъ глупъ, пока не овладѣлъ цвѣтомъ папоротника, по тому-то онъ и боится такъ, чтобы человѣкъ не раздѣлилъ его знанія. Средства противъ его нападенія, кромѣ молитвъ и крестнаго знаменія, указываютъ еще въ слѣдущемъ: нужно очертить вокругъ себя мѣломъ, который былъ освященъ во время Богоявленія: дьяволъ никакимъ образомъ не переступитъ этой священной черты.

Разсказываютъ, что какому-то счастливцу удалось овладѣть цвѣтомъ папоротника. Дѣло было такъ. У одного человѣка на канунѣ Купалы заблудились волы. Онъ пошелъ искать ихъ въ лѣсъ, да и самъ заблудился. Попалъ онъ въ такую глушь, что ни какъ нельзя было ему ити дальше, и по неволѣ пришлось остановиться на отдыхъ. Оказалось, что заблудившійся положился среди папоротника. Ночью, когда отцвѣлъ папоротникъ (а цвѣтетъ онъ, по мнѣнію селянъ, просто мгновеніе), цвѣтъ его попалъ селянину на лапоть. Пробудившись отъ сна, селянинъ почувствовалъ себя совершенно инымъ человѣкомъ. Онъ понималъ шелестъ деревьевъ, слышалъ что говорятъ у него дома, видѣлъ все, тамъ происходящее какъ бы передъ собою, видѣлъ то мѣсто, гдѣ находятся его волы, видѣлъ богатства земли, клады. Онъ порѣшилъ пойти за волами, поскорѣе загнать ихъ домой и отправиться разрывать клады. Уже онъ гналъ домой воловъ, но тутъ почувство-

валъ, что ему очень жарко въ ноги и, чтобы облегчить себя и скорѣе добраться домой, онъ сбросилъ лапти, не подозрѣвая, что въ нихъ-то и находится главная и единственная причина его всевѣдѣнія. Сбрасывая лапти, онъ выронилъ изъ нихъ магическій цвѣтъ, и въ ту же минуту потерялъ все свое знаніе и пониманіе: явился прежнимъ селяниномъ, съ смутнымъ воспоминаніемъ о недавнемъ своемъ внутреннемъ величіи.

Въ этотъ день особенно боятся, чтобы вѣдьмы не испортили коровъ. Еще заблаговременно между хозяйками идетъ говоръ, что скоро, молъ, наступитъ время «уменьшенія молока» Думаютъ, что вѣдьмы теперь собираются въ одно мѣсто, на «Лысую гору» (въ Кіевѣ), и тамъ дѣлаютъ совѣтъ, куда которая изъ нихъ должна отправляться за молокомъ. Такъ какъ нѣкоторые хозяева въ это время выгоняютъ свой скотъ на пастбище очень рано, то вѣдьмы поступаютъ тутъ слѣдующимъ образомъ. На лугъ, гдѣ пасутся коровы, онѣ являются тоже очень рано, берутъ полотенце, таскаютъ его по росѣ и говорятъ, указывая на ту корову, у которой желаютъ отобрать молоко: «Какъ роса убываетъ изъ подъ полотенца, такъ чтобы убыло молоко у этой коровы; и какъ роса вбирается въ мое полотенце, такъ пускай молоко переходитъ отъ этой коровы и вбирается въ вымя моей коровы!» потомъ вѣдьма выжимаетъ полотенце и явившуюся воду даетъ выпить коровѣ. Молоко послѣ этого будетъ убывать и перейдетъ къ вѣдьмѣ. Говорятъ, что иной разъ кто-то поименно всѣхъ коровъ зоветъ въ лѣсъ. На этотъ зовъ коровы сильно рвутся. Значитъ, тутъ есть вѣдьма; нужно всѣми силами не пускать туда коровъ: иначе она ихъ испортитъ. Чтобы хотя сколько ни будь предохранить своихъ коровъ отъ такого зла, ихъ поятъ иногда росою, собранною въ огородѣ, или же прогоняютъ скотъ черезъ разложенный костеръ.

(Бобровскій.)

Еще сильнѣе боятся селяне, чтобы вѣдьма не забралась къ коровамъ въ хлѣвъ. Съ этою цѣлію они стараются какъ бы преградить ей всѣ пути къ своему жилью. На воротахъ кладутъ крапиву, чтобы вѣдьма обожглась; вбиваютъ косу, чтобы она отрѣзала себѣ хвость. Въ хлѣвахъ и сараяхъ затыкаютъ всѣ дыры, щели; подъ дверьми въ хлѣву вѣшаютъ свѣчу, которая была освящена на Срѣтеніе (въ Могил. Губ.) оставшуюся отъ Страстей, громницу; говорятъ, что вѣдьмы ея боятся, и хотя съ досады гры-

зутъ, но перегрызть не могутъ. На углахъ вѣшаютъ вѣнки изъ освященнаго зелья, вѣшаютъ ихъ такъ же на дверяхъ, кладутъ на крыши, на окна.... Щели и дыры затыкаютъ, по тому что думаютъ, будто вѣдьмы обращаются въ ящерицъ и лягушекъ и, такимъ образомъ, могутъ забраться въ сарай. На крестцѣ и лбу у коровъ намазываютъ дегтемъ крестъ. Истину существованія вѣдьмъ селяне подтверждаютъ мѣстнымъ преданіемъ.

Разсказываютъ, что одинъ воинъ сбился съ дороги. Блуждая нѣкоторое время, онъ попалъ наконецъ въ какую-то пустынную, одинокую избушку. Вошедши въ нее, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ бабъ, которыя стояли около печки и что-то готовили, но что именно, ему было не извѣстно. Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, онъ просилъ незнакомыхъ женщинъ пріютиться, позволить ему отдохнуть. Отвѣтъ былъ отрицательный. Заинтересовался онъ, почему бы бабы не позволили ему отдохнуть у нихъ. Онъ присталъ къ нимъ съ самою усильною просьбою, съ намѣреніемъ добиться своего, и потомъ досмотрѣть, чѣмъ онѣ занимаются. Но бабы-то собственно и опасались. Но видя рѣшительную неотвязчивость его, онѣ позволили ему переночевать у нихъ въ той мысли, что, уставши отъ пути, онъ сейчасъ же уснетъ и ночью не увидитъ. Не тутъ-то было. Онъ теперь весь обратился въ любопытство. Получивъ мѣсто на «покутьѣ,» онъ ни какъ не могъ вздремнуть, и ему въ высшей степени любопытно было знать, какъ это видимыя старухи заявляютъ въ своихъ движеніяхъ столько живости, рѣзвости, безъ устали вертятся около печки. Онъ рѣшился наблюдать, что будетъ. Бабы наконецъ сдѣлали свое дѣло. Приготовленное онѣ поставили въ полуразбитомъ горшкѣ въ трубу, а сами сѣли ужинать. Окончивъ ужинъ, каждая изъ бабъ подходила къ поставленному въ трубу горшку, нюхала что-то оттуда, и въ сію же минуту исчезала въ трубу, улетала. Любопытство воина возрастало; онъ сталъ уже думать, что попалъ къ нечистому въ гости. Когда въ избушкѣ не стало уже ни одной бабы, всѣ улетѣли, онъ рѣшился посмотрѣть, что это онѣ нюхали; потомъ всталъ, подошелъ къ трубѣ, нагнулся къ полуразбитому горшку, и лишь только втянулъ оттуда маленькую струю воздуха, какъ и его схватила невидимая сила, унесла въ трубу, а потомъ въ воздушное пространство. Онъ не терялъ, однако, присутствія духа, и каково было его изумленіе, когда, послѣ нѣкотораго времени, онъ очутился на горѣ, которую, какъ услышалъ онъ тутъ, называли Лысою, среди многочи-

сленнаго собранія вѣдьмъ, между которыми, къ немалому своему удивленію, онъ нашелъ и недавнихъ своихъ знакомыхъ бабъ! Разсердились страшно вѣдьмы, когда увидали среди себя посторонняго человѣка, и хотѣли разорвать его на части. Воина нашего защитили только его знакомицы. Онѣ поспѣшили скорѣй отправить его отсюда: дали ему бѣлую лошадь, чтобы онъ скорѣе отправился во своя си, съ условіемъ, впрочемъ, не осматриваться во время своего поѣзда и не слазить съ лошади. Онъ видѣлъ, что шутить тутъ нельзя, выполнилъ условіе, и благополучно прибылъ домой. Тутъ онъ слѣзъ съ лошади и наскоро привязалъ ее къ забору, а самъ поспѣшилъ въ комнату посмотрѣть, что дѣлается тамъ. Вышедши потомъ на дворъ, съ намѣреніемъ поставить лошадь въ сарай, онъ, вмѣсто лошади, нашелъ привязанное къ забору березовое бревно.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ день Іоанна Предтечи селяне приказываютъ пастухамъ, чтобы на этотъ разъ они не перегоняли своего скота «черезъ границу», то есть, черезъ ту межу, которая отдѣляетъ поля одной деревни отъ другой: тамъ, говорятъ, собираются вѣдьмы, обращаются въ лягушекъ и, подползши подъ коровъ, «отбираютъ молоко.» Однажды, передаютъ по этому случаю, уговорились нѣсколько мальчиковъ и, не послушавши своихъ хозяевъ, погнали скотъ въ запрещенное мѣсто, «за границу.» Одинъ мальчикъ, наблюдая за скотомъ, замѣтилъ, что между коровами ползаетъ огромная лягушка. Онъ понялъ, что это вѣдьма, взялъ палку, заострилъ ее на подобіе долота и, приблизившись къ лягушкѣ, сказалъ: «Ахъ ты вѣдьма, ты пришла за молокомъ къ моимъ коровамъ, сейчасъ же я тебя угощу!» Онъ прицѣлился и такъ ловко ударилъ по лягушкѣ, что палкою отсѣкъ ей переднюю ногу. Раненая лягушка запищала и поползла безъ ноги. Мальчикъ разсказалъ объ этой исторіи своимъ сверстникамъ; они посмѣялись, пошутили; дѣло тѣмъ, по видимому, и кончилось. Но когда этотъ мальчикъ воротился вечеромъ со скотомъ домой, то тутъ ему сказали, что недавно кто-то его крестной матери отрубилъ руку. Вспомнился мальчику настоящій случай, и онъ не медля поспѣшилъ посѣтить крестную свою. Не успѣлъ онъ вступить въ хату, какъ старуха, собравши послѣднія свои силы, схватила кочергу и единственною рукою шарахъ малаго по головѣ: «Ахъ ты, шалунъ,

ослушникъ, сказала она; ты пришелъ еще сюда издѣваться надо мной! Изъ за тебя я отхожу на тотъ свѣтъ!» Присутствующіе были изумлены подобнымъ зрѣлищемъ, и просили мальчика объяснить имъ причину такого пріема его крестною матерью. Мальчикъ, конечно, разсказалъ о случившемся въ полѣ съ видимой лягушкой. Домашніе узнали, что была у нихъ за старуха. Скоро старуха скончалась, а преданіе о ней, прибавляютъ мѣстные селяне, сохраняется у насъ до сихъ поръ.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Скотъ въ этотъ день возвращается съ пашней, увѣнчанный цвѣтами, которые остаются на немъ въ продолженіе всей ночи. На другой день вѣнки изъ этихъ цвѣтовъ освящаются въ церкви и сохраняются у хозяевъ, какъ предохранительное средство противъ болѣзней скота. Лошадей въ ночь передъ «Иваномъ» не пускаютъ на ночлегъ. Думаютъ, что тогда злые духи имѣютъ особенно много хлопотъ и дѣлъ, и рады бываютъ, когда попадется хорошій рысакъ, чтобы, при его содѣйствіи, скорѣе исполнить свое дѣло.

Сохраняется также преданіе, какимъ способомъ можно поймать вѣдьму. Наканунѣ Иванова дня нужно взять, говорятъ, «цедилку» (тряпку, черезъ которую процѣживаютъ молоко) и варить ее въ кипяткѣ. Для этого въ одинъ домъ собираются иногда парни и дѣвки и не спятъ всю ночь, а все варятъ «цедилку.» Въ послѣднюю втыкаютъ нѣсколько булавокъ. Во время варенія дрова употребляются не иныя, какъ осиновыя; кромѣ дровъ должна еще постоянно горѣть и лоза, освященная въ Вербное Воскресенье. Варятъ такимъ образомъ «цедилку» до самаго разсвѣта. При этомъ постоянно высматриваютъ въ окно, не идетъ ли вѣдьма; ибо, говорятъ, она непремѣнно должна явиться передъ разсвѣтомъ въ тотъ домъ, гдѣ варятъ «цедилку.» Селяне думаютъ, какъ мы уже отчасти видѣли, что вѣдьмы превращаются въ змѣй, лягушекъ и другихъ животныхъ, значитъ—вѣдьма и въ настоящемъ случаѣ можетъ явиться въ образѣ какого ни будь животнаго. Случается, что дѣйствительно на дворъ вбѣжитъ, откуда ни будь собака, кошка и т. под. При мысли о вѣдьмахъ, молодые парни и дѣвки принимаютъ животное за вѣдьму, и съ крикомъ: «Вѣдьма пришла, вѣдьма пришла!» ловятъ неповинную жертву, подвергаютъ ее страшнымъ побоямъ, предаютъ даже нерѣдко

смерти, въ той мысли, что это вѣдьма; и идетъ потомъ молва, что тамъ-то и тамъ убили вѣдьму, и суевѣрія еще болѣе овладѣваютъ невѣдущими.

(Тамъ же.)

Указываютъ еще и на слѣдующій способъ поимки вѣдьмы. Во время заговѣнъ передъ Великимъ Постомъ, послѣ ужина, нужно взять кусочекъ сыру и, ложась спать, вложить этотъ сыръ себѣ въ ротъ. Когда сыръ переночуетъ, такъ сказать, во рту, на слѣдующій день зашить его въ рубашку. Зашитый сыръ въ продолженіе всего поста нужно постоянно носить при себѣ, и, что бы человѣкъ ни дѣлалъ, куда бы ни пошелъ, при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ бы про себя: «Имѣю сыръ.» Кто исполнитъ всѣ эти условія, тотъ на Страстной Седмицѣ, если придетъ въ Великую Субботу къ заутрени, увидитъ въ церкви вѣдьму, держащую на головѣ подойникъ. Разсказываютъ, что одинъ мальчикъ хотѣлъ непремѣнно испробовать вѣрность предлагаемаго способа. Онъ дѣйствительно выполнилъ всѣ требуемыя условія, и когда пришелъ въ церковь въ назначенное время, то увидѣлъ среди народа и вѣдьму съ подойникомъ на головѣ. Напрасно онъ показывалъ это своимъ товарищамъ: они смотрѣли, и ничего не видѣли. Тогда онъ подошелъ къ вѣдьмѣ и спросилъ: «За чѣмъ ты держишь на головѣ подойникъ?»—«А развѣ ты видишь?»—«Вижу.»—«Чтобъ ты не увидѣлъ свѣта!» Только что вѣдьма успѣла выговорить эти слова, какъ мальчикъ потерялъ зрѣніе. Дали знать Священнику. Мальчикъ разсказалъ всю случившуюся съ нимъ исторію и, по молитвѣ Священника, получилъ исцѣленіе. Женщины вѣдьмы онъ болѣе уже не видѣлъ.

Вечеромъ на Купалу сельскіе парни и дѣвки устрояютъ разнаго рода игры. Избравши предварительно мѣсто, по общему согласію, они, позднимъ вечеромъ, выходятъ изъ деревни, съ пѣніемъ различныхъ пѣсенъ:

Ой молодая молодице,
Ой выйди, выйди, на улицу,
Ой разведи намъ купальницю!—
«Ой якъ я могу выходити,
Вамъ купальницю розводити:
Въ мене свекорко не батенько,

Въ мене свекровця не матенька,
Въ мене дѣверы не братики,
Въ мене золовоньки не сеструньки,
Въ мене дѣтя маленькое:
Що дѣтя писне,
То кулакомъ стисне;
Що дѣтя квякне,
То кулакомъ грякне;
Ни кому стати,
Его поколихати.

Или:

А съ того гаю зеленого,
Ажъ выбѣгае три коничкн;
На перудъ бѣжить вороненькій,
По середынѣ бѣжить былюсенькій;
На заду бѣжить сывусенькій,
Що вороненькій, то Лукашко,
Що бѣлюсенькій, то Игнашко,
Що сывусенькій, то Ивашко.
Ой захвалявся Лукашко свого:
«Я свого возьму, на жниву поведу,
Ой нажну, нажну, сто купъ жита.»
Ой захвалявся Игнашко свого:
«Я свого возьму, на сѣно поведу,
Нагребу сто копыць сѣна.»
Захвалявся Иванко свого:
«Я свого возьму, до корчмы поведу,
Напью, напью, сто гарцй горѣлки.»
Ой пили, пили, перепилися,
Пришли до дому, та й побилися.
Десь мое горе кропиву поле,
Рукы напекло, до дому утекло,
На дубъ излѣзло, кору изгрызло,
Зъ дуба упало, землю драло.

Или:

Ишли дѣвоньки черезъ буръ,
На нихъ суконьки въ девять пуль:
Стали суконьки шастити,
Стала дуброва горѣти.

Стали дѣвоньки гасити,
Вѣнками воду носити.
Якъ въ вѣночку роса есть,
Такъ въ дѣвоньки правда есть.

Или:

Сегодня Купалья, завтра Янъ,
Прійде, дѣвочки, счастя вамъ.*

Идучи по дорогѣ, парни и дѣвки набираютъ по немногу дровъ, зажигаютъ съ одного конца длинныя палки, и съ ними иногда проходятъ черезъ всю деревню. Пришедши въ назначенное мѣсто, молодежь «кладетъ купалу,» большой костеръ изъ дровъ и начинаютъ тутъ разнаго рода кувырканья, игры, пляски, пѣсни:

Сегодня у насъ Купала... то, то, то!
Самъ Богъ огонь розклавъ,
Усѣхъ Святыхъ къ собѣ зазвавъ,
Только нѣту Ильли съ Петромъ,
Пошовъ Илья коло жита....

Или:

Купальной ночи,
Выпекли вѣдзьмы очи,
Кабъ въ ночи ня хадзила,
Кабъ росы ня збярала,
Кабъ въ печи ня сушила,
Кабъ въ жорнахъ ня малола,
Кабъ каши ня варила,
Кабъ дзѣцей ня кярмила,
Кабъ вѣдзьмятъ ня пладзила!

Или:

Звала Купала Илью на игрища, то, то, то!
«Хадзи, Ильища, ка мнѣ на игрища! то, то, то!
«Ня маю часу, я Купальничко, то, то, то!
Гету ночку мнѣ ня спаци, то, то, то!

---

* По другимъ «лихо» вмѣсто «счастя.»

Нада жита усяго польноваци, то, то, то!
Кабъ змія салому ня ламала то, то, то!
У жицѣ кареньевъ ня капала то, то, то!
У каровъ малака ня адбирала то, то, то!
Адбяри, Боже, таму ручки и ножки, то, то, то!
Выдзяри сава са лба вочки то, то, то!
Кабъ ня видзѣвъ, ня чарававъ, то, то, то!
Кабъ ня хадзивъ, а прапавъ, то, то, то!

(Дисн. Уѣзда Вилен. Губ.)

Зашелестить что ни будь вдали, веселая толпа сразу затихаетъ, все обращается въ слухъ; но сейчасъ же минутное молчаніе прерывается еще болѣе громкими криками: «**Вѣдьма идетъ, вѣдьма идетъ!**» Раздаются веселые крики и хохотъ: начинается прыганье черезъ огонь, чтобы однимъ скорѣе жениться, другимъ выйти замужъ, а тамъ и снова полились пѣсни:

Ой сяе намъ, сяе три мѣсяцѝ въ небѣ,
Калино, малино, чѐрвоная рожа!
Три мѣсяцѝ въ небѣ, три молодцѝ въ селѣ
Калино, и проч. *
Першій молодець—молодый Игнатко,
Другій молодець—молодый Романко,
А третій молодець—молодый Иванко.
Ой сяе намъ, сяе, три зороньки въ небѣ,
Три зороньки въ небѣ, три дѣвоньки въ селѣ:
Першая дѣвонька—молода Ганночка,
Друга дѣвонька—молода Варварка,
А третяя дѣвонька—молода Марынка.
Ой зухвалявся Игнатко свею:
«Добра у мене дѣвка, молода Ганночка,
Дала мнѣ хустоньку зъ бѣлого лёнку,
Вся шовкомъ шита, зъ ружи въ вѣнокъ звита.»
Ой зухвалявся Романко свею:
«Добра у мене дѣвка—молода Варварка,
Дала мнѣ хустоньку зъ жовтого лёнку,

---

* Повторяется за каждымъ стихомъ.

Вся шолкомъ шита, зъ руты въ вѣнокъ звита.»
Ой зухвалявся Иванко свею:
«Добра у мене дѣвка,—молода Марынка,
Дала мнѣ хустоньку зъ сывого лёнку,
Вся виломъ шита, зъ шанды въ вѣнокъ звита.»

Или:

Чіе то стадечко выходило за село, рано, рано?
Подбурске стадечко за село выходило, рано, рано;
Подбурщанка мала стадечко заимала, рано, рано;
Стадечко заимала, жалосно плакала, рано, рано,
Чѣмъ воно попутане, чѣмъ воно поузнане, рано, рано?
Товстымъ валомъ поузнане, рано, рано;
Грубымъ лыкомъ попутане, рано, рано.
Дѣвонька жалосно плакала въ чужого батенька, рано, рано,
Бо чужый батенько положить пузненько, рано, рано,
А пробудить раненько, рано, рано,
До цяжкого дѣлечка, до сырой пшеници, рано, рано;
Мелю я пшеницю, по зерняшку кидаю, рано, рано,
По зерняшку кидаю, по слезоньцѣ роняю, рано, рано.
Чіе то стадечко выходило за село, рано, рано?
Бурмыцке стадечко за село выходило, рано, рано;
Чѣмъ воно попутане, чѣмъ поузнане, рано, рано?
Золотомъ поузнане, рано, рано,
Бѣлымъ шовкомъ попутане, рано, рано;
Бурмыцянка мала стадечко заимала, рано, рано;
Спѣвала хорошенько въ своёго батенька, рано, рано;
Бо свуй батенько положить раненько, рано, рано,
А пробудить пузненько, рано, рано,
До легкого дѣлечка, до бѣлого кужелю, рано, рано,
До русой косоньки, рано, рано;
Пряду я кужель, рано, рано,
По волосочку смыкаю, рано, рано.
Хорошенько спѣваю, рано, рано.

Или:

Положу я кладку вербову:
«Часъ вамъ, дѣвоньки до дому!
А ты, Татянка, тутъ зостань,
Прійде Оксынько, ручку дай!

Привезе вѣночекъ зъ кадыла,
Щобъ есь здорова сходила.
Се сама не сходишь, дружкамъ дай,
Сама молодая чепця дбай!» —
«Ой уже жь я задбала,
Вѣнець въ чорну скрыню сховала!»

(Верховичи, Гродн. Губ.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на возвратномъ пути дѣвушки обходятъ свои засѣянныя поля и по угламъ ихъ втыкаютъ по одной хворостинкѣ. Думаютъ этимъ заградить вѣдьмѣ доступъ на ниву, и такимъ образомъ охраняются посѣвы отъ того вреда, который бы она могла сдѣлать. Или же по угламъ нивы вбиваютъ осиновые колья: въ этомъ видятъ предохранительное средство отъ града. Иногда кропятъ еще свои посѣвы освященною Богоявленскою водою. Считаютъ это предохранительнымъ средствомъ и противъ вѣдьмъ, и противъ разнаго рода насѣкомыхъ.

(Городокъ, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ Минской Губерніи такъ еще проводятъ Купалу. Подъ вечеръ вся деревенская молодежь собирается на дворъ избраннаго всѣми на этотъ разъ распорядителя праздника, «урадника,» который начинаетъ заниматься приготовленіемъ. Велитъ всѣмъ сначала ити по деревнѣ собирать всякую всячину: старые сапоги, онучи, старую ветхую одежду, разное тряпье, лубъ, кору сосновую, лапти и т. п. Когда соберутъ этого хламу огромную кучу, тогда берутъ лошадь у одного хозяина, колеса у другого, тяжи у третьяго, оглобли у четвертаго, шкворень у пятаго и т. д. Составивши полный уборъ для телѣги, «воза,» начинаютъ вывозить весь этотъ хламъ въ поле, куда назначено, и сбрасываютъ все это въ одну кучу. Сваживанье это происходитъ иногда и днемъ до сумерекъ. Но вечеромъ уже вся молодежь, «хлопцы и дѣвки,» отправляются на то мѣсто, сзывая подъ окнами еще большую компанію. Дорогою къ мѣсту игрища рвутъ траву полынь горькій, подпоясываются всѣ рѣшительно и, взявшись за руки, поютъ пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

На Святаго Яна
Дзѣвачки зелье капали:
А што жь гето за зелье?
Чѣрвонае каренье,

Гето зельє купальноє,
Дзявоцкоє гулянье,
Дзядзюково уздыханьє.
Ходзиць Янъ на вулицѣ, да й помалу,
Просиць дзѣвчатъ на Купалу:
«Сягодня Купала, завтра Янъ,
Завѣць іонъ, нашъ добрый Панъ.
Вы, дзѣвачки, щаслива доля,
Вы, дзѣвачки, свая воля,
Маладзицамъ нѣту воли,
Маладзицамъ нѣту доли, и т. д.
Досыць, досыць, нявѣстачки,
Красавацца вамъ на Яна!
«Ой, татулька! Я младая,
Пусци узвеличаць Яна!»
Няхай идуць всѣ дзѣвки,
Узвеличаць Святаго Яна!
«Ой татулька, и я пайду,
Може зёлку якую найду,
Дзѣця вазьму я на ручку,
И другого да й за ручку,
Ой принесу я да й буковку,
Святоянску першу зёлку,
Да й натаркну надъ сваимъ ларкамъ,
У сянёхъ и надъ вакошкамъ;
А надъ ложкамъ, надъ дзѣцяцѣ,
Буду доли его пильноваци!»
«Ой нявѣстка! усё няправда,
Ня хадзи, ня нада, ня нада!
Насъ слухайце, людяей старыхъ!»
«Ой, татулька, ня у насъ аднихъ,
Па усѣмъ свѣцѣ геты примѣты,
Ци хто женатый, ци бездзѣтный,
Ой на Яна зёлки збираєць,
Да церквы святой принашаєць,
Ой буровко ли удовковъ,
А стары дзѣдъ кировкавъ,
Якъ першій разъ у поле гонюць,
А ихъ вярбай паганяюць,
Святымъ зельёмъ падкураюць,

Божедревкай (Arthemisia abrotanum) да и мятой.
Пусцишь, татулька, няхай пайду,
Усякой зёлочки я найду,
Купальничка заспѣваю,
Святого Яна звеличаю.»
«Ой, нѣту, нѣту, Купалиша,
Да Янъ надъ нашаго Яначка:
Пяшкомъ на вулку ня выходзиць,
Іонъ на конику выѣжджаёць,
Сабѣ дзѣваньки выглядаёць,
Самъ же іонъ ѣдзиць на конику,
Дзѣваньку вязець на возику,
Самъ же іонъ ѣдзиць у атласѣ,
А дзѣваньку вязець у пакрасѣ,
Самъ же іонъ ѣдзиць, якъ жаръ гариць,
Дзѣваньку вязець, якъ цвѣтъ цвѣциць.»

Пришедши къ назначенному мѣсту, кучу эту поджигаютъ и растягиваютъ длинный огонь. Въ ненастное время устраиваютъ заблаговременно шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду вбиваютъ только нѣсколько зеленыхъ деревьевъ въ землю, какъ будто бы они здѣсь росли. Хозяйки приносятъ коекакія кушанья, а хозяева вино. Всѣ помѣщаются возлѣ огня. Закусивши немного, одни начинаютъ пѣть и плясать, другіе пьютъ и закусываютъ, третьи ищутъ папоротника, или денегъ. Когда костеръ ярко разгорится, тогда урядникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ дѣвушекъ, и разводитъ ихъ на обѣ стороны костра—хлопцевъ по одну сторону огня, дѣвушекъ по другую.

Ставши такимъ образомъ, одни противъ другихъ, начинаютъ скакать черезъ огонь. Сперва скачутъ дѣвушки, и которая не перескочитъ изъ нихъ, ее называютъ «вѣдьмою.» Послѣ дѣвушекъ начинаютъ скакать и хлопцы. При этомъ перескакиваніи дѣвушки поютъ припѣвъ:

«Теперь Купала, завтра Янъ,
...кидавъ хлопцовъ черезъ барканъ

А хлопцы поютъ:

Теперь Купала, завтра Янъ,
...кидавъ дѣвокъ черезъ барканъ.

Припѣвъ этотъ продолжается во все время, пока они скачутъ.

Между тѣмъ приходитъ на игрище самая старая старуха за огнемъ; ее караулятъ, чтобы она, взявши огонь, не могла уйти не пойманною. Какъ только она возьметъ огонь, ее начинаютъ гнать и хлыстать полынью, до тѣхъ поръ пока не скроется «вѣдьма» (какъ ее называютъ).

Прогнавши ее, молодежь опять начинаетъ гулять до поздней ночи.

(Сборн. пѣсенъ и сказокъ, Дмитріева, 223—227. Ср. Opis. powiatu Borys. 369—375.)

Во все это время, съ мѣсяца Апрѣля по Іюнь, селяне большею частію занимаются полевыми работами: готовятъ нивы подъ яровые посѣвы, садятъ и сѣютъ разнаго рода огородныя и другія растенія. Полотье ихъ отнимаетъ тоже немало времени.

Въ это время женщины поютъ:

Ой пойду же я, пойду, пшениченьки полоти,
Чи не вылетить ряба зозулька въ золотѣ.
За лѣсомъ, боромъ, круглеє поле,
А тамъ Касенька пшеницю поле,
Ой поле, поле, перебирає,
Перебуръ-зелье за плутъ кидає.
Ой кидай, кидай, нехъ вода несе,
Де мой Ясенько волики пасе!
Ой пасе, пасе, гореньками,
Не бачить воликôвъ за слезоньками.

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда.)

Съ конца Іюня начинается самая жаркая для селянъ пора Настаетъ время косьбы, а тамъ и жниво. «Съ Петрова дня въ полѣ пожня», зеленый покосъ. Небольшой у селянина лужокъ; но тѣмъ хуже, если и этого небольшаго количества сѣна ему не удастся собрать заблаговременно при благопріятныхъ условіяхъ. Покосъ долженъ быть непремѣнно покончен ко дню Пророка Иліи. «Придетъ Илья, наробитъ гнилья,» и что тогда будетъ дѣлать селянинъ съ своею «скотинкой», когда для нея онъ не приготовилъ на зиму надлежащаго запаса? Косьба по этому сильно занимаетъ думу селянина: онъ пользуется для нея каждой

удобной минутой, и тайно и явно заявляетъ одно пока желаніе далъ бы Богъ ведро, сухую погоду! Обыкновенная пѣсня «косцовъ» слѣдующая:

Косцы косять,
Бога просять:
«Дай, Боже, погодоньку
На нашу роботоньку,
Сѣно покосити,
До дому звозити!

(Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

«Погодонька»—необходимое условіе для косарей, по тому что «послѣ Петра сѣно, даже поднятое на кустъ, не сохнетъ, тогда какъ до Петра оно сохло и подъ кустомъ.» Радостно и усердно работаетъ въ это время селянинъ, не смотря на тяжелое для него время года въ матеріяльномъ отношеніи. У него вышли почти всѣ «запасы» стараго года, а новыхъ еще онъ не дождался При упорной работѣ онъ не рѣдко довольствуется какою ни будь травой «гардовицей,» и утѣшается только надеждой на будущее. Въ пѣснѣ поется:

Боже мой, да у въ агародзѣ гардавица,
Боже мой! *
Цяжка дзѣцюкамъ Петровица:
«Идзице, дзѣцятки, гарду рваци,
Лягчей будзе Петра ждаци!
Ждали Петра, ня прождали.
Боже мой, рѣчка, по рѣчкѣ челнокъ плыве,
Да у томъ челночку бѣлый малойчикъ,
Кудзерки чеше, перечешуе;
«Плывице, кудры, да маей милой,
Паслухайце, што мила гаворицъ,
Ци вспаминае, ци праклинае:
«Ой милый мой, глумился мной:
Сѣялъ палынь на моемъ сердцѣ,
Да клалъ агня на маихъ плечахъ,
Рабилъ скрыпки зъ маихъ ручекъ,
Увязывалъ каня да маихъ косокъ ,

---

* Эти слова повторяются въ началѣ каждаго стиха.

Пущалъ рѣчки зъ маихъ очокъ.»—
«Милая мая! Няправда твая:
Я сѣялъ палынь у чистомъ полѣ,
Я клалъ огня у щирômъ борѣ,
Увязывалъ каня у бѣлой березѣ,
Я пущалъ рѣчки криничныя,
Я рабилъ скрыпки зъ бѣлой липки.»

(Вилен. Вѣстн. 1869 г. № 19.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гроднен. Губ. есть слѣдующее обыкновеніе. Когда на лугъ является хозяинъ, который нанялъ косарей, его связываютъ веревкой, свитой изъ сѣна. Изъ этого почетнаго плѣна онъ долженъ выкупиться нѣсколькими копѣйками. Косари при этомъ поютъ:

Охъ, славенъ, славенъ, нашъ господарь!
Охъ чѣмъ же онъ ославился?
Чи своимъ гумномъ, чи своимъ добромъ,
Чи своей жоной, чи своими дѣтками?—
Не ославился онъ ничѣмъ, только гумномъ.»

Покосъ долженъ быть покончен къ Ильину дню. Съ этого времени для косьбы можетъ быть очень неблагопріятная пора, мокрая. «Да Ильли ксёндзъ просиць а дощь, а па Ильли и баба фартухомъ нагониць.»—«Илья наробиць гнилья.»—«Да Ильли, говоритъ еще поговорка, «хоць аднимъ зубамъ (бороны) падзяри!» (паровое поле). Но, съ другой стороны, «Илья» не можетъ быть не желателенъ для селянина. Около этого времени онъ большею частію можетъ вкусить уже отъ новыхъ плодовъ. Есть поговорка: «На Илью въ мису каши налью;» по другимъ: «На Илью пе рапечку налью, а на Бориса уже хлѣба напарюся.» На Илью селянинъ расчитываетъ, какъ бы только наѣсться каши изъ свѣжаго зерна; Борисъ (24 Іюля) приноситъ уже полную зрѣлость его посѣвамъ, и онъ надѣется поѣсть въ плотную хлѣба (напароться), и этимъ вознаградить себя за долгія голодныя ожиданія во время весны.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. У.) существуетъ такая поговорка: «На Ивана колосокъ (8-го Мая), а на Петра (29 Іюня) пирожокъ», т. е., около 8 Мая во ржи

появляются колосья, а около 29-го Іюня изъ свѣжей муки можно спечь уже пирогъ. Значитъ, какъ и дѣйствительно бываетъ, климатическія условія извѣстной мѣстности благопріятствуютъ гораздо скорѣйшему въ ней созрѣванію, нежели въ другихъ мѣстахъ. Но какъ бы то ни было, а не успѣлъ еще замолкнуть шумъ и звонъ отъ косъ при косьбѣ сѣна, жнеи спѣшатъ уже вторить ему своими серпами. «Живо, живо,» слышится со всѣхъ сторонъ, «бо подходитъ жниво!» Дѣйствительно, золотистыя нивы начинаютъ наклоняться до земли отъ полноты налившагося колоса; послѣдній «дремитъ,» какъ бы проситъ занести его въ стодолу, положить его въ сторону, по тому что на нивѣ пробилъ его часъ, година, и ему въ сторонѣ «гостина.» Сначала идетъ одна жнея «открыть,» такъ сказать, работу. Боятся, чтобы кто не перешелъ дорогу. Если случится это, и во время жатвы работникъ обрѣжетъ себѣ руку, то это несчастіе прямо приписываютъ злонамѣренности перешедшаго дорогу. При открытіи жнива хозяйка несетъ кусокъ хлѣба, а невѣстка въ первый годъ своего замужества кусокъ холста, которымъ обвиваетъ первый сжатый снопъ, предназначенный для хозяина поля.

Въ первый разъ жнея большею частію жнетъ только такое количество ржи, чтобы былъ одинъ порядочный снопъ. Беретъ его и съ нимъ возвращается домой, ставитъ его въ почетномъ углу, и потомъ вечеромъ хозяинъ устрояетъ маленькое угощеніе, «зажинки.» Послѣ «зажинокъ» все семейство уже, кто только можетъ, выходитъ въ поле работать.

(Цырнимъ, Минск. Губ. Новгор. Уѣзда.)

Нѣкоторое время продолжаетъ кипѣть двойная работа: на лугахъ и поляхъ. Скоро зеленые, бархатные луга и золотистыя нивы принимаютъ видъ пустынный, осиротѣлый.

Опаснѣе всего для селянъ, когда на своихъ нивахъ они найдутъ гдѣ ни будь «закрутею» (десятка два колосьевъ, связанныхъ, «закрученныхъ,» и по тому изсохшихъ), или «обжатые» загоны. Несчастливъ тотъ хозяинъ, говоримъ словами одного селянина, у котораго найдется этотъ «закрутень;» самъ онъ не знаетъ, что ему дѣлать; бѣгаетъ отъ сосѣда къ сосѣду, тужитъ, горюетъ, и сквозь слезы проситъ указать ему такого человѣка, который избавилъ бы его отъ этого несчастія. Нужно замѣтить, что существованіе «закрутня» предвѣщаетъ тому хозяину, на нивѣ котораго

онъ найденъ, или смерть, или падежъ скота, или другую какую ни будь бѣду. Понятное дѣло, что при глубокомъ суевѣрномъ пониманіи вещей, есть о чемъ призадуматься. Нѣкоторые, какъ мы сами видѣли въ былое время, обращались къ Священнику, и просили его съ молитвою вырвать своими руками закрутень. Въ Уніятскихъ канонникахъ существуютъ даже на этотъ случай молитвы. Такое уничтоженіе закрутня какъ бы ограждало уже селянина отъ грозящихъ ему бѣдъ. Сами селяне никогда не осмѣлятся сжать его, или вырвать. Болѣе суевѣрные отправляются къ «знахарю.»

Получивъ отъ селянина возможно большую плату, «знахарь» является на предстоящій подвигъ. Большею частію онъ бываетъ страшный пройдоха, опытенъ въ своемъ ремеслѣ: онъ понимаетъ, что «закрутень»—вздоръ; что отсюда ни чего быть не можетъ для селянина, но, чтобы не лишиться извѣстной прибыльной статьи дохода, онъ, напротивъ, утверждаетъ еще селянъ въ суевѣрномъ взглядѣ на вещи. Прибывши къ «закрутню,» знахарь начинаетъ свистать, кричать, выкидываетъ разнаго рода штуки, дѣлаетъ непонятные прыжки, произноситъ безсвязныя слова: всѣмъ этимъ онъ какъ будто уничтожаетъ имѣвшія было явиться вредныя послѣдствія закрутня; потомъ онъ объявляетъ селянину, какія случились бы съ нимъ несчастія, если бы онъ не обратился къ нему за помощью; въ заключеніе знахарь беретъ осиновой колъ и имъ выриваетъ изъ земли закрутень, приговаривая слѣдующія слова: «Нехай такъ того чоловѣка, который зробивъ закрутень, роскидается господарка, якъ я роскидаю закрутень!» По окончаніи дѣла, селянинъ на радостяхъ угощаетъ знахаря, чѣмъ Богъ пошлетъ, конечно, всѣмъ лучшимъ, и проситъ его не отказать ему въ помощи и на будущее время. Знахарь пользуется слабостью селянина, начинаетъ заявлять ему свое о немъ «печалованіе,» говоритъ, что у него много есть враговъ среди сосѣдей, но ему нечего ихъ бояться, по тому что въ немъ онъ всегда найдетъ себѣ сильную, надежную, защиту. Разжалобленный селянинъ снова почтуетъ знахаря, и еще даетъ что ни будь «на дорогу.» Они разстаются видимыми, сердечными друзьями, а у бѣднаго селянина, глядь, на слѣдующій годъ слова является «закрутень,» единственно, быть можетъ, по проискамъ знахаря; и снова обращеніе къ знахарю, и снова ему почетъ, ласки, плата и угощеніе.

(Гордн. Губ. Кобр. и Брестск. Уѣздовъ.)

Относительно происхожденія «закрутня» слѣдующія мнѣнія, одни думають (Гродн. Губ.), что злые люди, недовольные кѣмъ ни будь изъ своихъ сосѣдей, идутъ на ихъ нивы и дѣлаютъ «закрутни» съ разнаго рода страшными проклятіями и недоброжелательствами своимъ недругамъ. Селяне вѣрятъ, что если не уничтожить закрутня указаннымъ образомъ, то положенныя, такъ сказать, на ниву заклинанія могутъ выполниться. Другое объясненіе происхожденія «закрутня» (Минск. Губ.) указываетъ на вѣдьмъ: онѣ яко бы въ Ивановъ день ходятъ по полю и «заламываютъ рожь на какое либо зло.» Выжавшій этотъ «зломокъ» подвергается болѣзни на цѣлое лѣто.

Другая бѣда селянину, по его мнѣнію, если у него найдутся «обжатые» загоны, т. е., если по концамъ загоновъ нѣсколько колосьевъ окажутся сжатыми. Въ объясненіе этого явленія селяне говорятъ, что злые люди, вѣдьмы, колдуны, во время «красованія ржи, ночью, съ серпомъ, отправляются голы на ниву, обходятъ ее кругомъ и съ каждаго загона сжинаютъ по нѣскольку колосьевъ. Сжатые колосья они кладутъ въ свои закромы. Отсюда, по мнѣнію селянъ, происходитъ слѣдущее явленіе. Когда хозяева, которыхъ нивы «обжаты,» станутъ свозить домой рожь, то и обжавшему невидимыя силы вносятъ въ закромы сотую часть зерна. По этому случаю разсказываютъ слѣдующее. Случилось, что заболѣлъ одинъ чрезвычайно богатый человѣкъ, такой, который свое богатство скопилъ тѣмъ, что занимался обжатіемъ нивъ во время красованія ржи. Болѣзнь его въ настоящемъ случаѣ какъ разъ приключилась въ ту пору, когда «красовалась» рожь, единственно пригодная пора для обжатія. Такъ какъ больной самъ ме могъ совершить теперь обычнаго своего дѣла; съ другой стороны между тѣмъ не хотѣлось увидѣть уменьшенія своихъ богатствъ, то онъ и выслалъ своего сына обжать нивы. Но сынъ не умѣлъ «знахарствовать,» и, не смотря на точныя указанія своего отца, не зная въ чемъ суть дѣла, вмѣсто нивъ, «обжалъ» кусты. Когда потомъ хозяева срубили эти кусты, то закромы обжавшаго, въ силу притяженія, наполнились листьями и вѣтвями, вмѣсто ожидаемыхъ сѣмянъ. Нѣкоторые думаютъ, что если во время «красованія» ржи освятить нивы Богоявленскою водой, то этимъ можно уничтожить силу и значеніе «обжатія» нивы.

(Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда.)

Если на поле придетъ хозяинъ въ то время, когда тамъ жнутъ, то жнеи, подобно косарямъ во время косьбы, связываютъ его перевязью изъ соломы. Чтобы освободиться отъ этого плѣна, или, какъ говорятъ, выкупиться, необходимо дать нѣсколько копѣекъ, на которыя дѣлается, большею частію, общая выпивка. «Жниво» сопровождается разнообразными пѣснями:

Ой на луцѣ, луцѣ,
Лука моя да й зеленая, *
Трава моя да й шовковая!
Тамъ дѣвчина траву жала,
Траву жала, въ фартухъ клала;
Мимо еи стеженька,
Туды ѣхавъ Козаченько:
«Ой Богъ помочь, дѣвонько!
Ой дѣвко, дѣвонько,
Дай мойму коню травы!» —
«Ой боюся ойца свого.» —
«Не бойся ойца свого,
Бойся мене молодого
И канчука тернового!»

Или:

Поскочу я въ городець, въ городець,
Выкопаю коренець, коренець;
Ще коренець не укипѣвъ, не укипѣвъ,
Вже молодець прилетѣвъ, прилетѣвъ:
«Лихо тебе принесло, принесло!» —
«Ни човничокъ, ни весло, ни весло,
Привезъ мене сивый конь, сивый конь,
До милои на подворъ, на подворъ.»

Или:

Плыве човничокъ по рѣчцѣ:
Плаче молодець по дѣвцѣ;
Выдеру личко съ кропивы,

---

* Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

И повѣшусь въ ботвинѣ:
«Постой, молодче, не вѣшайся,
Ѣдь на военку, потѣшься!»

Или:

Хмара иде, друбный дождикъ буде,
А я, молоденька, сама одиненька,
За рѣченкою пшенку жну.
Иде батько, иде батько,
Снопа не звяже, жменьки не здыме,
Мене, молодои, не пудажне;
Иде милый, иде милый:
Снопокъ мнѣ звяже и жменьку здыме,
Мене, молодую, пудажне.»

(Нарва, Гродн. Губ. Бѣлск. Уѣзда.)

Или:

Жнися, загоне, жнися,
На мене не дивися!
У мене загунъ широкій,
Оравъ ратай безбокій.
«Або жь мене подождите,
Або дайте Антона,
Подогнати загона;
Або жь дайте мнѣ Гриця,
Гриць на мене подивицьця!»

(Сборн. пам. нар. творч. въ СЗ. краѣ, CLVI.)

Окончаніе жнива «дожинки», какъ и его начало, «зажинки», составляетъ праздникъ въ быту селянина. Въ пѣснѣ, какъ бы отъ лица жней, поется:

Дожали жита, дожнемъ пшеницû,
Тогда мы прійдемъ горѣлки пици.

(Тамъ же.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда жнутъ уже послѣднюю гряду (а напослѣдокъ оставляютъ гряду самой лучшей ржи) и остается

еще только разъ послѣдній и единственный занять серпомъ, оставшуюся рожь не сжинаютъ, а притаптываютъ съ пѣніемъ слѣдующихъ словъ:

Ой вылень, перепѣлко,
Бо уже у насъ жита тôлько!
Якъ не будешь вылетати,
Будемъ въ полѣ зимовати.

Притоптанное количество ржи прижимаютъ камнями и кладутъ туда маленькій кусочекъ хлѣба. Нѣсколько ржи съ кусочкомъ въ серединѣ хлѣба оставляютъ для мышей, надѣясь этимъ удержать ихъ отъ перехода въ поля, въ сараи.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брест. Уѣзда.)

Изъ нажатой ржи дѣлаютъ вѣнокъ. При этомъ, въ Борисовскомъ Уѣздѣ (Минск. Губ.) поютъ:

Канець нивцѣ, канець,
Упляцемъ пану вянець;
Да ужо жниво у канца,
«Нуце, дзѣвачки, да вѣнца!»

Сплетенный вѣнокъ кладутъ на голову одной изъ лучшихъ жней и съ пѣснями отправляются домой. По дорогѣ поютъ:

Дяковала жнивонька
Господу Богу Святому,
И ёгомосци своёму
Що вунъ мене у пору зобравъ.
«Нехай я у сторонѣ погощу,
Покы на ниву опять пойду!
То мнѣ у стодолѣ гостина,
А на нивѣ година.»

Или:

Ой котився вѣночокъ
Зъ широкеи нивы,
Зъ женцями молодыми
Подкотывся подъ ворота:
«Выйди, пане, за ворота!

Выкупъ вѣнка зъ золота!
Не зъ золота вѣнокъ витый,
Да й зъ густого жита,
Да й зъ колосистого,
А ще зъ ядренистого!»

Или:

Котився вѣночокъ по полю,
Просився женчикувъ до дому:
«Идѣте, женчики, до дому,
Занесѣте мене въ стодолу,
Положите мене въ сторону,
Ой то я пойду на ниву,
Ой а мнѣ на нивѣ годына,
Ой а мнѣ въ сторонѣ гостина!» —
«Отчиняй намъ, пане, ворота:
Несемо вѣночокъ зъ золота,
Ой не зъ золота, съ кропивы,
Бо ще мы горлѣки не пили!»

(Сборн. пам. народн. творч. въ СЗ. краѣ, CLIV, CLVII, CCV.)

Дѣйствительно, въ домѣ хозяина къ этому времени приготовлено бываетъ возможное угощеніе. Онъ выходитъ на встрѣчу жнеямъ, принимаетъ отъ нихъ поздравленія, вѣнокъ, и проситъ отвѣдать, что Богъ послалъ. Подающая вѣнокъ примѣрно говоритъ слѣдующее: «Принясли пану вянокъ зъ широкаго поля, зъ ядранаго жита. Нашъ панъ маладый, конь вараный, сядло золотомъ вышито, брильянтами выбито. Нашъ панъ на коню войска куець, свайго рыцерства даказуець, гавари да служки: «Улаживъ бы я саболи, але конь сваволи, няйдзе, лукавя, мнѣ саболи бракуя.» Панъ свайго рыцерства ня страциць, намъ за вянокъ заплациць, хоць червоный злотый, для нашей ахоты, жита уражай, а пану на довгій вѣкъ; пану вянокъ, а намъ гарѣлки збанокъ!»

(Opis. pow. Borys. 398.)

На домашній праздникъ хозяинъ призываетъ всѣхъ, кто сколько ни будь помогалъ ему въ работѣ.

Когда начинаютъ свозить хлѣбъ, то первый возъ везутъ въ

гумно черезъ скатерть, разложенную у дверей и сохраняемую со Святой. На скатерти кладутъ еще кусокъ Антипасхи.

(Бобровскій.)

Кончилась жатва: селянину хозяину легче на душѣ, если Богъ послалъ ему урожай. «Потрудившись до поту, онъ теперь можетъ наѣсться въ охвоту,» вознаградить какъ бы себя за предыдущія труды и лишенія. Но этимъ не ограничивается кругъ работъ селянина: послѣднія нескончаемы, и не успѣетъ онъ покончить одной, какъ къ нему напрашивается уже нѣсколько новыхъ. Приготовленіе пашни подъ яровой хлѣбъ, сѣвба и садка огородныхъ овощей, какъ бы жатва, а тутъ опять нужно готовить ниву подъ «озимину,» молотить, сѣять и т. д. Скажемъ пока нѣсколько словъ о праздникахъ во время косьбы и жатвы, которые въ быту селянъ имѣютъ въ какомъ ни будь отношеніи особенное значеніе.

Праздникъ Петра и Павла, по народному «Пятро,» съ нетерпѣніемъ ожидается селянами, особенно «пастухами.» Расчетъ у послѣднихъ чисто матеріяльный: имъ надоѣлъ Петровъ постъ, и съ днемъ Петра и Павла они надѣются отвѣдать сыра, молока и, главное, любимой ими «яичницы.» Еще на канунѣ праздника пастухи условливаются пораньше выгнать въ поле скотъ чтобы пораньше и воротиться, и потомъ на свободѣ заняться устройствомъ и приготовленіемъ собственной стряпни. Пригнавши съ поля скотъ, пастухи къ каждому хозяину, скотъ котораго гоняютъ въ поле, заходятъ подъ окошко и заявляютъ о себѣ слѣдующею рѣчью;

Прислав Богъ по пирогъ,
Старшій пастухъ по яешеньку;
Волики бушевали,
По мучицу присылали;
Коровки рыкали,
По маслечко присылали;
Свинки скрѣготали,
По сланинку присылали;
Курочки кричали,
По ячки присылали.

Всякій хозяинъ даетъ пастухамъ два, три, яйца, кусокъ сала, немного масла; изъ этого матеріяла они устрояютъ потомъ для

себя угощеніе, съ пѣснями, пляской. Одно или два яичка оставляютъ и отдаютъ нищему, прося его молиться Богу за ихъ стадо, объ его цѣлости, сохранности (Бѣлица, Вилен. Губ. Лидск. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ необходимымъ дать пастуху сыръ; его носятъ и въ церковь для освященія.

(Чересы, Вилен. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Мы говорили уже, что праздникъ Петра и Павла тѣсно связанъ со временемъ косьбы и жатвы. «Ладь косы и серпы къ Петрову дню!» говоритъ поговорка. «Съ Петрова дня въ полѣ пожня,» зеленый покосъ. «Святый Пятро въ жицѣ ядро.» Съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ праздникъ, по народному воззрѣнію, очень тѣсно связывается съ днемъ Св. Иліи. «Пришелъ Пятрокъ, опалъ листокъ; пришла Ильля, опало два.»—«Св. Пятро въ жицѣ ядро, а Св. Ильля Божія жнея.»—«Св. Пятро вколосився, а Св. Ильля жито жала.»—«Петръ съ колоскомъ, Ильля съ колобкомъ.» Въ пѣсни на Купалу поется: «Только нѣту Ильли съ Пятромъ. Пошовъ Ильля коло жита.»

Нужно замѣтить, что имя Иліи многими селянами почитается женскимъ, и получившихъ его при крещеніи селяне у себя дома называютъ «Галіашемъ.» Не смотря на то, что время отъ Петра до Иліи тяжелое, «страдное,» селяне боятся работать, и не работаютъ, въ эти праздники. Относительно празднованія Пророка Иліи селяне замѣчаютъ: кто не будетъ праздновать этого дня, того накажетъ Богъ—домъ его сожжетъ молнія. Однажды, передаетъ преданіе, какой-то шляхтичъ на Илью отправился косить. Завидѣвши его, Православные совѣтовали ему оставить свое намѣреніе, грозили гнѣвомъ и наказаніемъ Божіимъ. «За чѣмъ ты идешь косить: вѣдь сегодня праздникъ Иліи?» говорили Православные. «А вотъ я подрѣжу Ильлѣ пяты,» былъ отвѣтъ удальца. Онъ дѣйствительно отправился «подрѣзывать Ильѣ пяты.» Началъ работать: около полудня явилась небольшая тучка, раздался громъ, ударилъ въ домъ шляхтича, и бурнымъ пламенемъ было истреблено все его достояніе. Сохранилась только печальная извѣстность объ его неразумномъ удальствѣ.

Съ именемъ Пророка Иліи народъ тѣсно связываетъ одно изъ грозныхъ, величественныхъ, явленій въ природѣ—происхожденіе грома. Темно довольно сохраняется въ народѣ Библейское сказа-

ніе о томъ, что Св. Илія на огненной колесницѣ взятъ живой на небо. Вотъ, когда послышится громъ, народъ и говоритъ, что это Св. Илія ѣздитъ по небу и бьетъ злыхъ духовъ. Если громъ ударитъ въ сарай, или домъ, тамъ, значитъ, спрятался было дьяволъ; онъ думалъ, объясняютъ селяне, что изъ за дома Илія пощадитъ, пожалуй, и его, но Св. Пророкъ бьетъ его на каждомъ мѣстѣ. Приводятъ и разсказъ о преслѣдованіи дьявола Пр. Иліею. Одинъ Офицеръ яко бы любовался красивымъ видомъ какой-то рѣки. Вдругъ видитъ, на рѣкѣ появился дьяволъ въ видѣ женщины и сталъ на водѣ играть. Скоро ударилъ въ него громъ, но мало; только пронеслось эхо, а серебристыя брызги разлетѣлись во всѣ стороны. Дьяволъ продолжалъ играть. Понялъ Офицеръ, въ чемъ дѣло, зарядилъ ружье серебрянною пуговицей да и выстрѣлилъ. Ударъ былъ вѣрно разсчитанъ. Послышался, только женскій визгъ, дьявола, больше не было видно. Сверху, въ свою очередь, раздался голосъ яко бы Пр. Иліи, который словами: «Спасибо, награда тебѣ будетъ на небеси!» благодарилъ Офицера за оказанную въ настоящемъ случаѣ помощь.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Опасаясь, чтобы во время грозы дьяволъ не подбѣжалъ къ человѣку, и черезъ это не подвергъ его опасности, селянинъ, заслышавъ громъ, крестится: этимъ знаменіемъ онъ думаетъ прогнать отъ себя дьявола. Разсказываютъ, что дьяволъ спорилъ съ Св. Пророкомъ о возможности ему укрыться отъ преслѣдованій Святаго. «Гдѣ бы ты ни былъ (отвѣчалъ яко бы Илья), и какъ бы ты ни скрывался отъ меня, я тебя убью».—«Я скроюсь подъ человѣкомъ, котораго ты пожалѣешь убивать.»—«Я убью и человѣка, лишу его временной жизни, за то онъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную, а все таки тебя убью.» При такомъ понятіи о громѣ, самое несчастіе отъ громового удара селяне принимаютъ съ полною покорностію волѣ Божіей и, въ случаѣ пожара (бывали примѣры), не стараются противодѣйствовать ему. Если отъ удара зажигается домъ, то спѣшатъ оттуда вытащить койкакое достояніе, а все остальное спокойно оставляютъ въ добычу пламени. «Што Богъ запаливъ, таго ня можна тушиць.» Намъ передавали, что въ мѣстечкѣ Цырникѣ (Минск. Губ. Новогор. У.) отъ громового удара загорѣлся домъ одного Еврея. Сбѣжался народъ, коечто повытащилъ, остальное все спокойно обрекъ въ жертву пламени.

Еврей что ни кричалъ, просилъ спасать его домъ, а собравшійся народъ все одно твердилъ: «Што Богъ запаливъ, таго ня можна тушиць.» Пожаръ угрожалъ Народному Училищу и всему мѣстечку, и только внушенія мѣстнаго Священника убѣдили селянъ принять противъ него дѣйствительныя мѣры.

(Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Если бы во время грозы человѣку пришлось быть въ дорогѣ, онъ не долженъ поднимать высоко платья, хотя бы на дорогѣ было много воды и грязи. Разсказываютъ, что одна женщина отправилась на пастбище за гусями; случилось, что въ это время разыгралась маленькая гроза и пошелъ сильный дождь. Женщина поспѣшила поднять полы своей свитки и въ настоящемъ случаѣ употребить ихъ вмѣсто зонтика. Вдругъ яко бы съ неба послышался ей голосъ: «Не подымайся!» Женщина не обратила вниманія. Неизвѣстный голосъ послышался во второй и третій разъ. Женщина упорствовала. Тогда послышался полный голосъ: «Гибнешь,» съ тѣмъ вмѣстѣ ударилъ громъ, и женщины не стало. Опасно также, по мнѣнію народа, надѣвать во время грозы шляпу: поля ея служатъ удобнымъ пріютомъ для діявола и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ дьяволомъ, можетъ быть убитъ и человѣкъ.

Вотъ, на примѣръ, возвращаются съ поля старушки съ малыми ребятами. Ихъ застигаетъ дождь. Мальчикъ, не посвященный еще въ тайны сельскаго міровоззрѣнія, поднимаетъ полы своего кафтана, и начинаетъ закрываться отъ дождя. Што ты робишь, внучку?» говоритъ ему опытная уже старушка. «Не подымайся! а то бачишь, якъ гремитъ; христися, внучку, говори пацери: коли не вмѣешь самъ, говори за мной!» Во всю дорогу наши путешественники молятся. Пришедши домой, бабушка спѣшитъ отыскать скорѣе освященную въ недѣлю Ваій вербу, беретъ связку цвѣтовъ, которыя она освятила въ праздникъ Іоанна Предтечи, кладетъ все это на «припечекъ,» и поджигаетъ Срѣтенскою свѣчею. Нужно, чтобы все это только курилось, чтобы было по возможности болѣе дыму. Этотъ, какъ бы освященный, дымъ (отъ освященныхъ предметовъ) считается однимъ изъ лучшихъ средствъ для прогнанія дьявола и, такимъ образомъ, застраховываетъ уже самый домъ отъ громового удара. Если гроза продолжительна, то отъ куренія изба страшно наполняется дымомъ;

у присутствующихъ катятся изъ глазъ слезы, вся семья между тѣмъ продолжаетъ усердно молиться Богу.

(Тамъ же.)

Праздники Петра и Павла и Пр. Иліи указываютъ, по мнѣнію народа, какъ бы на окончаніе лѣта. «Спасъ» или Преображеніе Господне уже открываетъ собою осень и зиму: «Пришелъ Петрокъ, опалъ листокъ;» говоритъ мѣстная поговорка; «пришла Илья, опало два, а якъ прійде Спасъ (6 Авг.), то сброситъ и всѣхъ насъ.» Со дня Преображенія Господня деревья, по этому взгляду, теряютъ свою праздничную, лѣтнюю одежду, готовятся какъ бы къ летаргическому оцѣпененію во время зимы. Ко времени Преображенія Господня должны быть кончены всѣ главнѣйшія полевыя работы стараго года, нужно подумывать уже о новой сѣвбѣ. «Спасъ всему часъ.» Хозяинъ долженъ дать себѣ отчетъ по хозяйству за истекающій годъ, и на Спаса онъ смѣло уже можетъ вкусить отъ новыхъ плодовъ. Даже «бѣдный (по поговоркѣ), терпитъ только до Спаса.» Дѣйствительно, время «Спаса» признается селянами единственно законнымъ временемъ для того, чтобы начинать вкушать впервые отъ многихъ новыхъ плодовъ, временемъ, освящающимъ подобное начинаніе.

Прежде всего селяне боятся ѣсть плоды до «Спаса.» Полагаютъ, что вкусившій ихъ подвергается желудочнымъ болѣзнямъ, хотя бы ѣлъ и зрѣлые плоды. И на оборотъ, послѣ Спаса невредно ѣсть даже незрѣлые плоды (Докшицы, Минск. Губерн. Борис. Уѣзда). Другіе думаютъ, что во время Преображенія Господня Богъ раздаетъ плоды всѣмъ умершимъ, которые удостоились Царствія Небеснаго. Если мать умершаго дѣтяти ѣла плоды до Спаса, то ея дѣтяти Богъ не дастъ яблока, или груши, и отъ Бога она услышитъ такія слова: «Часть твою съѣла твоя мать.» На Спаса обыкновенно селяне приносятъ въ церковь плоды для освященія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь же впервые варятъ къ обѣду картофель, стручки бобу, или гороху. Ребятишкамъ позволяютъ пойти въ «стручки,» т. е., нарвать себѣ гороху, или бобу (Чересы, Дисн. Уѣзда Вил. Губ.). На Преображеніе иногда еще селяне приносятъ съ собою въ церковь для освященія сѣмена ржи для озимыхъ посѣвовъ; но большею частію это дѣлается на Успеніе.

Успеніе (15 Августа) извѣстно подъ именемъ «Зельной,» «Большой Пречистой» или «Госпожи,» въ отличіе отъ «Ма-

лой Пречистой» (8-го Сент.), или «Госпожки.» Въ это время хлѣба уже бываютъ сняты: если урожай удаченъ, то текущій годъ селянину не страшенъ, и праздникъ Успенія онъ можетъ отпраздновать въ радости и весельи, по тому что теперь хлѣба у него вдоволь. Поговорка гласитъ: «Госпожа—хлѣба дзѣжа.» Отправляясь въ церковь, селяне, въ благодарность Богу за посланный имъ даръ, несутъ для освященія по связкѣ колосьевъ всѣхъ хлѣбовъ; освятивши, они вымолачиваютъ ихъ, и сѣмена берегутъ до предстоящей сѣвбы (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Въ Докшицахъ (Минск. Губ. Борис. Уѣзда.) выбираютъ предварительно изъ всего количества ржи нѣсколько самыхъ лучшихъ сноповъ и околачиваютъ ихъ о борону, или о колеса: выпавшія зерна называются «посѣвочными,» а выколоченные снопы «околотомъ.» Въ послѣдствіи «околотъ» сушатъ въ овинахъ и вымолачиваютъ цѣпомъ. Изъ «околота» дѣлаютъ еще «сѣчку,» которая идетъ въ пищу лошадямъ вмѣсто овса. Приготовленныя сѣмена на Успеніе приносятъ въ церковь для освященія. Зерно бываетъ сложено въ платокъ и, при освященіи его, на поверхность кладутъ алтынъ. Освященныя сѣмена мѣшаютъ потомъ съ остальнымъ количествомъ ржи, предназначенной къ посѣву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ освящается на Успеніе въ церкви вѣнокъ, который приносятъ хозяину на «дожинкахъ.» Передъ началомъ посѣва этотъ вѣнокъ вымолачивается, и сѣмена его освященныя предназначаются къ посѣву.

(Каменецъ, Гродн. Губ. Бр. У.)

Въ праздникъ Успенія селянинъ уже думаетъ о будущемъ годѣ. Онъ готовится на новое дѣло, вступаетъ въ кругъ занятій новыхъ, сладостныхъ, большею частію, въ концѣ, но слишкомъ тревожныхъ въ началѣ. Послѣ Успенія селянинъ подумываетъ о посѣвѣ «озимины.» Рано, или поздно, въ извѣстномъ году нужно сѣять рожь, что узнаютъ по гречихѣ: если ранній посѣвъ гречихи былъ удаченъ, и рожь, значитъ, нужно сѣять пораньше; и на оборотъ: если «поздняя гречиха вышла удачнѣе ранней,» рожь въ такомъ слулаѣ выгоднѣе сѣять позже (Нарва, Гродн. Губ. Бѣл. Уѣзда). Приготовленіе пашни подъ «озимину» и «засѣвки» сопровождается такими же обыкновеніями, какія мы видѣли при началѣ яровыхъ посѣвовъ. Главная разница въ томъ, что теперь прежде всего сѣютъ сѣмена, освященныя въ день Успенія Пресв. Богородицы, если онѣ сохранялись отдѣльно, или то количество ржи,

съ которымъ онѣ были смѣшаны. Отправляясь въ первый разъ сѣять, хозяинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надѣваетъ «бѣлую» рубаху (Докшицы, Минск. Губ. Борис. Уѣзда). Бросая первую горсть сѣмянъ, говоритъ: «Щобъ Богъ зародивъ жито на другій рокъ хочь такое, якъ было теперя!» (Дрогичинъ, Гродн. Губ. Кобринск. Уѣзда). Иногда еще устилаютъ поле соломою, оставшеюся отъ тѣхъ сноповъ, зерна которыхъ пошли на первоначальный посѣвъ; этимъ выражаютъ желаніе, чтобы и будущая рожь также «устилала» поле. (Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда). Вечеромъ бываетъ угощеніе; требуется, какъ и выше было указано, возможная въ домѣ чистота, опрятность, въ угощеніи полнота, достатокъ, изобиліе: и на нивѣ, въ слѣдствіе этого, можно ожидать, возможной чистоты посѣвовъ отъ сорныхъ травъ, полноты и обилія колосьевъ. Женщины въ это время хлопочутъ, главнымъ образомъ, около уборки льну. Собираютъ также огородныя овощи, картофель.

Кончилъ селянинъ свои полевыя работы. Кончилось и лѣто, и на дворѣ уже время богатое, изобильное всякимъ «добромъ.» Не даромъ существуетъ поговорка: «Спасъ—будетъ хлѣба съ насъ!» или: «Госпожа—хлѣба дзѣжа.» Есть, правда, и другая поговорка: «Госпожка (8 Сент.)—хлѣба немножко» (Лебедево, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда), но, по объясненію самихъ же селянъ, эта поговорка имѣла смыслъ и значеніе до знаменитаго 19 Февраля, 1861 г. До этого времени селянинъ, собравши коечто съ поля, долженъ былъ отдать большую часть своего убогаго достатка помѣщику, у котораго онъ бралъ зерно для прокормленія своей семьи и для обсѣмененія полей, такъ что по возвратѣ съ процентами взятаго, у селянина до 8 Сент. дѣйствительно оставалось «хлѣба немножко.» Теперь другія времена. Осень приноситъ съ собою изобиліе во всемъ. Относительно работы миновала самая страдная пора. Есть теперь время селянину подумать нѣсколько о внутреннемъ домашнемъ быту, сосватать, если есть, своего сына, или дочь: по этому съ осени, обыкновенно, наступаетъ въ деревняхъ самая жаркая пора свадебъ: «Иванъ Богуславъ (26 Сент.) дѣвоснубы (по другимъ дружки) розославъ,» говоритъ поговорка. Съ другой стороны, если до Дмитріева дня (26 Окт.) дѣвка не засватана, то ей не остается уже надежды обвѣнчаться до поста, по тому что истекаетъ срокъ для записи оглашеній. Это подало поводъ сложить такого рода поговорку: «До Дмитра дѣвка хитра, а по Дмитрѣ хоть ею вытри!»

Если гдѣ не очень далеко ярмарка, селянинъ постарается непремѣнно побывать на ней. У него наступаютъ разнаго рода домашніе праздники (мы сейчасъ ихъ увидимъ); нужно, слѣдовательно, сдѣлать маленькіе запасы. Съ другой стороны, въ хозяйствѣ коечто оказывается лишнимъ: можно продать, или промѣнять на болѣе необходимое въ данную пору. Ярмарка въ этомъ отношеніи представляетъ очень много для него удобства.

До послѣдняго времени Православіе въ краѣ было подавлено разнаго рода вредными вліяніями, и по тому ярмарки главнымъ образомъ устроялись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывали костёлы. Всѣ онѣ носятъ одинаковый характеръ: мы опишемъ одну изъ нихъ въ мѣстечкѣ Міорахъ Вил. Губ. Дисн. Уѣзда, со словъ селянина. Изъ далекихъ мѣстностей селяне пріѣзжаютъ въ Міоры на канунѣ дня ярмарки (8 Сент.), болѣе ближніе въ самую ярмарку. На лугу, передъ селомъ, ставятъ повозки и лошадей. Ржаніе и топотъ лошадей, пѣніе нищихъ, говоръ, шумъ, все сливается въ одинъ базарный гулъ. Въ селѣ, на улицѣ, становятся, по одной сторонѣ, пріѣзжіе Старообрядцы съ яблоками, пряниками, булками; продаются здѣсь также крестики, иконы, въ прежнее время (недавнее время) виднѣлись разнообразныя Польскія книжки, «шкаплеры» и т. под. По другой сторонѣ села сидятъ нищіе, поютъ, большею частію, религіозныя пѣсни, «литаніи.» На паперти костёла толпятся богомольцы: одни изъ нихъ, особенно женщины шляхтянки, ползутъ на колѣняхъ вокругъ костёла, другіе спѣшатъ въ костёлъ послушать «органа;» здѣсь они покупаютъ разные члены человѣческаго тѣла, сдѣланные въ миніятюрѣ изъ воску: кто страдаетъ головною болью, покупаетъ голову, въ надеждѣ избавиться отъ болѣзни; больной глазами покупаетъ глазъ; дѣвушки покупаютъ восковыя пластинки съ изображеніемъ человѣка, чтобы быть стройными и красивыми; однимъ словомъ: «У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,» того и спрашиваетъ. Всѣ подобныя вещицы лежатъ первоначально передъ иконою Божіей Матери, откуда онѣ поступаютъ въ продажу. Изъ костёла отправляются къ своимъ повозкамъ обѣдать. Потомъ закупаютъ все необходимое и возвращаются домой; дѣтямъ привозятъ яблокъ, или «бубликовъ.» Относительно матеріялу, продаваемаго на ярмаркѣ, онъ измѣняется, съ одной стороны, по временамъ года, съ другой, въ слѣдствіе мѣстнаго богатства, или производства того, или другого, произведенія.

(Черессы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Собравши все съ поля, хозяинъ спѣшитъ принести благодареніе Богу, за его высокую помощь, о здравіи всѣхъ своихъ домашнихъ и сродниковъ, и, особенно, помянуть своихъ покойныхъ родичей, отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ. Каждый хозяинъ считаетъ это своею священною обязанностію. Не помолиться теперь объ умершихъ значитъ оскорбить ихъ, возстановить противъ себя. Отъ этого время осенняго поминовенія умершихъ, «осенины,» «осенніе, богатые дѣды,» составляетъ одинъ изъ величайшихъ праздниковъ въ сельской средѣ. Разсказываютъ, что одинъ селянинъ по бѣдности своей не захотѣлъ совершить «Дѣдовъ.» Когда пошелъ онъ спать, передъ нимъ такъ и стояли умершіе; всю ночь ему не было покоя; сама молитва въ настоящемъ случаѣ оставалась какъ бы бездѣйственна. Только послѣ того, какъ онъ, по мѣрѣ своего достатка, отпраздновалъ «Дѣды,» мертвые ему больше не грезились. Заключеніе, по селянской логикѣ, понятное. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). По такому взгляду селяне стараются ничего не жалѣть въ настоящемъ случаѣ. «Что мы будемъ жалѣть для своей души» говорятъ они? «Съ своей стороны мы должны сдѣлать все, чтобы только угодить умершимъ.»

«Осенніе дѣды» одинъ изъ болѣе торжественныхъ, распространенныхъ у селянъ праздниковъ. Чтобы была возможность всѣмъ въ приходѣ его отпраздновать, и при томъ болѣе, или менѣе, съ общца, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроенся такой порядокъ: селяне одной деревни ежегодно совершаютъ поминки въ одну и туже недѣлю, селяне другой деревни—въ другую. Одни изъ нихъ обыкновенно участвуютъ въ торжествѣ другихъ. Промежутокъ времени, въ которой совершатюся поминки, большею частію назначается между 1-мъ Октября. (Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда). «Богатые дѣды» отъ другихъ отличаются, главнымъ образомъ, богатствомъ кухни. Селянинъ теперь нерѣдко колетъ кабана, называемаго «дѣдовскимъ,» изъ ногъ его, на канунѣ торжества, варятъ студень, изъ части говядины дѣлаютъ колбасы, кровь кабана сливаютъ въ сосудъ и въ послѣдстіи употребляютъ къ блинамъ. Хозяйка, въ свою очередь, рѣжетъ гусь; при этомъ держитъ ее надъ сосудомъ такъ, чтобы туда сливалась кровь. Изъ этой крови варятъ «юшникъ,» «поливку,» (супъ). Готовятъ по обычаю, по возможности, большее количество кушаньевъ, при чемъ должна быть непремѣнно водка, требуется возможная чистота, соблюдаются разные обряды, какъ и при другихъ «дѣдахъ.» Въ настоящемъ случаѣ укажемъ только нѣкоторыя отъ нихъ отличія.

Такъ какъ осенью главное и почти исключительное занятіе хозяекъ пряжа, то на «Дѣды» хозяинъ крѣпко на крѣпко приказываетъ не браться за веретено, иначе «умершіе сдѣлаютъ такъ, что пряжа будетъ волочиться по всѣмъ горшкамъ.» Ставятъ къ огню не болѣе двѣнадцати горшковъ, и каждый съ особымъ кушаньемъ. Въ большинствѣ мѣстностей приготовляютъ обыкновенно нечетное число блюдъ. Замѣсивъ хлѣбъ и пироги, хозяйка кладетъ дрова въ печку, но сама не зажигаетъ ихъ: для этого она приглашаетъ какого ни будь мущину (изъ семьи); за то никому не позволительно теперь ставить въ печку горшки, распоряжаться ими: иначе умершіе разсердятся и могутъ задать горшкамъ страшную потасовку. (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). При подачѣ кушаньевъ за обѣдомъ, при столѣ соблюдаются уже извѣстныя намъ обрядности. Передъ обѣдомъ, если въ хатѣ есть умѣющій читать, беретъ книжку и читаетъ заупокойныя молитвы, присутствующіе слушаютъ его, или же въ голосъ повторяютъ за нимъ. Молитвы эти читаются всегда на колѣняхъ; въ нихъ учавствуютъ даже и малые ребятишки. Послѣ обѣда, по обычаю, часть всего оставляютъ «душамъ,» приговаривая: «Няхай гета будзецъ нашимъ старикамъ, каторые въ гетой хацѣ працовали!» Если хозяинъ бѣдный, а его предшественники жили достаточно, онъ прибавляетъ: «Жили дзѣды, не видзѣли бѣды, а унуки набралися муки».

(Чересы, Вил. Губ. Дисн. Уѣзда.)

Къ «Дѣдамъ,» кромѣ обыкновеннаго хлѣба, иногда пекутъ еще особую булку, «курецъ.» Этотъ «курецъ» отдаютъ нищему, который почти всегда является въ домъ послѣ обѣда. Когда онъ придетъ, его усаживаютъ за столъ, кладутъ передъ нимъ «курецъ,» насыпаютъ соли. Нищій между тѣмъ читаетъ молитвы. Возлѣ него садится хозяйка, иногда хозяинъ, и говоритъ ему поименно для поминовенія всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, также и хозяевъ, которые до нихъ жили въ этомъ мѣстѣ. Обыкновенная поминальная молитва нищаго слѣдующая: «Помяни, Боже, душечку N. N. (слѣдуетъ перечисленіе именъ) при мшахъ, при косцелахъ, при ютраняхъ, при нешпорахъ, при набоженствахъ, при оферяхъ, при цудовныхъ образахъ, да при ясныхъ свѣчахъ, при голосныхъ звонахъ; да завядза его (или ее) до неба виднаго, до раю покойнаго, до мѣста прохладнаго!» Нѣкоторые нищіе прямо говорятъ: «Вспоомни, Боже, душечку N. N. (перечисленіе именъ

въ Царствѣ Небесномъ!» Помянувши всѣхъ умершихъ, болѣе опытный нищій прибавляетъ: «Няхай яны на томъ свѣцѣ са всѣми Святыми спачиваюць, намъ пріяюць, и насъ довго къ сабѣ чекаюць!» «Курецъ, служить для него наградой.

(Еремичи, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.)

Праздникъ иногда не оканчивается однимъ днемъ. Одна уже необходимость истребить все заготовленное съѣстное заставляетъ продолжить его и на завтра. Уложившись въ первый день послѣ ужина спать, празднующіе на другой день встаютъ очень рано и завтракаютъ. Праздникъ продолжается снова цѣлый день, среди угощеній, игръ и разныхъ росказней.

Кромѣ «осеннихъ дѣдовъ,» когда совершаются «поминки» всѣхъ, когда бы то ни было умершихъ родныхъ, нѣкоторыя семейства празднуютъ еще, такъ называемыя, «покойныя, поминки,» когда поминаютъ умершихъ, только въ текущемъ году. Этотъ праздникъ обыкновенно совершаютъ вечеромъ въ пятницу. Очистивши отъ сора дворъ и комнату, приготовивши приличныя кушанья, хозяева съ нетерпѣніемъ ожидаютъ званыхъ гостей. Столъ застилаютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба и ставятъ соль въ деревянной чашечкѣ. Гости приносятъ съ собою хлѣбъ-соль, кладутъ его на столъ, здороваются съ хозяевами и начинаютъ, по замѣчанію одного селянина, грустно разговаривать съ ними, показывая видъ, что душевно грустятъ съ ними. Когда соберутся гости, открывается самый праздникъ. Передъ образами, въ углу зажигаютъ «громничную» свѣчу; на столъ хозяйка ставитъ «латушку капусты» и гостей приглашаютъ къ «большому хозяйскому, жалобному столу.» Вообще это поминовеніе далеко уступаетъ, «Дѣдамъ,» въ роскоши и разнообразіи стола; водка, впрочемъ, и здѣсь льется въ изобиліи. Гости, по приглашенію хозяевъ, становятся кругомъ стола, говорятъ молитвы: «Отче нашъ,...» «Богородице Дѣво радуйся... Вѣрую....» и въ заключеніе поютъ вѣчную память. Во время молитвы одинъ изъ стариковъ держитъ зажженную свѣчу близъ поставленнаго на столѣ блюда съ капустою. По окончаніи молитвы гости садятся каждый на свое мѣсто, а блюдо съ капустой снимаютъ со стола. Въ этомъ предварительномъ обрядѣ и состоитъ собственно «хозяйскій, жалобный столъ.» Теперь принимаются за водку. Первый стаканъ проливаютъ не много на столъ, полагая, что это дается покойнику. Вы-

пивая первую рюмку, каждый приговариваетъ: «Нехай дасть Богъ души небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Попойка продолжается нерѣдко всю ночь. На другой день, раннимъ утромъ (всѣ присутствующіе до этого времени не спятъ), хозяйка снова ставитъ на столъ латушку капусты, и снова начинаются такія же обрядности, какъ мы видѣли въ предыдущій день. Разница въ томъ, что теперь, по окончаніи молитвы, капусты со стола не снимаютъ; ее ѣдятъ присутствующіе; это составляетъ «жалобную вечерю.» По «вечери» говорятъ молитвы, чѣмъ и оканчивается «ночное сидѣніе.» Празднику, впрочемъ, еще не конецъ.

Когда появится день, нѣкоторые близкіе сосѣди расходятся до поры, до времени, по домамъ; другихъ хозяинъ назначаетъ для отдѣлки памятника по покойникѣ. Если хотятъ ставить памятникъ по покойникѣ мужчинѣ, то приготовляютъ крестъ; если по женщинѣ, то дѣлаютъ «кладку.» Крестъ ставятъ на кладбищѣ; «кладка» назначается обыкновенно для удобства пути на какое ни будь мокрое топкое мѣсто, по которому приходится ходить, или же ее перекидываютъ чрезъ ровъ, ручей, и тогда она служитъ своего рода мостикомъ. Крестъ приготовляютъ обыкновенно заблаговременно; «кладку» въ каждую данную минуту. Назначенные хозяиномъ люди, съ возомъ отправляются въ ближайшій лѣсъ, отыскиваютъ годную для кладки сосну со смолистою сердцевиною, срубаютъ ее, отдѣляютъ верхушку отъ остальнаго ствола, послѣдній очищаютъ отъ коры и одну изъ сторонъ его обтесываютъ во всю длину. Эта сторона извѣстна потомъ подъ названіемъ «плоскости.» Памятникъ для покойной женщины готовъ. Его взваливаютъ на возъ и везутъ въ назначенное мѣсто, кладутъ «плоскостью» вверхъ, обозначаютъ время смерти, вырѣзываютъ серпъ, или, если умершій былъ младенецъ, сапожки. Теперь всѣ, участвовавшіе въ отдѣлкѣ «кладки,» становятся на колѣни, читаютъ молитвы, потомъ садятся на памятникъ, пьютъ, закусываютъ, почтуютъ повстрѣчавшихся, и возвращаются къ хозяину, приговаривая: «Нехай дасть Богъ ей небо, рай свѣтлый, покой вѣчный!» Въ домѣ хозяина приготовленъ бываетъ завтракъ, «снеданне.» Его сопровождаютъ заупокойныя молитвы.

По окончаніи завтрака всѣ гости, вмѣстѣ съ хозяевами, отправляются на кладбище. Если приходится ставить крестъ, то теперь везутъ и его. Всѣ идутъ за крестомъ и обыкновенно поютъ 50-й псаломъ. Кромѣ большаго креста, дѣлаютъ еще и маленькій:

къ нему привязываютъ красную ленточку. Крестъ привозятъ или на кладбище, или ставятъ на перекресткахъ; маленькій крестикъ утверждаютъ надъ могилою покойника, въ головахъ. Селяне просятъ и Священника освятить настоящее торжество. Пока придетъ Священникъ, они вырѣзываютъ квадратики изъ дерну и покрываютъ могилы родныхъ. Поверхъ могилы иногда кладутъ еще продолговатую, четырехъугольную, доску, что называется «прикладзины.» Священникъ совершаетъ паннихиду, освящаетъ могилы и памятникъ. Служеніе заканчивается пѣніемъ «вѣчная память!» Коль скоро Священникъ оставляетъ кладбище, селяне начинаютъ пить водку и закусывать хлѣбомъ съ солью. Не смотря на увѣщанія Священника, передавали намъ селяне, простой народъ не оставляетъ своихъ старыхъ, иногда нехорошихъ, обычаевъ. И въ настоящемъ случаѣ, по уходѣ Священника селяне разсуждаютъ такъ: «Егомосць (такъ до послѣдняго времени большею частью называли Священника; теперь батюшка) уже отъ насъ поѣхавъ домовъ; намъ цяперь можно рабиць то, што наши дзѣды и прадзѣды рабили, чого и мы ня можемъ пакинуць.» Кладбище, послѣ этого принимаетъ совершенно иной характеръ. Изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ являются сюда и нищіе; имъ тоже не отказываютъ въ угощеніи: послѣ заупокойныхъ молитвъ, которыя говорятъ они надъ могилою покойника, имъ даютъ водки и хлѣба. Этимъ и оканчивается торжество.

(Иже, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Любки, Вилен. Губ. Свенц. Уѣзда) есть обычай приготовлять ячную кашицу ко времени поминовенія родныхъ. Принесши на кладбище, кашицу отдаютъ мальчикамъ ѣсть. Но дѣло въ томъ, что ѣсть ее нужно не ложками, а голыми руками. Въ деревнѣ Любкахъ кладбище находится не въ далекомъ разстояніи, такъ что кашица, принесенная изъ деревни на кладбище, не успѣваетъ еще остынуть. Часто бываетъ, что мальчики, которымъ достается эта кашица, поплачиваются за нее своими пальцами: съ послѣднихъ слѣзаетъ кожа.

Отпраздновалъ селянинъ «осенины;» на полѣ у него все уже убрано. Что же ему остается теперь дѣлать? Если Богъ далъ ему хорошій урожай, то для него станетъ работы дома на всю зиму: молотьба, «работа цѣпомъ,» займетъ почти все его время. Если не было урожая, онъ отправляется куда ни будь на «зара-

ботки.» Теперь же по вечерамъ плететъ лапти, колетъ лучину, запасается дровами. Женщины исключительно занимаются пряжей. Начиная прясть, приговариваютъ: «Боже Господи, поможи, верецeнце побѣжи, ручаечку принеси, починочекъ съ подсвиночекъ; хто наперeдъ почавъ, щобъ сзади торчавъ!» (Осташино, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Теперь начинаются «вечерницы,» посидѣлки,» «попрядухи.» Осень и вся зима проходитъ у селянъ въ подобныхъ занятіяхъ.

Относительно зимы нѣкоторые селяне думаютъ, что она начинается не въ одно и то же время, а каждый годъ все раньше да раньше; съ тѣмъ вмѣстѣ лѣто постоянно дѣлается короче, и передъ кончиною міра лѣта, говорятъ они, вовсе не будетъ, а будетъ продолжаться безсмѣнно одна только зима; нельзя будетъ въ такомъ случаѣ заниматься посѣвами, явится голодъ и людямъ придется умирать (Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда). Внимательно слѣдятъ селяне за признаками, указывающими на раннее, или позднее, появленіе зимы. Признаки эти обнаруживаютъ перелетныя птицы. «Если гуси (дикіе) летятъ низко, зима, значитъ, близко;» если при этомъ еще гуси летятъ ночью, селяне выводятъ заключеніе, что зима будетъ тяжелая и наступитъ скоро, что гуси по тому именно и летятъ ночью, чтобы скорѣе убраться изъ странъ, гдѣ ихъ можетъ застигнуть холодная зима. Если при полетѣ гуси кричатъ часто и громко, то, по мнѣнію селянъ, этимъ указывзютъ они на близость зимы. Тихій и нечастый крикъ при полетѣ гусей говиритъ противное. Если на «громницы» течетъ съ кришъ и являются «лужи,» такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то зимы можно ожидать легкой и на Благовѣщеніе уже напьется волъ на пастбищѣ. Когда заколютъ борова, то обрашаютъ вниманіе на расположеніе его внутренностей. Если извѣстная часть ихъ, «коса», тонкой стороной обращена къ головѣ, и зима, значитъ, будетъ сначала легкая, потомъ тяжелая; въ противномъ случаѣ—на оборотъ. Если во время зимы образуются на деревьяхъ большія хлопья, завалы снѣга и потомъ, при оттепели, они падаютъ, селяне видятъ въ этомъ прообразъ своей будущности, и въ текущемъ году ждутъ тяжелой болѣзни на люди, или на скотъ. Зиму съ сильными морозами называютъ злою; зиму безъ сильныхъ морозовъ называютъ лѣтнею.

(Ганута, Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Зимою бывають больщіе праздники, которые и въ глазахъ селянъ имѣютъ немалое, своеобразное, впрочемъ, значеніе. Еще заблаговременно слышатся пѣсни, которыя указываютъ на особыя торжества:

На городѣ стринатка,
Недалеко колядка,
Ой коляды, коляды,
Да не всѣ имъ рады:
Кто нанимаець,
Той съ кармана не вынимаець;
А кто отстаець (указаніе на наемъ слугъ),
Тому каждый почтенье даець.

(**Ольшаны, Вилен. Губ. Ошм. Уѣзда.**)

Или:

Ня курь, ня вѣй, мяцелица коляда!
До матки йду, вяночки вью;
Атъ матки йду, развиваю, коляда!
По сцежаццѣ раскидаю:
Гдзѣ сцежачка, тамъ вѣночка,
Гдзѣ слядочекъ, тамъ кусточекъ.
Сядзиць вовчокъ подъ елачкай, вочки трець:
Пожалився на (имя парня, которому поется пѣсня), за што бьець:
«Чаму у цябе, вовчокъ, голова, якъ памяло?»—
«Я у Кароля бывъ, печь вымятавъ.»—
«Чаму у цябе, вовчокъ, хвостъ, якъ лапата?»—
«Я у Кароля бывъ, хлѣбъ сажавъ.»

(**Ганута, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.**)

Или:

Шла колядка колядуючи, гей, коляда!
Перешла сельце, достала яйце, гей, коляда!
Перешла поле, згубила и тое, гей, коляда!

Подъ именемъ «**Колядъ**» у селянъ извѣстенъ прежде всего канунъ Рождества Христова (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—кутья,

потомъ колядами называютъ самый праздникъ, а иногда все время отъ Рождества Христова до Богоявленія). Къ празднику селяне приготовляются строгимъ постомъ; даже малымъ дѣтямъ они боятся давать что ни будь «скоромное.» Если послѣднія плачутъ, желая вкусить отъ запрещеннаго плода, мать въ такомъ случаѣ обыкновенно утѣшаетъ ихъ слѣдующими словами: «Заразъ, дзѣтки, будуць калядьі; не плачьте! Еще нядзѣля, еще нядзѣля, а тамъ и калядьі.» Дѣтя успокаивается въ ожиданіи колядъ, какъ чего-то необыкновеннаго. Если до «колядъ» остается недѣли двѣ, то говорятъ, что коляды» еще въ амбарѣ. Дня за два, за три, до колядъ, говорятъ, что онѣ уже «на печкѣ.» Когда хозаинъ вноситъ въ комнату говядину, или колбасы, приготовленные къ Празднику Р. Х., то обращается къ дѣтямъ съ такими словами: «Радуйцесь, дзѣци: уже каляда идзець у хату!»

По мѣрѣ приближенія «колядъ», въ избѣ селянина замѣчаются особенныя хлопоты, небуднишнія приготовленія. Самую избу очищаютъ, убираютъ по праздничному. Вечеромъ на канунѣ Рождества, по срединѣ избы ставятъ столъ: на него кладутъ немного сѣна въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ. Посверхъ сѣна застилаютъ бѣлую скатерть и усаживаются ужинать, «ѣсть кутью.» Хозяинъ между тѣмъ отправляется за «колядой.» Идетъ въ амбаръ, беретъ немного сѣмянъ ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороху и несетъ въ комнату. Переступая порогъ дома, хозяинъ говоритъ: «Добрый вечеръ, щедрый вечеръ!» иногда еще поютъ: «Да пріѣхала коляда да въ малеваномъ возку, коляда! да къ Марцину у ворōцечка, коляда!» Коляду укладываютъ въ «кошель» и вѣшаютъ въ почетномъ углу. Начинается ужинъ.

Коляду встрѣчаютъ еще и такъ. Приносятъ немного сѣна и снопъ ржи. Рожь ставятъ на покути, а сѣно частью разстилаютъ на столѣ (какъ указано выше), частью на «лавкѣ,» и тутъ теперь хозяйка ставитъ горшокъ съ кутьею. Кутья составляетъ въ настоящемъ случаѣ необходимую принадлежность стола, заключительное, почетное, кушанье, отъ чего и самый праздникъ называютъ «кутьею,» также «постною, или «первою, кутьею» (Гродн. Губ.). Въ кутью вставляютъ иногда крестъ изъ двухъ лучинокъ. За столомъ, убраннымъ сѣномъ и покрытымъ бѣлою скатертью, садятся ужинать всѣ, не исключая даже малыхъ дѣтей. Хозяинъ въ слухъ читаетъ молитву. Потомъ пьютъ водку. При первой рюмкѣ говорятъ: «Дай, Боже, за рокъ дочекать»; присутствующіе отвѣчаютъ:

«Дай, Боже!» Кушаютъ, «что Богъ послалъ.» Обыкновенно зовутъ ужинать и морозъ. Хозяинъ за ужиномъ говоритъ: «Морозъ, морозъ, идзи ко мнѣ кутью ѣсць, только моего ячменя, овса, пшеницы и проч. (перечисляетъ названія всѣхъ хлѣбовъ, которыя намѣренъ сѣять) не морозь! При этомъ указываютъ на одно обстоятельство, которое заставило нѣкоторыхъ хозяевъ воздержаться нѣсколько отъ подобныхъ приглашеній. Говорятъ, что одинъ хозяинъ по обычаю звалъ къ себѣ морозъ откушать кутьи. Морозъ яко бы отвѣчалъ: «Я уже кутью отъѣлъ и на лошадь сѣлъ; иди только поддержи жеребенка!» Хозяинъ не обратилъ вниманія на подобныя слова, и послѣ ужина легъ преспокойно спать. На другой день пошелъ посмотрѣть свой скотъ, и сейчасъ замѣтилъ, что лошадь его куда то исчезла. Онъ вспомнилъ тутъ вчерашній разговоръ съ морозомъ, и догадался въ чемъ дѣло. Нѣкоторые послѣ этого не приглашаютъ мороза къ себѣ ужинать.

(Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Кутью ѣдятъ обыкновенно уже поздно вечеромъ, при огнѣ. Замѣчаютъ: если чья ни будь тѣнь изъ присутствующихъ отображается неясно, или, что еще хуже, совсѣмъ бываетъ не видна, такой человѣкъ, значитъ: или умретъ въ текущемъ году, или же выйдетъ изъ семьи. Послѣ ужина вытягиваютъ изъ подъ скатерти по былинкѣ сѣна: у кого изъ дѣвушекъ, или замужнихъ женщинъ, былинка будетъ длиннѣе, та можетъ ожидать хорошаго урожая льну. Когда со стола снимутъ сѣно, то смотрятъ, не осталось ли на столѣ зеренъ какого ни будь хлѣба, и если остались, то какого рода зеренъ больше: оставшіяся зерна въ большемъ количествѣ указываютъ на успѣшный урожай въ текущемъ году именно этого рода хлѣба. Брошенныя къ тѣмъ сѣменамъ, которыя высѣваются на полѣ, онѣ предохраняютъ урожай отъ головни и другихъ болѣзней. Послѣ ужина хозяинъ сбрасываетъ обувь; изъ принесеннаго снопа ржи приготовляетъ «перевесла,» и спѣшитъ въ садъ, если онъ у него есть, обязать ими плодовыя деревья и ульи. Въ первомъ случаѣ думаютъ, что будетъ больше плодовъ, что ихъ не будетъ срывать вѣтеръ; въ послѣднемъ, что пчелы не будутъ далеко улетать отъ ульевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это дѣлаютъ на Новый Годъ. Послѣ ужина вся семья выходитъ на дворъ посмотрѣть, «зорко на небѣ, или нѣтъ.» Если на небѣ много звѣздъ, то въ текущемъ году хорошо

будутъ родиться гуси и другія домашнія итицы; можно ожидать также и хорошаго урожая, особенно относительно того зерна, большее количество котораго оказалось на столѣ по снятіи сѣна (Ласково, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда). Мальчики деренскіе заключаютъ по своему: въ которой сторонѣ больше звѣздъ, тамъ будетъ больше и грибовъ. Примѣта, которая важна для нихъ во время лѣта. Хорошая погода на кутью, кромѣ урожая, предвѣщаетъ еще такую же погоду и во весь годъ; въ противномъ случаѣ нужно ожидать непостоянной погоды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и неурожая. На кутью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ не даетъ скоту пить цѣлый день: этимъ онъ думаетъ предохранить его отъ насѣкомыхъ. Хозяйки ничего не должны прясть: иначе лѣтомъ скотъ будетъ пускать слюну такими длинными нитями, какія въ этотъ день выпрядутъ (Ольшаны, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда). Другія на оборотъ: на кутью вьютъ клубки нитокъ, чтобы капуста свивалась въ головки; вообще прядутъ, вьютъ веревки, стараются начать непремѣнно въ полночь возможную въ хозяйствѣ работу; если бы потомъ потребовалось что ни будь сдѣлать, а начало этому не было положено на кутью, такую работу непремѣнно придется уже оставить до праздника Богоявленія. Во все время между праздника Р. Хр. и Богоявленія можно дѣлать, и то, какъ видимъ, съ извѣстными ограниченіями, только ту работу, которая была начата на кутью. Во всякомъ случаѣ избѣгаютъ начинать дѣлать ободья, полозья: опасаются быть искалѣченными. Передъ колядой не дозволяется вязать обыкновенныя метлы для выметанія печей. Необходимо приготовлять ихъ изъ хвой сосны: тогда онѣ называются «памяло;» неисполнителямъ этого обычая грозятъ сожженіемъ хаты отъ грома.

Хозяйки матери не позволяютъ своимъ дѣтямъ съ утра до вечера ѣсть маку: лѣтомъ не будутъ кусать насѣкомыя. Дѣвушки выходятъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ раздается лай собакъ: тамъ, значитъ, быть имъ замужемъ (Ольшаны, Вил. Губ Ошм. Уѣзда). Или: бѣгутъ къ колодцу, мочаютъ въ воду лучину, приносятъ домой и зажигаютъ: чья лучина горитъ ярче, свѣтлѣе, той и замужемъ будетъ лучше (Чересы, Виленской Губ. Дисн. Уѣзда). Или: отправляются въ хлѣвъ: если по дорогѣ повстрѣчаются съ быкомъ, имъ, значитъ, въ наступающемъ году, и ни какъ не дальше осени, придется выйти замужъ; встрѣча съ коровой не предвѣщаетъ ничего утѣшительнаго.

Въ Борисовскомъ Уѣздѣ (Докшицы, Минск. Губ.) сохраняется такой еще обычай. Родители, желающіе отдать своего сына въ училище, варятъ особый горшокъ каши; сваривши, выносятъ его на дворъ и ставятъ на «колодѣ;» готовящійся въ училище беретъ палку и бьетъ по горшку: если брызги полетятъ далеко, это считаютъ хорошимъ признакомъ—въ будущемъ ученикѣ можно полагать остроуміе, хорошую память, охоту къ ученью; въ противномъ случаѣ нужно ожидать противоположныхъ качествъ.

Сѣно, которое «на кутью» постлано было на столѣ и на которомъ ужинали на слѣдующій день, раздается скоту. Хозяинъ не даетъ его только лошадямъ: причину указываютъ въ томъ, что когда родился Іисусъ Христосъ, лошадь яко бы съѣла то сѣно, на которомъ онъ былъ положенъ въ ясляхъ (Ольшаны, Вил. Губ. Ошмян. Уѣзда). Въ другихъ мѣстахъ это сѣно остается на столѣ въ продолженіи праздниковъ Р. Хр., и только по окончаніи хозяинъ снимаетъ его со стола, раздѣляетъ на столько частей, сколько штукъ у него скота, и отдаетъ ему (Лясково, Гродней. Губ. Кобринск. Уѣзда). Иногда сѣно сохраняютъ въ продолженіи зимы и уже весною отдаютъ его скоту, когда въ первый разъ выгоняютъ въ поле. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.

Въ первый день праздника Р. Хр., когда принесутъ въ избу свѣжую воду, хозяинъ беретъ мелкую серебрянную монету, бросаетъ ее въ ведро и начинаетъ мыться самъ, а за нимъ и остальные члены семьи: думаютъ послѣ этого, что лицо не будетъ портиться во весь годъ, особенно отъ сильныхъ жаровъ, или морозовъ. Когда заметутъ комнату, сору не выбрасываютъ на дворъ до слѣдующаго дня: иначе, въ пшеницѣ и льнѣ явятся многочисленныя сорныя травы. Иногда и совершенно не метутъ избъ: боятся, чтобъ куры «не выдирали» посѣвовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами хозяева, особенно женщины, не пьютъ воды въ первый день праздника, не даютъ пить и овцамъ; говорятъ, что такимъ средствомъ можно на передъ предохранить себя отъ жажды въ жаркіе дни лѣта. Бѣда, если въ первый день праздника курица снесетъ яйцо: въ хозяйствѣ ожидаютъ убытка (Гродн. Губ. Слон. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тогда же вьютъ веревку, «спутываютъ» ею столъ, чтобы скотина не травила полей. Исполненіе этого обычая обезпечиваетъ потомъ успѣхъ въ осаживаніи роевъ пчелъ. Дробятъ также лучину, зажигаютъ ее

въ углу комнаты на скамейкѣ. (Докшицы, Минск. Губерн. Борис. У. Ср. Бобровскаго, стр. 824). Иногда матери запрещаютъ своимъ дѣтямъ причесывать головы: это считаютъ предохранительнымъ средствомъ отъ головной болѣзни.

(Ольшаны, Виленск. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Каждая семья считаетъ своимъ священнымъ долгомъ побывать въ праздникъ въ церкви. Вечеромъ молодежь въ одномъ какомъ ни будь домѣ устрояетъ игры, пляску, поетъ пѣсни. Иные ходятъ «по колядѣ,» «колядуютъ;» колядующій говоритъ: «Я маленькій хлопчикъ, злѣзъ на стовчикъ, у дудочку граю, Христа забавляю и съ праздникомъ васъ поздоровляю.» Или же: «Горобчикъ летѣвъ, хвостикомъ вертѣвъ, а вы, люди, переймайте, и мнѣ по пятачку дайте!» «Или: «Цупу, лупу по помостѣ, до нашого егомостѣ пріѣхали гости. То не гости, колядничкі, потоптали черевички; будьте здоровы съ колядою! Чи кажите спѣвати, чи коляды дати? (Озяты, Кобр. У. Гродн. Губ.). Или же колядующій поетъ подъ окномъ слѣдующую пѣснь: «Небо и земля нынѣ веселися, праматерняя клятва разрѣшися; Христосъ родився, Богъ воплотився, Ангели спѣваютъ, Царіе витаютъ, люли, люли повѣдаютъ.» (Подобная пѣснь есть въ Уніятскомъ «Богогласникѣ»). Послѣ поздравленія, колядующій ожидаетъ подаянія: ему выносятъ блинъ, или кусокъ хлѣба. Если же хозяинъ ни чего не хочетъ дать колядующему, то стучитъ въ окно: знакъ, что хозяинъ не принимаетъ «колядованія,» и ни чего не дастъ колядующему.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

На третій день праздника обыкновенно бываетъ наемъ слугъ: отсюда образовалась и поговорка: «На Св. Степана выше слуга запана.» Если случится, что хозяинъ встанетъ теперь раньше батрака, то онъ будитъ его и говоритъ: «Вставай! Табѣ сягодня коляда, а мнѣ бяда.» То же говоритъ и слѣдующая пословица: «Пришли колядки—господаромъ порядки.»

Вечера отъ 25-го Декабря по 6-е Генваря называются «Святыми.» Днемъ можно дѣлать что угодно, и хозяйки стараются напрясть по возможности большіе клубки пряжи, въ надеждѣ, что сравнительно выростетъ большая капуста. Днемъ опасаются

только перекатывать камней съ одного мѣста на другое; отъ этого, говорятъ, появляются на ногахъ разнаго рода болѣзни (Грод. Губ. Слон. Уѣзда). Боятся также выбрасывать «осмолки» изъ печи (несгорѣвшія полѣнья): думаютъ, что отъ этого въ посѣвахъ появится головня. За то дѣлать какую бы то ни было работу вечеромъ строго запрещается. Нарушителя такого обычая селяне непремѣнно «просмѣютъ;» о такомъ человѣкѣ они отзываются: «Пазнаець онъ не святковаць гетыхъ вечерувъ!» Прясти пряжу, или же вить что ни будь, хозяинъ строго запрещаетъ, потому что молодой скотъ будетъ постоянно мотать головой и пропадать. Если же подобныя работы производились, то хозяинъ «на послѣднюю кутью» (передъ Богоявленіемъ) пересѣкаетъ въ плоту три пары вѣтокъ, думая этимъ предохранить свой скотъ отъ накликанной было на него бѣды.

(Ольшаны, Вил. Губ. Ошмянск. Уѣзда.)

Дѣйствительно, «Святые вечера» особенно опасны для того хозяина, у котораго много скота. Иногда случается, что у него родится слѣпой теленокъ: всѣ сосѣди и давай тутъ говорить, что вотъ, молъ, не праздновалъ «Святыхъ вечеровъ,» что Богъ и наказалъ преступника. Сейчасъ приступаютъ съ распросами къ хозяйкѣ, не шила ли она чего ни будь во время «Святыхъ вечеровъ.» Тутъ она обращается къ своей памяти и, напередъ обвиненная, для оправданія какъ бы суда Божія, произноситъ противъ себя приговоръ: она сознается въ преступленіи (что, молъ, шила, хоть бы этого на самомъ дѣлѣ и не было). «Гета жена зашила глаза сваему целяци,» говорятъ послѣ обвинители. Бѣда и хозяину, если теленокъ родится слабъ на ноги. Тогда онъ самъ обвиняетъ себя: «Вѣдь это я плелъ лапти въ святые вечера, и такимъ образомъ спуталъ теленка: теперь онъ и ходить не можетъ.»

(Миръ, Мин. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Думаютъ еще, что если во время «Святыхъ вечеровъ» придется оставить въ сундукѣ одежду, ее непремѣнно нужно перекрестить: иначе она будетъ похищена некрещенными дѣтьми. Разсказываютъ при этомъ, что на «Святые вечера» некрещенныя дѣти распускаются изъ ада на гулянье: они заходятъ къ тому, кто оставилъ въ сундукѣ свое платье не перекрещеннымъ, отворяютъ сундукъ и забираютъ, что имъ нужно. Въ доказательство приводятъ слѣ-

дующую сказку. Жилъ одинъ «корчмарь» недалеко отъ села. Однажды, во время «Св. вечеровъ,» зашли къ нему въ корчму четыре человѣка въ бѣлыхъ тулупахъ и спросили водки. На вопросъ корчмара: сколько нужно? они потребовали четыре ведра. Желаніе было исполнено. Незнакомцы выпили, расплатились и ушли. На другой и третій вечеръ повторилась таже исторія. Въ третій, впрочемъ, разъ корчмарь при расплатѣ съ незнакомцами спросилъ у нихъ: «Что они за люди?» — «Мы люди недобрые,» былъ отвѣтъ. — «Кто же вы такіе?» — «Мы дѣти некрещенные.» Корчмарь сильно испугался, однако продолжалъ свои распросы. «По чему вы теперь ходите?» Дѣти отвѣчали, что имъ дано право ходить въ продолженіи этихъ двѣнадцати дней. «Гдѣ же вы взяли тулупы, которые на васъ?» — «Мы взяли ихъ у тѣхъ людей, которые оставляютъ свое платье не прекрестивши его: какъ только мы придемъ туда, гдѣ оставлено что ни будь не перекрещеннымъ, оно само дается намъ безъ всякаго труда.» — «Постойте же, подумалъ себѣ хозяинъ: я васъ больше не пущу, чтобы вы и мнѣ чего худого не сдѣлали.» Когда гости ушли, хозяинъ сказалъ женѣ вездѣ при всякомь входѣ начертить кресты, чтобы некрещенныя дѣти не могли прійти къ нимъ болѣе. По обычаю, гости приходятъ между тѣмъ и на четвертый день; въ корчмѣ огня нѣтъ, и при входахъ вездѣ кресты. Напрасно онѣ ходили кругомъ корчмы, кричали подъ окномъ, просили хозяина отпереть, пустить ихъ повеселиться въ эти остальные вечера, обѣщали не дѣлать ему никакого зла. Въ корчмѣ по прежнему было тихо, темно, хозяинъ все слышалъ, но ни чего не отвѣчалъ, огня не зажигая. Огорчились такимъ пріемомъ некрещенныя дѣти; догадались, что сдѣлалъ хозяинъ, и отправились обратно, обѣщая во всякомъ случаѣ, «показать ему, что значитъ не отпереть имъ дверей.» Кончились «Святые вечера;» у корчмаря вышла вся водка, и ему необходимо было отправиться за новой. Взявши денегъ, онъ поѣхалъ за водкой. Уже онъ везъ домой цѣлую бочку; но когда въѣхалъ на «крестовыя дороги» (перекрестокъ, гдѣ иногда погребаютъ дѣтей умершихъ безъ крещенія и потомъ ставятъ кресты), бочка тарахъ! обручи сразу всѣ лопнули и водка вылилась. Смекнулъ корчмарь, въ чемъ дѣло: онъ понялъ, что это мстятъ ему некрещенныя дѣти, которыхъ онъ не пустилъ въ корчму. «Нѣтъ,» сказалъ онъ, «я васъ таки перемогу,» и снова возвратился за водкой. Но напрасно старался онъ «перемочь» некрещенныхъ, и покупалъ бочку за бочкой: каждый разъ, какъ только онъ въѣзжалъ на «крестовыя

дороги,» бочка распадалась, и вся водка пропадала. Преданіе прибавляетъ, что такимъ образомъ онъ истратилъ на водку всѣ деньги, и наконецъ пришелъ къ такому положенію, что долженъ былъ ити по міру.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Отпраздновавъ Рождество Христово, начинаютъ приготовляться ко встрѣчѣ «второй кутьи,» и за тѣмъ Новаго Года. «Вторая кутья,» или канунъ Новаго Года, извѣстенъ въ большинствѣ мѣстностей подъ именемъ «Щедрого» или «Богатого вечера,» или же «Оготухи.» Къ этому вечеру стараются приготовить по возможности роскошный ужинъ, отъ чего и самъ вечеръ называется «богатымъ.» Кутья и здѣсь составляетъ необходимое заключительное блюдо. Ее варятъ изъ «отолченнаго въ ступѣ ячменя.» Пекутъ еще блины съ «юшкою.» Кто не готовитъ блиновъ передъ Новымъ Годомъ, у того въ хозяйствѣ не будетъ «гладкаго скота,» т. е., жирнаго, тучнаго, особенно телятъ (Каменецъ, Гродн. Губ. Бреск. Уѣзда). Первый блинъ непремѣнно должна съѣсть взрослая дѣвушка, если есть, и при томъ стоя на «смѣтьѣ.» Обыкновенно вечеромъ въ щедрый вечеръ она чисто мететъ комнату, чтобы чистъ былъ на полѣ ячмень, когда будетъ жать его, и когда выноситъ соръ изъ комнаты, беретъ съ собою блинъ, и ѣстъ тамъ. Если въ это время она послышитъ въ какой ни будь сторонѣ лай собакъ, тамъ, значитъ, быть ей замужемъ. Обычай этотъ исполняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, на канунѣ Р. Хр. Вообще нужно замѣтить, что нельзя пріурочить ко всѣмъ мѣстностямъ ни одного общаго названія нѣкоторыхъ праздниковъ, ни тѣмъ болѣе одновременнаго соблюденія однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Что соблюдается въ одной мѣстости сегодня, то самое въ другой мѣстности мы увидимъ завтра: отъ этого въ нашихъ статьяхъ для нѣкоторыхъ можетъ показаться коечто видимымъ противорѣчіемъ. Въ оправданіе себя мы ссылаемся на свидѣтельства лицъ, свято не мѣстѣ соблюдавшихъ описываемые нами обычаи.

Когда изба очищена и «вечера» приготовлена, семья садится ужинать. Хозяинъ беретъ водку, наливаетъ рюмку и пьетъ къ хозяйкѣ: «Будь здорова! Дай Богъ за годъ дождати!» говоритъ онъ. «Дай, Боже!» отвѣчаетъ хозяйка. Рюмка обходитъ всѣхъ по старшинству. Послѣ ужина начинается переряживанье. Наряжаются «въ Цыгановъ,» «въ аиста, въ козу,» и ходятъ изъ дома въ домъ. Переряженные вездѣ имѣютъ радушный пріемъ, щедрое, угощеніе; при этомъ они говорятъ своего рода поздравленія:

О го, го, каза!
О го, го, сѣра!
«Гдзѣ хвостъ падзѣла?» —
«На соль праѣла;
Бо соль дорогая,
Мѣра скупая.»
Гдзѣ каза хвастомъ,
Тамъ жито кустомъ;
Гдзѣ каза нагой,
Тамъ жито капной;
Гдзѣ каза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ.

Или:

Новое лѣто начинае,
Новый царь царя витае,
Убогимъ породивъ,
Богатого засмутивъ.

Или:

Васильева мати
Пришла оготати.

Или:

О го, го, коза небого!
Солому сѣчи,
Пироги печи;
Сало смажь
Пироги мажь!
Гу, гу, гу, гу, дайте мнѣ того,
Що въ печкѣ, въ самомъ куту!

Напередъ стараются высмотрѣть, что находится въ печкѣ.

(Каменецъ, Грод. Губ. Бретск. Уѣзда.)

Или:

Добрый вечуръ, щедрый вечуръ!
Чи е дома панъ господарь?
Седитъ собѣ въ концѣ стола,
На ёмъ шапка соболева,
Калиточка, якъ бочечка;

Въ туй калитцѣ
Три червунцѝ:
Намъ, колядничкамъ, по осмачку.
На Новоє Лѣто роди, Боже, жито,
Жито, пшеницю, горохъ, сочевицю,
Въ клюнѣ умолотно,
Въ дёжцѣ зыходно!
На печѣ рожа,
Господиня гожа;
На проточку рута,
Господиня крута!

(**Пам. нар. твор. въ СЗ. краѣ, 165.**)

Или:

Щедрый вечуръ, добрый вечуръ!
А ци дома панъ господаръ? —
«Нема дома, въ чистумъ полѣ,
Въ чистумъ полѣ жито сѣє,
Жито сѣє, Бога просиць,
Кабъ съ колосочка жита бочка,
А зъ другого еще много.

(**Миръ, Минск. Губ. Новогр. Уѣзда.**)

На канунѣ Новаго Года селяне стараются запастись всѣмъ необходимымъ; если у кого недостаетъ чего, то стараются одолжить заблаговремнено. Кто одолжаетъ въ Новый Годъ, тотъ въ продолженіи всего года не будетъ имѣть этой вещи; такого человѣка еще наказываютъ вѣдьмаремъ. Хозяйки страшно боятся разбить что ни будь: это значитъ накликать на себя бѣду на весь годъ; круглый годъ все постоянно будетъ биться, а для хозяйки это слишкомъ убыточно. Ея дѣло запасаться посудой, особенно глиняной, да еще на тѣ деньги, которыя она выручитъ за свою заботу, или же за нѣкоторыя доходныя статьи въ хозяйствѣ, которыми собственно она завѣдуетъ, продажа, на пр., яицъ, куръ.

(**Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.**)

Сохранился обычай ловить воробьевъ на канунѣ Новаго Года. Вечеромъ собираются мальчики и взрослые: берутъ фонарь, зажигаютъ его и отправляются въ сарай. Заткнувши, по возможности,

дыры, одинъ изъ охотниковъ съ длинной палкой начинаетъ пугать воробьевъ, которые къ ночи попрятались уже въ свои гнѣзда, большею частію, въ сельскихъ сараяхъ. Напуганные воробьи бросаются на горящій фонарь, представляя себѣ тамъ отверстіе, чрезъ которое они улетятъ на вольный, Божій, міръ. Тутъ они попадаются прямо на ловца. Охота, большею частью, бываетъ очень удачна. Сохраняется повѣрье, что сколько поймаютъ воробьевъ въ настоящій вечеръ, столько копъ ихъ погибнетъ въ текущемъ году. Сельскіе мальчики рады, что могутъ оказать нѣкоторую пользу въ семьѣ, и стараются наловить по возможности больше жертвъ, чтобы потомъ еще больше ихъ погибло. Селяне вобще считаютъ воробья очень вредною птицею, сильно истребляющею посѣвы. Изъ пойманныхъ воробьевъ приготовляется жаркое. Иногда, впрочемъ, оставляютъ два воробья, завертываютъ ихъ въ тряпку и потомъ сожигаютъ. Оставшійся порошокъ прячутъ до весны, и когда отправляются сѣять ячмень, или овесъ, сюда всыпаютъ и сбереженный порошокъ, и высѣваютъ его вмѣстѣ съ извѣстнымъ зерномъ: думаютъ, что воробьи не тронутъ такихъ посѣвовъ

(Каменецъ, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда.)

Въ Новый Годъ какъ можно раньше будятъ ребятишекъ. Въ этомъ на весь годъ видятъ предохранительное средство противъ лѣни. Вообще думаютъ, что если въ Новый Годъ сдѣлать что ни будь хорошее, или дурное, если даже самое время провести извѣстнымъ образомъ, все это отзовется потомъ въ продолженіи всего года, въ первомъ случаѣ удачею во всемъ, въ послѣднемъ неуспѣхомъ. Отъ этого родители и сами берегутся и крѣпко на крѣпко приказываютъ и дѣтямъ своимъ не дѣлать ничего дурного; напротивъ, вся семья проводитъ этотъ день благообразно. Бываютъ въ церкви. Послѣ обѣдни разсуждаютъ о значеніи праздника, отдыхаютъ. Вечеромъ хозяйка даетъ курамъ ѣсть ту кашу, которая осталась отъ вчерашней кутьи. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. По срединѣ избы кладутъ обручъ, ставятъ туда кашу, и впускаютъ куръ ѣсть ее. Куры послѣ такого угощенія будутъ хорошо нести яйца, а обручъ предохранитъ ихъ отъ растраты яицъ по разнымъ мѣстамъ.

(Вишнево, Вил. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Послѣ Новаго Года наступаетъ праздникъ Богоявленія (6-го Генв.). На канунѣ этого праздника, равно какъ на канунѣ Рождества и Новаго Года, празднуютъ сочельникъ или «кутью третью» по счету. Сочельникъ предъ Богоявленіемъ называется «постною кутьею,» или «проводною, проводами.» Теперь, съ одной стороны, нельзя употреблять въ пищу мяса; съ другой, сочельникомъ Богоявленія заканчиваются, такъ называемыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «колядници,» дни «колядъ.» Къ этому празднику селянинъ дѣлаетъ своего рода приготовленія: убираютъ хату, варятъ разнообразныя кушанья (постныя). Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя бобъ, смѣшанный на половину съ горохомъ. Его варятъ въ сухомъ видѣ утромъ и не употребляютъ до самаго вечера, до кутьи. До этого времени или, по крайней мѣрѣ, до освященія воды въ церкви, ничего не ѣдятъ. Но вотъ солнце закатывается; Христіяне возвратились уже изъ церкви съ святою водою. Хозяинъ тогда насыпаетъ приготовленнаго бобу въ латушку, поверхъ его кладетъ булку хлѣба, беретъ освященный въ церкви мѣлъ, воду, и со всѣмъ этимъ выходитъ изъ дому. Преднося предъ собою бобъ, хозяинъ мѣломъ изображаетъ, «кресты» надъ окнами, на воротахъ, дверяхъ и косякахъ всѣхъ сараевъ, хлѣвовъ и въ заключеніи на ульяхъ, если есть пчелы; все также окропляетъ водой. Если дома приключится печалованіе объ умершемъ, указанныя изображенія крестовъ дѣлаются углемъ. По окончаніи своего дѣла, хозяинъ приходитъ въ избу, ставитъ на столъ бобъ, который и остается тутъ до вечера (Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣз.). Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ и такъ. Предъ ужиномъ хозяинъ приноситъ сѣно, постилаетъ его на столъ, какъ на Р. Хр. потомъ беретъ «вѣко» съ горохомъ, освященный въ церкви мѣлъ, и отправляется изображать кресты въ различныхъ частяхъ своихъ зданій. Домашніе между тѣмъ приготовляютъ ужинъ, садятся за столъ и ожидаютъ хозяина. Вошедши по окончаніи своего дѣла въ хату, онъ обращается къ семьѣ съ слѣдующими словами: «Во время рожденія Спасителя три Короля пріѣзжали и сыпали около новорожденнаго золото; а мы, за неимѣніемъ золота, сыплемъ одни другимъ горохъ.» При этихъ словахъ онъ сыплетъ на столъ горохъ, а сидящіе стараются ловить его. Думаютъ, кто поймаетъ большое количество гороху, у того будетъ много овецъ. Кто въ продолженіи трехъ лѣтъ ловилъ много гороху, тотъ уже пріобрѣлъ даже счастливую способность успѣшно разводить овецъ (Ольшаны, Вил. Губ. Ошмян. У.). Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть особенность. Когда

хозяинъ, изобразивши кресты на строеніи, войдетъ въ сѣни, хозяйка спрашиваетъ: «Хто тамъ стукиняя, что тамъ грукиняя?» Хозяинъ изъ сѣней отвѣчаетъ: «Самъ Богъ стукиняя, самъ Богъ грукиняя.» —«Што же Іонъ робицъ?»—«Жито родзицъ» (Миръ, Минск. Губ. Новогор. У.). Хозяинъ входитъ въ комнату и начинается ужинъ. Преднесеніе бобовъ, хлѣба при изображеніи крестовъ, означаетъ желаніе, чтобы у селянина въ каждомъ углу былъ достатокъ. Самое изображеніе крестовъ объясняютъ различно. Одни говорятъ, что этимъ изображеніемъ указывается окончаніе колядныхъ дней; другіе находятъ причину старо-религіозную. Когда Іудеи искали новорожденнаго младенца, Іисуса, то, нашедши его, начертили яко бы надъ мѣстомъ его нахожденія крестикъ; но потомъ, чудеснымъ образомъ крестики изобразились надъ воротами всѣхъ домовъ, такъ что Іудеи не могли узнать, гдѣ находится новорожденный Царь, котораго хотѣли похитить.

(Иже, Вил. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Прямѣе, основательнѣе и гораздо вѣрнѣе, то объясненіе, по которому въ изображеніяхъ крестовъ думаютъ видѣть противодѣйствіе враждебной силѣ дьявола. Чрезъ намѣченные крестами и освященною водою окна, двери, и даже отверстія печекъ, не войдетъ дьяволъ, думаютъ положительно селяне.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, окропляя святою водою свои зданія, хозяинъ говоритъ даже прямо: «Вонъ, черце, изъ мойго дому! бо тутъ Богъ живецъ.» Съ этихъ поръ, по мнѣнію селянъ, дьяволъ не можетъ оставаться въ ихъ дому, и уходитъ яко бы на вербу до времени освященія ея въ Недѣлю Вайй; съ этой поры онъ опять перебирается въ старое мѣсто.

(Лебедево, Виленск. Губ. Вилейск. Уѣзда.)

Въ другихъ мѣстахъ думаютъ, что съ освященіемъ воды дьяволъ вывозитъ своихъ дѣтей изъ воды, садитъ на сани и перевозитъ на дерево. Для такого повѣрья указываютъ основаніе въ слѣдующемъ преданіи. Однажды къ хозяину на канунѣ Богоявленія пришелъ какой-то человѣкъ и просилъ саней; хозяинъ, нужно замѣтить, жилъ недалеко озера. Онъ спросилъ незнакомца: «За-

чѣмъ ему такъ поздно понадобились сани?» — «Дѣтей перевезти,» былъ отвѣтъ.—«Куда?»—«На дерево.»—По чему же ты перевозишь ихъ на дерево?» По тому же, что утромъ придетъ на озеро «человѣкъ,» который обольетъ насъ кипяткомъ.» Подъ именемъ «человѣка» незнакомецъ разумѣлъ Священника, а подъ именемъ «кипятка» — святую воду. Изъ такого разговора сметливый хозяинъ сейчасъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не далъ саней. Незнакомецъ сталъ невидимъ. Хозяинъ, однако, мучимый любопытствомъ, пошелъ посмотрѣть, стоятъ ли его сани. Вышедши на дворъ, онъ, къ своему удивленію, не нашелъ ихъ. Незнакомецъ утащилъ. Было уже поздно, и хозяинъ боялся ити къ озеру за своими санями. На другой день утромъ онъ дѣйствительно нашелъ ихъ надъ прорубью въ озерѣ, и здѣсь же увидѣлъ «чертовы ступни.» Сомнѣніе не могло болѣе имѣть мѣста. Дьяволъ явился дѣйствительнымъ похитителемъ саней. Такое суевѣріе, разсказывали намъ, поддержку для своего существованія находитъ въ слѣдующихъ обыкновенныхъ данныхъ. Иногда дѣти, желая взаимно повозить себя, тайкомъ увозятъ сани, а суевѣрный хозяинъ, не зная въ чемъ дѣло, распускаетъ молву, что «чертъ» укралъ у него сани для перевоза дѣтей.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Самый праздникъ Богоявленія извѣстенъ подъ именемъ «Трехъ Королей,» «Водохрища.» Православные отправляются въ церковь и потомъ на Іордань. Послѣ освященія воды каждый спѣшитъ разговѣться, такъ сказать, ею, и запастись на будущее время. Богоявленская вода пользуется у селянъ большимъ почетомъ: ее употребляютъ, какъ цѣлительное лѣкарство, не только въ болѣзняхъ людей, но и скота. Сами Латиняне, не смотря на противодѣйствіе ксёндзовъ, видятъ въ святой водѣ необыкновенную силу. Намъ разсказывали, что во время послѣдняго мятежа одинъ ксёндзъ въ Новогородскомъ Уѣздѣ, объѣзжая свой приходъ, всѣми мѣрами среди свой паствы старался возбудить ненависть ко всему Русскому, Православному. Тутъ онъ узналъ, что въ деревнѣ (въ которой онъ былъ), у его прихожанъ, сохраняется, какъ святыня, Богоявленская вода. Именемъ духовнаго отца, онъ началъ убѣждать ихъ въ безсиліи, бездѣйственности этой воды, говорилъ, что она, напротивъ, можетъ быть даже вредна, по тому что освящена не ксёндзами, а попами Схизматиками, и требо-

валъ, чтобы она была вылита на собакъ. Напрасно прихожане упирались. Ксёндзъ, напротивъ, настаивалъ и грозилъ небеснымъ судомъ; тогда они обратились къ начальству съ жалобою на него, и просили объ его перемѣнѣ; справедливая просьба была уважена, и завѣтное убѣжденіе въ святости Богоявленской воды не поколебалось.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Въ продолженіе «колядъ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается по преимуществу два рода игръ. Молодежь ходитъ или съ «звѣздою,» или съ «Виѳлеемомъ.» Звѣзду устрояютъ такъ. На раму отъ рѣшета, или сита, наклеиваютъ пропитанную саломъ, или постнымъ масломъ, бумагу, и утверждаютъ ее на подставочномъ шестѣ, для удобства въ переносѣ съ одного мѣста на другое; чтобы этотъ кругъ имѣлъ видъ звѣзды, придѣлываютъ къ нему, въ нѣсколькихъ точкахъ, четыре—шесть пирамидальныхъ «роговъ» и, красоты ради, окаймляютъ ихъ разноцвѣтною бумажною бахрамой. Потомъ дѣлаютъ новое, небольшое, кольцо, по окружности котораго наклеиваютъ вырѣзанныхъ изъ бумаги солдатиковъ, конницу, или пѣхоту. Это кольцо утверждается на прутикѣ. Если теперь мы вставимъ въ раму звѣзды свѣчу (въ остальной части комнаты не должно быть огня) и будемъ тамъ поварачивать кольцо съ наклееными солдатиками, то для стоящихъ съ лицевой стороны звѣзды представляется, что идетъ безконечное количество войска. Устройство «Виѳлеема» нѣсколько сложнѣе и обходится дороже; за него по тому принимаются парни, которые посостоятельнѣе. Устрояется ящикъ, что-то въ родѣ сундука, верхъ котораго раздѣляется на такіе же, какъ у звѣзды, пирамидальные «рога,» только большаго размѣра. Бока и верхъ этого ящика украшаются разными священными картинами, относящимися къ празднику; нижняя сторона его или полъ дѣлается съ разрѣзами или щелями, и бываетъ устланъ бѣлыми мѣховыми шкурками. Приготовляются изъ дерева изображенія людей, представляющія собою разныхъ лицъ: Ирода, на пр., трехъ Королей, жену Ирода, смерть въ видѣ какого ни будь скелета съ косой, Іуду сребролюбца, Цыгана съ медвѣдемъ и т. под. Изображенія эти прикрѣплены къ проволокѣ, которая можетъ свободно двигаться между разрѣзами пола. Опытная рука, управляя этою проволокою (незамѣтно, конечно, для зрителей) можетъ заставлять нѣмыя куклы дѣлать разнаго рода представленія. Здѣсь почтенные зрители

могутъ увидѣть и кровожадную смерть, нещадно посѣкающую свои жертвы тупою косою, и занимательную борьбу Цыгана съ медвѣдемъ, и своеобразный плясъ Иродіяды, и многое другое. Деревенскій людъ считаетъ подобныя зрѣлища верхомъ удовольствія и наслажденія. Мастера съ этими штуками ходятъ обыкновенно по вечерамъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, показываютъ имъ свое искуство, и получаютъ койкакое вознагражденіе.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Послѣ Богоявленія праздникъ Срѣтенія Господня (2-го Февраля), «Громницы,» имѣетъ у селянъ своеобразное значеніе. Къ этому дню во многихъ мѣстахъ приготовляютъ восковыя свѣчи, которыя въ самый праздникъ за обѣдней освящаютъ. У кого есть свои пчелы, тотъ приготовляетъ свѣчи и для знакомыхъ. Свѣчи называются «громничными.» Думаютъ, что эти свѣчи громятъ силу бѣсовскую, хотя бы то въ лицѣ вѣдьмъ и чародѣевъ. Потому, когда начинается гроза, селяне зажигаютъ, какъ мы говорили, «громницу,» курятъ «освященное зелье.» По выходѣ изъ церкви, дома хозяинъ крестообразно поджигаетъ «громницей» волосы на головѣ у всѣхъ членовъ своей семьи. Въ этомъ видятъ предохранительное средство противъ головной боли. Зажженной «громницей» хозяинъ выжигаетъ у себя въ домѣ кресты на потолкѣ, на косякахъ. «Громницу» даютъ въ руки умирающему и вѣшаютъ въ скотныхъ хлѣвахъ, какъ предохранительное средство противъ вѣдьмъ (Гродн. и Виленск ГГ.). На Срѣтеніе гадаютъ и объ урожаѣ. «Если, говорятъ, на громницѣ пѣвень напьется водицы, то на Юрья волъ наѣстся травицы,» т. е., если на «громницы» таетъ снѣгъ, такъ что можетъ напиться пѣтухъ, то на Георгія будетъ уже для воловъ трава (Нарва, Гродн. Губ. Бѣльск. У.). На Срѣтеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стараются поѣсть въ день семь разъ, чтобы заручиться отъ имѣющаго наступить семинедѣльнаго, пасхальнаго, поста. Со Срѣтенія подумываютъ уже о веснѣ: говорятъ, что «до громницъ не сбрасывай съ рукъ рукавицъ, а какъ прошли громницы, то уже не нужны рукавицы.» Иногда, правда, приходится убѣдиться въ вѣрности и другой поговорки, что «громницы—зимы половицы;» во всякомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ уходившіе было изъ дому на заработки, къ Срѣтенію спѣшатъ воротиться домой, и хозяева начинаютъ строить, осматривать, починять снаряды, нужные для весеннихъ занятій

(Ольшаны, Вил. Губ. Ошмянск. У.) По временамъ начинаютъ слышатся веселыя пѣсни:

Веселицеся, подружки:
Къ намъ весна скоро придзецъ,
Весна придзе, слонце узыдзе,
Сгонюць снѣги весь морозъ,
Разцвѣтуцъ у полѣ цвѣточки,
Усѣ ракитовы кусточки;
Между гетыми кусточками
Быстра рѣчка процѣкла;
Я на гету быструю рѣчку
Гуляць зъ милымъ выхожу,
И печаль, горе свое, выношу:
Горе на водзѣ не тоне,
И вавной горе не бьецъ,
И огнемъ горе не жгецъ;
Прибивало это горе
Къ крутому бережку
И ко жовтому песку.

(Опытъ Собр. пѣсенъ и сказокъ, Дмитріева, 46.)

Не такую пѣсню пѣлъ селянинъ съ прѣближеніемъ зимы:

Прошло лѣто, прошла осень,
Прошла цѣлая весна,
Наступае злое время—
Намъ холодная зима.
Усѣ рѣчки заплеснѣли,
Ручеечки не цекуць,
Къ полѣ травушка завяла,
И цвѣточки не цвѣтуць!

(Тамъ же, 45.)

Неудивительно, что, по выраженію селянъ, они «ожидаютъ весны, какъ самаго Бога.» Уже со дня Варвары, которая «кусокъ ночи уворовала» (намекъ на увеличеніе дня), тайныя помышленія ихъ и желанія обращены къ веснѣ. А «Новый Рокъ, бараннiй скокъ,» еще болѣе усиливаетъ эти сердечныя желанія.

(Ганута, Вил. Губ. Виленск. Уѣзда.)

Въ указанныхъ нами повѣрьяхъ, обычаяхъ, поговоркахъ Западноруса мы видѣли уже отчасти сходство ихъ съ Великорусскими и вообще со Славянскими. И въ Великороссіи на «Авдотью весновку» (1-е Марта) встрѣчаютъ весну и поютъ: «Весна красна, что ты намъ принесла? Красное лѣтечко.» Западнорусская поговорка: «Марецъ кусае за палецъ,» существуетъ и въ Великороссіи въ такомъ видѣ: «И Мартъ на носъ садится.» Поразительное сходство въ повѣрьяхъ и поговоркахъ Западной и Восточной половинъ Россіи находимъ также относительно 40 Мучениковъ (9-го Марта), Благовѣщенія, Мученицы Матроны Солунскія (27-го Марта), 1-го Апрѣля, Мученика Георгія, 8-го и 9-го Мая, Ап. Петра и Павла, Св. Пророка Иліи, значенія мѣсяца Іюля О Преображеніи и въ Великороссіи говорятъ также, какъ и въ Западной Россіи: «Яблочный Спасъ. Второй Спасъ всему часъ.» Встрѣча осени, «осенины». (освящаютъ плоды и медъ, ѣдятъ яблоки, а до него только огурцы). Объ Успеніи говорятъ: «Съ Успенья солнце засыпаетъ: Госпожинки—дожинки.» Рождество Пресвятой Богородицы называютъ «Малая Пречистая.» Мѣсяцъ Октябрь считается, между прочимъ, временемъ открытія посидѣлокъ, вечерницъ, навѣвающихъ думы о женихахъ, или невѣстахъ, и временемъ работъ около льна. О Рождествѣ говорятъ: «Святки.» На Святки Христа славятъ съ вертепами, со звѣздой, гадаютъ, колядуютъ. Небо звѣздисто—къ гороху; мятель—пчелы роиться будутъ; иней—къ урожаю хлѣба; путь хорошъ—къ урожаю гречи. На Рождество не надѣвай чистой рубахи, а то жди неурожая гречи! Канунъ Новаго Года извѣстенъ подъ именемъ «Меланки,» «Щедраго, Васильева вечера.» Васильева ночь звѣздится—лѣто ягодисто. Гаданія. 1-е Генваря также называютъ Васильевымъ вечеромъ; на Васильевъ вечеръ день прибавляется на «куриный шагъ,» а по здѣшнему на «бараній скокъ.» Богоявленіе извѣстно своими крещенскими морозами: «Трещи, трещи, пока не пришли водохрещи!» На «Встрѣтенье,« по Великорусскому, «зима съ лѣтомъ встрѣтились.» Въ Средокрестную переломъ поста (Великаго): «щука хвостомъ ледъ розбиваетъ.» Въ среду Средокрестной кресты пекутъ. Вербная: «Верба хлесть, бьетъ до слезъ: не я бью, верба бьетъ; верба красна, бьетъ напрасно; верба бѣла, бьетъ за дѣло.» Св. Лазарь за вербой лазилъ (Ср. «Календарь примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси,» Щурова).

Въ свою очередь «Коляды», нѣкоторыми своими обыкновеніями, напоминаютъ общеславянскій, древній праздникъ въ честь

солнца, который тоже праздновался въ концѣ Декабря, когда солнце поварачиваетъ на лѣто, дни увеличиваются, а ночи уменьшаются. Этотъ праздникъ тоже назывался «колядыя»; хожденіе славить Божество и собираніе подаянія—существенные обряды праздника. Еще сильнѣе отзывается своимъ древнимъ происхожденіемъ праздникъ «Купалы.» И въ древности зажигали въ этотъ день костры, вѣрили въ цѣлительную силу огня, воды и травъ, по чему прыгали черезъ огонь, купались, собирали травы, истребляли чучелу «мару»—холодъ, смерть; остатокъ послѣдняго суевѣрія не остался ли въ особенно соблюдаемомъ до послѣдняго времени преслѣдованіи въ этотъ день вѣдьмъ и чародѣевъ? Такъ называемые Западнорусскіе «Дѣды» имѣютъ въ своемъ основаніи «Радуницу,» праздникъ умершихъ, когда поминали ихъ живые, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устрояли на ихъ могилахъ пирушки, совершали игрища съ переряживаніемъ. Христіянство, конечно, все это осмыслило, одухотворило, указало истинную цѣль. Торжественно совершаемый праздникъ «дожинокъ» также имѣетъ въ своемъ основаніи сѣдовласую древность. Окончаніе жатвы нѣкоторыя Славянскія племена праздновали въ древности такъ. Народъ отовсюду собирался вокругъ капища Святовида, какъ виновника урожая. Жрецъ изъ рукъ божества бралъ рогъ, за годъ наполненный виномъ, предсказывалъ по нему изобиліе, или недостатокъ, въ будущій годъ. Потомъ, давая народу приличное наставленіе, возвѣщалъ ему, щедрой ли рукой онъ долженъ употреблять собранную жатву, или бережливо, въ ожиданіи недостатка. Подъ конецъ онъ клалъ обратно рогъ, наполненный свѣжимъ виномъ, въ руки божества, скрывался за огромнымъ калачомъ, или хлѣбомъ который былъ испеченъ на меду и который, по словамъ Саксона Грамматика, приносили въ жертву божеству (что нынѣ вѣнокъ изъ колосьевъ); закрываясь этимъ хлѣбомъ, какъ щитомъ, жрецъ спрашивалъ у народа, видно ли его за калачомъ? Когда ему отвѣчали, что видно, онъ обращался къ алтарю и просилъ Бога даровать въ будущемъ году столь обильную жатву, чтобы набожный народъ могъ принести ему въ жертву гораздо большій калачь. Послѣдній обычай до сихъ поръ сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Россіи у селянъ, у однихъ на «дожинкахъ,» у другихъ на «богатый или щедрый вечеръ.» Уставивши столъ многочисленными явствами, хозяинъ становится за ними, какъ бы прячется, и спрашиваетъ своихъ дѣтей: «Дѣтки! Чи бачите мене?»—«Не бачимо», бываетъ отвѣтъ. «Дай,

Боже, щобъ и на пришлый рокъ вы не зобачили мене!» Хозяинъ выражаетъ этимъ желаніе и на слѣдующій годъ богатства и изобилія во всемъ.

НАРОДНОЕ ВРЕМЕСЧИСЛЕНІЕ.

Какъ узнаетъ народъ, когда нужно праздновать ему тотъ, или другой, праздникъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выполнить тотъ, или другой, звычай, необходимый, по его мнѣнію, для успѣха въ хозяйствѣ? Какъ, на пр., узнаетъ хозяинъ, когда кончается одинъ годъ жизни членовъ его семьи, начинается другой? Какъ вообще селяне, не зная календаря, ведутъ порядокъ времесчисленія? «Какъ ты расчитаешь,» спрашивалъ одинъ Священникъ селянина, «въ какой именно день приходится, на пр., праздникъ Параскевіи (28-го Октября)?»—«А вотъ какъ» былъ отвѣтъ: «отъ Покрова (1-го Октября) первая Параска (14-го Октября) черезъ двѣ недѣли, не допущая дня. Коли Покровъ придется въ недѣлю, то первая Параска, черезъ двѣ недѣли, не допущая дня, въ субботу; а отъ этой Параски до другой тоже двѣ недѣли, и тоже въ субботу.» Вотъ какой своеобразный способъ употребляетъ Западноруссъ при времесчисленіи. Главными указателями, какъ бы какими ни будь поверстными столбами или вѣхами служатъ тутъ большіе праздники; разстояніе между ними селянинъ измѣряетъ уже недѣлями, съ прибавкою одного, двухъ и т. д., дней, или точно также не допущая одного, двухъ и т. д., дней. Равнымъ образомъ разнаго рода счастливыя, или несчастныя, обстоятельства въ семьѣ, въ хозяйствѣ, въ самой окружающей внѣшней природѣ, селяне сохраняютъ въ памяти, твердо запоминая круглый, или неполный, счетъ недѣль отъ случившагося событія до ближайшаго, извѣстнаго имъ праздника. Все, стало быть, сосредоточивается у нихъ около большихъ праздниковъ. Откуда же, въ свою очередь, извѣстны имъ эти послѣдніе? На подобный вопросъ селяне отвѣчаютъ такъ: «Гето уже спредъ часовъ картакарцѣ (поколѣніе поколѣнію) заказывая.» И тутъ, значитъ, преданіе играетъ главную роль: дѣло ведется такъ, какъ было «при отцахъ и дѣдахъ, зъ давнихъ давенъ.» (О народномъ времесчисленіи см. Вилен. Вѣст. 1869 г. №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39.)

Мы кратко проведемъ черезъ весь годъ народный способъ времесчисленія. Народъ ведетъ особый счетъ тѣмъ праздникамъ,

которые «одного тыдня пильнуюць» (непереходящіе праздники), и тѣмъ, которые «змѣняются.» Основаніемъ для первыхъ служитъ праздникъ Пасхи. Селяне не могутъ, конечно, въ точности опредѣлить дня Пасхи, но въ своихъ гаданіяхъ о немъ принимаютъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Они знаютъ, что Пасха всегда празднуется «послѣ полни, ветошемъ;» а заговѣны предъ Великимъ Постомъ бываютъ «маладзикомъ.» Отсюда выводятъ заключеніе о величинѣ мясоѣда и о срокѣ Пасхи: если молодикъ приходится объ Рождествѣ, до заговѣнъ, значитъ, восемь недѣль; а если въ Новый Годъ, то недѣлей больше (Въ мясоѣдъ они включаютъ и сырную недѣлю). Продолжительность мясоѣда опредѣляется еще приблизительно по мясоѣдамъ прошлаго года. Если, на пр., въ прошломъ году числилось мясоѣда шесть недѣль, то въ настоящемъ году, по мнѣнію селяконина, его должно быть девять недѣль, а въ слѣдующемъ тольсемь (очень рѣдко ошибаются); опять они знаютъ, что мясоѣда менѣе четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Зная величину мясоѣда и заговѣны, легко уже опредѣляютъ время Пасхи.

Въ половинѣ Великаго Поста, въ среду, празднуютъ «Крестцы,» а за недѣлю до Пасхи, «Вербичъ,» «Вербницу.» На шестой недѣлѣ, въ четверкъ, празднуютъ «Вшествіе.» Семь недѣль спустя послѣ Пасхи бываетъ «Семуха,» Пятидесятница. Четверкъ девятой недѣли извѣстенъ подъ именемъ «Девятника» (возсоединеніе Уніатовъ съ Православною Церковью). Пятницу десятой недѣли называютъ «Десятухой.» Кромѣ этой пятницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, празднуютъ еще слѣдующія: первую пятницу послѣ Рождества Христова, пятницу на Масляницѣ, на Свѣтлой Недѣлѣ, пятую послѣ Пасхи, такъ называемую «градобойную» или «ледоватый день;» среду и пятницу послѣ Пятидесятницы и указанную «Десятуху.»

При опредѣленіи подвижныхъ праздниковъ селяне обращаютъ вниманіе на то, «какого они тыдня пильнуюць по коладахъ,» т. е., послѣ Рождественскихъ праздниковъ. Опять, чтобы знать, въ какой день прилучится данный праздникъ, селяне припоминаютъ, въ какой день приходился тотъ же праздникъ въ прошломъ году: въ нынѣшнемъ году онъ будетъ днемъ позже. Высокосный годъ, «переступный» или «прибытковый,» нарушаетъ, какъ извѣстно, такой порядокъ. Селяне знаютъ это, и «прибытковый» годъ опредѣляютъ по «Сорокамъ» (40 Мучениковъ). Это

первый праздникъ послѣ 29-го Февраля; если «Сороки» пришлись въ день не по счету, годъ настоящій, значитъ, высокосный, «переступной,» и всѣ уже послѣдующіе праздники будутъ приходиться днемъ позже.

Запримѣчено, что въ одинаковый день съ праздникомъ Р. Хр. совпадаютъ: Новый Годъ, день мученицы Агаѳіи и, если годъ «непереступной,» то Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ и Покровъ считается такъ: отъ Рождества до Благовѣщенія двѣнадцать недѣль, до Юрія весенняго шестьнадцать, до Николы весенняго двадцать, до Ивана Крестителя двадцать шесть недѣль; До полнаго года остается столько же, но счетъ остающимся недѣлямъ ведется уже до слѣдующаго Рождества.

Послѣ Новаго Года, «черезъ недѣлю не допущая два дня,» бываетъ Богоявленіе, «Водохрещи.» «На шестой недѣлѣ отъ «колядъ» празднуютъ Срѣтеніе, «громницы.» «За три дня» до Срѣтенія почитается селянами «присвятокъ,» подъ именемъ «Василія да Григорія,» а три дня послѣ Срѣтенія, «присвятокъ Агаѳіи.» Три недѣли послѣ Срѣтенія «пчеловоды» празднуютъ 1-е и 2-е «Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя. На одиннадцатой недѣлѣ отъ колядъ считаютъ «Сороки,» на двѣнадцатой «Алексѣя,» на тринадцатой «Благовѣщеніе.» Если «Сороки» прилучились, положимъ, въ четвергъ, то «Алексѣй» будетъ въ пятницу, а Благовѣщеніе въ субботу. Спустя двадцать недѣль отъ колядъ празднуютъ «Николинъ день,» а на канунѣ его чествуется «Николинъ бацько.» Ровно за недѣлю до Николина дня нѣкоторыми мѣстностями празднуется, «Борисъ и Глѣбъ.» Послѣ Ивана Купалы (на двадцать шестой недѣлѣ), на двадцать седьмой считаютъ «Петра и Павла.» Въ три дня послѣ Петра бываетъ «Петрова матка,» т. е., положеніе ризы Пресвятой Богородицы. На тридцатой недѣлѣ, въ день одинаковый съ Петромъ и Павломъ, приходится «Илія.» На четвертый день послѣ Иліи, а недѣлю до заговѣнъ «Спасовки,» празднуютъ Бориса и Глѣба; на слѣдующій день «Анну;» въ какой день прилучится Анна, въ такой «Успеніе» черезъ три недѣли, и «Усѣкновеніе» черезъ пять недѣль. Отъ «Спаса» считаютъ уже, сколько недѣль осталось до слѣдующаго Рождества. Отъ «Госпожи» (15-го Августа) до «Госпожки» (8-го Сентября) считаютъ три съ половиною недѣли; столько же и отъ «Госпожки» до «Покрова;» отъ Покрова двѣнадцать недѣль до Рождественскихъ праздниковъ.» На слѣдующій день послѣ «Усѣкновенія» или

«Головосѣка,» селяне празднуютъ день тезоименитства Государя Императора. Ровно черезъ четыре недѣли отъ «Головосѣка» чествуютъ «Чудо Архистратига Михаила;» недѣлю спустя празднуютъ «Здвиженіе.» Ровно черезъ три недѣли послѣ Покрова бываетъ «Казанская Пречистая,» а черезъ четыре дня «Дмитеръ.» Недѣлю спустя послѣ «Дмитра,» «не допущая дня,» бываетъ «Кузьма и Дамьянъ, а ровно черезъ недѣлю послѣ Кузьмы и Дамьяна «Михайловъ день;» опять черезъ двѣ недѣли, «не допущая дня,» празднуютъ «Введеніе,» а еще черезъ пять дней «Юрія осенняго.» Спустя 10 дней послѣ Юрія чествуютъ «Варвару,» а на половинѣ—«Андрея.» Черезъ день послѣ Варвары бываетъ глубоко уважаемый селянами праздникъ «Николы зимняго,» а еще черезъ два дня «Зимняя Анна.» Отъ послѣдняго праздника до Рождества остается всего двѣ недѣли и два дня.

Мы указали главнѣйшія точки, около которыхъ Западноруссы собираютъ всѣ обстоятельства изъ своей жизни, распредѣляютъ свои занятія. Не во всѣхъ мѣстностяхъ Западной Россіи имѣютъ одинаковую важность тѣ, или другіе, праздники. Есть, конечно, свои обязанности у нарѣчныхъ жителей, рыболововъ, пчеловодовъ, «пущевыхъ,», чисто земледѣльцевъ; но у всѣхъ ихъ одинъ способъ времесчисленія по недѣлямъ, отъ извѣстнаго, или до извѣстнаго имъ, праздничнаго дня, который, въ свою очередь, «съ предъ часовъ карта карцѣ передаетъ.»

Подобно всѣмъ людямъ, и Западноруссы употребляютъ на своей жизни не одну и ту же пищу. Первое и самое видное въ этомъ отношеніи мѣсто занимаетъ хлѣбъ-соль. «Безъ соли, безъ хлѣба, худая бесѣда,» говоритъ пословица. Для всѣхъ, и для дѣтей, и для взрослыхъ, хлѣбъ составляетъ главную поддержку. «Хлѣбъ—кудрявъ: кто пришелъ, то вдрявъ,» говорятъ Западноруссы (Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). «Хлѣбъ въ домѣ,— хозяинъ, на работѣ—другъ, а въ дорогѣ—товарищъ.» Въ настоящее время исключительно почти хлѣбъ пекутъ чистый, безъ всякой примѣси, а въ недавнее время къ ржаной мукѣ примѣшивали мякину, картофельную, гороховую муку, даже кору древесную, или мохъ. Хлѣбъ большею частью пекутъ разъ въ недѣлю. Когда хлѣбъ садятъ въ печь, то не позволяютъ никому ни входить въ комнату, ни выходить; не исполнившій этого условія

будетъ, говорятъ, плѣшивый. Мы говорили уже о томъ уваженіи, какимъ вообще пользуется хлѣбъ у Западноруссовъ.

(Тамъ же.)

Къ хлѣбу требуется «приварокъ;» послѣдній составляютъ: горохъ, бобы, чечевица, разнаго рода крупа, капуста, свекла, сало, масло, мясо, молоко, грибы, ягоды. Приварокъ разнообразится, смотря по временамъ года, или же большей, или меньшей, важности наличныхъ дней. Весною, какъ только покажется зелень, селяне начинаютъ готовить «холодникъ.» варятъ щавель, потомъ охлаждаютъ его, прибавляютъ туда молодой зеленый лукъ, скрошивши его; примѣшиваютъ еще нѣсколько молока, много сметаны, и холодникъ готовъ. Пли же: берутъ хлѣбной квасъ, крошатъ туда лукъ, сваренныя яйца, прибавляютъ сметаны, и блюдо готово. Когда созрѣютъ огурцы, ихъ тоже крошатъ туда; а пока нѣтъ огурцовъ, то, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для вкуса и запаха, кладутъ опавшій огуречный цвѣтъ, или же огуречную траву.

(Вишнево, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Великая подмога для селянъ и наслажденіе, когда начнутъ созрѣвать у нихъ капуста, свекла, картофель. Капусту употребляютъ въ сыромъ видѣ, варятъ, квасятъ. Въ сыромъ видѣ употребляютъ ее преимущественно въ постные дни, и непремѣнно уже съ льнянымъ масломъ, или же съ растертымъ въ муку льнянымъ сѣменемъ; послѣднее въ такомъ видѣ извѣстно подъ именемъ «макухи.» Варятъ капусту, большею частію, съ небольшимъ кускомъ сала; сваренный, онъ растирается въ горшкѣ же, и пища въ такомъ видѣ подается на столъ. Квасятъ капусту на зиму, и употребляютъ ее до тѣхъ поръ, пока станетъ (Дорогичинъ, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще жарятъ въ головкахъ сырую, свѣжую капусту, и потомъ употребляютъ въ пищу. Это, какъ мы слышали, считается даже своего рода лакомствомъ (Озяты, Гродн. Губ. Кобрин. Уѣзда). Картофель употребляютъ селяне съ той поры, какъ начнетъ созрѣвать онъ, до того времени, пока станетъ. Варятъ картофель, что называется тутъ, въ «мундирахъ». и потомъ каждый очищаетъ его для себя уже при кушаньи. Изъ картофеля готовятъ супъ, тоже какъ и капусту, съ саломъ (рѣдко съ говядиной); варятъ картофельную кашу съ са-

ломъ, съ масломъ, или молокомъ, или же очищаютъ картофель, крошатъ его, жарятъ и ѣдятъ либо съ масломъ, либо съ саломъ, или же со сметаной. Свекла и квасъ являются въ сельскомъ быту на смѣну капустѣ, или картофелю и, подобно имъ, имѣютъ громадную важность.

(Вишнево, Вилен. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

Постомъ, и даже въ обыкновенное время, селяне ѣдятъ овсяный кисель. Извѣстное количество овсяной муки наливаютъ на ночь теплой водой. На другой день пропускаютъ его черезъ сито и варятъ до тѣхъ поръ, пока эта смѣсь не придетъ въ полугустое состояніе. Кисель, значитъ, готовъ; его ѣдятъ или съ постнымъ масломъ, или же разливаютъ въ миски, охлаждаютъ, и ѣдятъ съ сытой, съ молокомъ.

Въ постъ употребляютъ еще «милту» или толокно и «солодуху.» Овесъ заливаютъ водой, парятъ горячими камнями, сцѣживаютъ потомъ въ решето, сушатъ въ печи, толкутъ въ ступѣ, подсѣваютъ и везутъ на мельницу смолоть въ муку. Въ случаѣ надобности, въ горшокъ насыпаютъ извѣстное количество этой муки, разбавляютъ ее холодною водою, примѣнительно къ личному вкусу, гуще, или рѣже, прибавляютъ немного соли и употребляютъ въ пищу. На сѣнокосахъ, въ жаркое время, толокно составляетъ очень полезную пищу, питательную и, съ тѣмъ вмѣстѣ, утоляющую жажду.

(Залѣсье, Ошмян. Уѣзда Вилен. Губ. Ср. Вил. Вѣстн. 1860 г. № 7.)

«Солодуха» приготовляется изъ ржаной муки. Муку заливаютъ въ горшкѣ холодною водою и ставятъ на ночь въ теплую печь. На другой день, смотря по надобности, прибавляютъ къ этой смѣси горячей воды, переливаютъ ее въ другой деревянный сосудъ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока не вскиснетъ. Этимъ и оканчивается все приготовленія солодухи. Когда она вскиснетъ, ее ставятъ въ холодное мѣсто, и потомъ, по мѣрѣ надобности, употребляютъ или съ хлѣбомъ, или съ картофелемъ. За одинъ разъ обыкновенно приготовляютъ солодуху на нѣсколько дней (Тамъ же). Въ Гродненской Губерніи (Дорогичинъ, Кобр. Уѣзда) есть въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности. Предварительно приготовляютъ еще самый солодъ. Берутъ извѣстное

количество ржи, и заливаютъ ее водою. Поставивши это въ тепломъ мѣстѣ, держатъ нѣсколько дней, пока на зернахъ не появятся ростки. Тогда выливаютъ воду, а самую рожь высушиваютъ; лучше всего, если это можно сдѣлать на солнцѣ. Высушенная рожь перемалывается потомъ въ муку. Дальнѣйшее приготовленіе солодухи указано выше. Селяне думаютъ, что не каждая хозяйка можетъ приготовить хорошую солодуху, а только та, у которой длинныя пяты.

(Тамъ же.)

Для приданія пищѣ вкусу селяне, большею частію, употребляютъ грибы. Мяса въ деревнѣ вообще кому бы то ни было достать трудно, а селянину и подавно; развѣ осенью, зимой, когда въ хозяйствѣ оказывается лишнимъ какой ни будь баранъ, селянинъ его рѣжетъ и устрояетъ пирушку. Впрочемъ, у селянина бываетъ запасъ вяленой свиной говядины въ различныхъ видахъ: ею онъ и пробавляется. За то грибы очень часто являются въ его «стравахъ,» какъ необходимая принадлежность. Сборъ ихъ достается селянину совершенно даромъ, и, если «лѣто грибовно,» то за нихъ онъ зарабатываетъ еще нѣсколько рублей.

(Тамъ же.)

Ежедневную прѣсную пищу селянина составляетъ «крупникъ,» супъ изъ крупы гречневой, ячменной; его смѣняетъ «затирка,» приготовляемая изъ «приварковой» муки. Послѣдняя составляется изъ ячменя, гороху, бобу, ржи, гречихи. По временамъ ѣдятъ и кашу. Каша считается своего рода роскошью. «Послѣ каши,» говорятъ селяне, «никакого приварка нѣтъ.»

(Марково, Вил. Губ. Ошмян. Уѣзда.)

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ стряпня селянъ значительно измѣняется: дѣлается гораздо сложнѣе, богаче. Въ воскресенье вы увидите блинцы, яичницу, морковь съ картофелемъ, и молокомъ, а, пожалуй, и бутылку водки. Чѣмъ больше значенія для селянъ имѣетъ праздникъ, тѣмъ обильнѣе бываетъ трапеза. Къ Пасхѣ, большею частію, готовятъ жаренаго поросенка, пѣтуха, жаренное изъ телятины, говядины: охотники припасаютъ и дичь. Запасаются, конечно, яичками, колбасами, сыромъ, масломъ, пирогомъ (въ различныхъ видахъ и названіяхъ). На пер-

вую кутью (канунъ Рожд. Хр.) устрояютъ примѣрно слѣдующія блюда: селедка, верещака изъ селедки съ лукомъ и поливкою (ухой), оладьи, крупникъ кислый, овсяный кисель, груца (толченый ячмень, кутья) съ сытою. Кутья составляетъ заключительное блюдо и въ большіе праздники (Въ Гродн. Губ. Дорогичинъ, Кобр. Уѣзда). Еще недѣли за двѣ передъ праздникомъ Рождества Христва селяне стараются приготовить «груцы» на столько, чтобы стало ее на «всѣ коляды,» на двѣ недѣли. Даже бѣдный селянинъ, хотя одолжитъ ячменя «на отроботокъ» лѣтомъ, а все таки постарается приготовить кутью. Богатый или щедрый вечеръ, какъ показываетъ самое названіе, бываетъ еще роскошнѣе; тогда бываетъ мясное. На «Дѣды» опять приготовляютъ кутью, либо кашу, кулишь, борщъ, юшку, горохъ, студень, морковь, яичницу, сыръ, пироги; подаютъ потомъ молоко, или пиво; конечно, бываетъ и водка. Вообще нужно замѣтить, что въ праздникъ, или въ заговѣны, селянинъ позволитъ себѣ коечто лишнее. Относительно заговѣнъ существуетъ даже пословица: «На запуски на два куски.» За то онъ ни какъ не рѣшится нарушить постъ; даже больной не позволитъ себѣ оскоромиться. Одинъ солдатъ изъ Западноруссовъ (разсказываетъ одинъ Священникъ) прислалъ роднымъ деньги изъ Курляндіи, гдѣ находился на постоѣ. Онъ просилъ ихъ дать на обѣдню, чтобы, по его словамъ, замолить его грѣхъ: «У лютровъ, молъ, онъ принужденъ ѣсть скоромное, а постовъ у нихъ нѣтъ.»

(Вил. Вѣстн. 1869 г. № 6.)

По праздникамъ у селянъ бываютъ, такъ называемые, «перезывы.» Перезывы эти состоятъ въ томъ, что родные идутъ одинъ къ другому на обѣдъ, ужинъ, и проч.; если сегодня, примѣрно, одна семья гостила, такъ сказать, у другой, въ слѣдующій разъ роли мѣняются. «Перезывы» продолжаются дня два, три, иногда даже недѣлю, бываютъ и одинъ день. Время для «перезывовъ» избирается лѣтнее.

(Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор Уѣзда.)

Еще меньше разнообразія мы встрѣтимъ въ сельской одеждѣ. Лѣтомъ и зимою, въ будни и праздникъ, каждый селянинъ носитъ рубаху и подштанники, которые, смотря по важности дня, бываютъ то чище и тоньше, то дѣлаются грязнѣе (отъ занятій)

и грубже. Посверхъ рубахи лѣтомъ надѣваютъ куртку. Все это шьется изъ холста домашняго приготовленія. Въ праздникъ, вмѣсто куртки, носятъ жилетъ, завязываютъ платокъ и, когда отправляются въ церковь, или въ гости, то надѣваютъ свитку, сермягу изъ сукна. Свитки въ той, или другой, мѣстности, имѣютъ свой особенный цвѣтъ. Если въ Гродненской Губерніи придерживаются болѣе сѣраго цвѣта (сукно для свитокъ тоже дѣлаютъ сами), то въ Минской болѣе употребляютъ сукно чернаго цвѣта. Найбѣднѣйшій селянинъ, разсказывали намъ о Слуцкомъ Уѣздѣ, всѣми мѣрами старается имѣть хотя для праздника свитку чернаго сукна. Все лѣто почти ходятъ босикомъ; въ праздникъ только надѣваютъ сапоги; косить, впрочемъ, многіе отправляются въ лаптяхъ. На голову надѣваютъ картузъ, а во многихъ мѣстностяхъ соломенные «капелюши,» дѣлаемые самими же селянами. Зимою посверхъ подштанниковъ надѣваютъ суконные штаны, а подъ свитку кожухъ. На головѣ носятъ бараньи шапки, или картузы; ноги закутываютъ, если въ лаптяхъ, постолахъ, въ суконныя онучи. Свитку, кромѣ того, что она бываетъ застегнута на крючки, подпоясываютъ еще узкимъ кожанымъ, или разноцвѣтнымъ шерстянымъ доморощеннымъ поясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояса (широкіе, яркихъ цвѣтовъ) носятъ мужчины женатые; парни молодые, холостые, подпоясываются только «крайками» (поясъ блѣдныхъ цвѣтовъ, шириною пальца въ два). Къ поясу привязываютъ обыкновенно ножъ, а кто куритъ, то мѣшокъ «съ тытюномъ и кресиво.» Черезъ плечо бываетъ перекинута «калитка, или калита,» гдѣ хранится нѣсколько копѣекъ.

Женщины, кромѣ рубахи и юбки, «сподницы,» носятъ еще обыкновенно «хвартухъ» (передникъ). Посверхъ рубахи лѣтомъ нѣкоторыя надѣваютъ холщевую куртку, какъ и мужчины, только покороче; другія, «корсеты» изъ сукна или какой ни будь матеріи, родъ мужской жилетки. На головѣ при работахъ обыкновенно бываетъ платокъ. Это въ будни. Въ праздникъ надѣваютъ «свитку,» «черевики,» шею украшаютъ разнаго рода «пацерками,» бисеромъ, или коралломъ изъ стеклåруса, въ нѣсколько нитокъ; на рукахъ, на пальцахъ бываютъ видны кольца изъ мѣди, или кости, а въ уши продѣваютъ томпаковыя серьги. Голову повязываютъ дѣвушки платкомъ бѣлымъ, или разноцвѣтнымъ, и къ нему весною и лѣтомъ пришпиливаютъ большое количество зелени; замужнія женщины носятъ «наметку,» чепецъ или «каптуръ;» къ

послѣднему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришиваютъ покровы (въ родѣ клапановъ) на уши, которые обыкновенно бываютъ изъ шелку, атласу, вообще дорогой матеріи. Этотъ каптуръ внизу подбородка завязывается лентами, прикрѣпленными къ наушникамъ. Ленты составляютъ тоже немалое украшеніе у селянокъ, а при свадьбѣ ихъ должно быть по возможности больше. Зимою женщины, какъ и мужчины, закутываются въ тулупы, которые у жен щинъ бываютъ посверхъ остальнаго платья. Все разнообразіе одежды состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, что въ праздникъ и вообще въ дни, имѣющіе для селянъ особое значеніе, одѣваются въ платье почище, потоньше, цвѣтовъ болѣе яркихъ; особенно соблюдаютъ это дѣвушки.

Что касается дѣтей, то тутъ ужь нужно замѣтить, особенно проявляется Промыслъ Божій. Лѣтомъ и зимою они ходятъ въ одномъ и томъ же, чуть не Адамовскомъ, одѣяніи. Зима и лѣто, осень и весна, для нихъ какъ бы не составляютъ перемѣнъ года. Мы сами видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ зимою копаются въ снѣгу точно такъ же, какъ лѣтомъ въ пескѣ. Еле только весною начинаетъ таять снѣгъ, какъ они съ артистическимъ наслажденіемъ плещутся уже въ лужахъ, образовавшихся отъ таянія снѣга..... И ничто, кажется, не вредитъ имъ; все, напротивъ, какъ будто полезно имъ, укрѣпляетъ ихъ. Самъ Богъ, конечно, охраняетъ ихъ.

Но вотъ заболѣлъ кто нибудь въ семьѣ селянина. Тогда онъ обращается къ своего рода медицынѣ. Первое мѣсто занимаетъ тутъ знахарство, разнаго рода примѣты; только въ крайности ужь селянинъ прибѣгаетъ къ доктору, или фельдшеру, и употребляетъ нужныя лѣкарства, Въ каждой, большею частію, деревнѣ есть извѣстныя своимъ знахарствомъ личности: главнымъ образомъ ихъ представляютъ какія нибудь старухи, бабы. Обыкновенныя средства, которыя онѣ употребляютъ при своемъ искуствѣ, состоятъ въ разнообразныхъ символическихъ дѣйствіяхъ, въ предложеніяхъ больному пользоваться нѣкоторыми таинственными яко бы травами, хлѣбомъ и т. под. Съ наступленіемъ лѣта, знахарки обыкновенно стараются запастись возможно большимъ количествомъ цѣлебныхъ, по ихъ мнѣнію, травъ. Болѣе всего собираютъ липовый цвѣтъ, который извѣстенъ какъ средство противъ простуды, кашля. На поляхъ и въ лѣсахъ собираютъ «чаборъ (Satureа hortensis), дзиванну (Царскій скипетръ, (Verbas-

cum Thapsus), пижму (Tanacetum vulgare), лопухъ (Lappa major), Святоянское зелье (звѣробой, Hypericum perforatum), папортникъ, его коренья, можевеловыя ягоды, стропстъ (Onopordon Acanthium). Въ день Іоанна Крестителя, или на Успеніе Божіей Матери, травы эти освящаются въ церкви; священнодѣйствіе сообщаетъ имъ еще большую цѣлебную силу. Селяне думаютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, если, на пр., кто ни будь «урокъ» (сглазилъ) скотину, или человѣка, достаточно совершить только «окуреніе» освященными травами, чтобы отъ «урока» не испытать никакихъ вредныхъ послѣдствій, или же благополучно миновать ихъ.

(Миръ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Противъ желудочной боли употребляютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, воробьевы глазки (Brizamedia), сердечникъ (Leonurus cardiaco, S. Erytraea centaurium), прострѣлъ (Pulsatilla vulgaris)». Парятъ зелье и настой даютъ пить больному, употребляютъ цытваръ (противу глистовъ), соль и золу, смѣшанную съ водою, или золу съ водкою; очень часто приставляютъ къ желудку стаканъ (родъ банки) **(Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда)**. Въ другихъ мѣстахъ **(Вилен. Губ. Вилейск. Уѣзда)** призываютъ бабу заговорить больнаго. Знахарка беретъ кусокъ хлѣба, разламываетъ его на пять частей и довольно продолжительно выкатываетъ ихъ по больному желудку. Потомъ произноситъ слѣдующій заговоръ: «№ перепалахъ на мядвѣди, на лисы, на барсуки, на лятучія пташата, на жищирину, на чортопохилину, съ ёго іонъ ёму подпадая, няхай іонъ тамъ марне прападая, ци іонъ зо сну, ци іонъ зъ ночи, ци зъ вѣтру, ци іонъ зъ свиней, ци зъ сабакъ, ци зъ гусей, ци зъ курей, ци іонъ батьковъ, ци іонъ мацеринъ, няхай іонъ тамъ прападая, гдзѣ косы не косяць, гдзѣ людзи ня ходзяць, няхай іонъ тамъ прападае, а майму № здарово дая.» Заговоръ повторяется три раза. Больного потомъ заставляютъ три раза плюнуть на хлѣбъ, катанный по его желудку, и самый хлѣбъ отдаютъ собакѣ. Болѣзнь очень часто не уступаетъ этой ворожбѣ; тогда говорятъ, что она «затянулась.» Въ Сокольскомъ Уѣздѣ (Гродн. Г.) противъ глистовъ употребляютъ лукъ: выжимаютъ изъ него сокъ, мѣшаютъ съ коноплянымъ масломъ, и эту смѣсь (въ одинаковой мѣрѣ) употребляютъ по столовой ложкѣ на тощахъ. При слабости желудка тоже употребляютъ сокъ изъ луку, но смѣшанный съ сахаромъ до густоты сыропа.

(Тамъ же.)

Если явится чирей на поверхности тѣла, то прикладываютъ его или «полевымъ грибомъ,» или листьями «шелеговъ» (Althea) и бабки» (придорожникъ, Plantago major), намазанными сметаною, или свинымъ саломъ; если чирей находится внутри человѣка, то парятъ и даютъ пить ему «расходникъ» (Glechoma), чтобы вызвать ту болѣзнь наружу (Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Для ускоренія нарывовъ и смягченія ихъ употребляютъ лукъ, свареный въ молокѣ, или водѣ; или же печеный лукъ съ хлѣбнымъ мякишемъ и солью (Соловка, Гродн. Губ.). Если болитъ голова отъ угара, къ ней прикладываютъ снѣгъ; въ другихъ случаяхъ, когда селяне не могутъ отгадать причины боли головы, послѣднюю обкладываютъ бѣлыми тряпками, намочеными въ соленой водѣ. Если случится сдѣлать себѣ ножомъ, или топоромъ, рану, то ее засыпаютъ «вересковымъ порошкомъ» (Lycopodium?). Если въ ранѣ замѣтно гніеніе, то употребляютъ для засыпки «волчью табаку» (Scleroderma cervinus?). Если женщина во время жатвы повредитъ себѣ серпомъ руку, то тутъ же она беретъ зелье ранникъ, крвавникъ,» растираетъ его и прикладываетъ къ ранѣ. Во время болѣзни глазъ, моютъ ихъ водою, взятою изъ трехъ ключей (Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Если кто ни будь болѣнъ лихорадкою, прежде всего его стараются испугать: во время сна его окатываютъ холодной водой, заставляютъ ити цѣловать мертвеца, посылаютъ ночевать на кладбище, или въ лѣсъ подъ осину; больному даютъ пить сокъ, выжатый изъ васильковъ, вмѣсто холодной воды теплую, нагрѣтую съ окорками хлѣба; даютъ еще пить настой изъ нѣкоторыхъ веществъ, и даже самыя жидкія вещества (конечно, помимо вѣдома больнаго), такія, о которыхъ неудобно говорить въ печати. Иногда считаютъ полезнымъ дать больному черезъ мѣру наѣсться, или напиться того, чего особенно ему хочется. Считаютъ такъ же хорошимъ средствомъ хлѣбъ, освященный въ Ѳомино Воскресенье (Овяты, Кобр. Уѣзда Гродн. Губ). Въ Вилейскомъ Уѣздѣ (Вил. Губ.) употребляютъ слѣдующее средство: завидѣвши въ первый разъ съ наступленіемъ весны аиста, дикаго гуся, жеребенка, говорятъ: «На тихое лѣто, на буйное жито, а намъ на доброе здоровье!» Въ это время завязываютъ узелъ на поясѣ и сохраняютъ его, какъ противъ лихорадочное средство. Если бы съ такимъ человѣкомъ приключилась лихорадка, то достаточно развязать упомянутый узелъ, чтобы избавиться отъ непрошеной «тетки.» Но почти всегда бываетъ, что лихорадка не уступаетъ предъ развя-

зываніемъ узла. Тогда говорятъ, что завязавшій его несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Противъ «коликъ» употребляютъ отваръ изъ льнянаго сѣмени, смѣшавъ его съ мукою. Прибѣгаютъ и къ такому средству: призываютъ старуху, которая расплавляетъ на сковородѣ свинецъ, или воскъ, и потомъ надъ болящимъ льетъ расплавленное въ холодную воду. Получаются разнаго рода фигуры: по виду и формѣ этихъ фигуръ знахарка объясняетъ причину и послѣдствія болѣзни. Или же: беретъ ножъ, его концомъ придавливаетъ нѣсколько разъ больное у человѣка мѣсто, и за всякимъ разомъ вбиваетъ его въ стѣну. Бываетъ и такъ: знахарка забирается на печь, съ разными приговорами бросаетъ оттуда на землю ножъ: считаютъ хорошимъ признакомъ, если ножъ вобьется остріемъ въ землю; въ противномъ случаѣ для больнаго плохія надежды. Если является между пальцами наростъ, «мизиперстница», то для истребленія его прикладываютъ свиное сало, толченое съ корнями растенія, извѣстнаго у селянъ подъ названіемъ пальцевъ «мизиперстницы» (Orchis masada). Если послѣ тяжелыхъ работъ сильно заболятъ ноги, или руки, къ нимъ прикладываютъ пареный овесъ, или сѣно, взятое изъ яслей. Въ болѣзняхъ горла, если онѣ происходятъ отъ чирея внутри, прежде всего, самое горло стараются держать въ теплѣ, дѣлаютъ изъ разнаго зелья припарки и въ бѣлыхъ тряпкахъ прикладываютъ къ шеѣ. Если горло болитъ отъ того, что въ немъ «опалъ язычекъ», послѣдній поднимаютъ ложкою, или пальцемъ руки, предварительно обмазавши ихъ медомъ; потомъ даютъ кушать чеснокъ, жареный съ масломъ. Въ болѣзняхъ груди отъ сильнаго кашля даютъ пить «пареное сочиво или люкрецію» (Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Противъ сильнаго кашля употребляютъ слѣдующее средство: берутъ головки двѣ чесноку, очищаютъ ихъ, толкутъ, прибавляютъ туда свинного сала столько, чтобы оно могло быть проникнуто чеснокомъ; изъ всего этого дѣлаютъ одну смѣсь, прибавляютъ два яйца, размѣшиваютъ такъ, чтобы получился видъ тѣста. Этой мазью, ложась спать, натираютъ до колѣнъ ноги, особенно подошвы. Такое дѣйствіе повторяется три дня сряду, не выходя изъ дому (Соколка, Гродн. Губерніи). Случается иногда, что дѣтя боится своей тѣни. Тогда родители селяне ставятъ его на солнышкѣ, большею частію у порога избы, и ножомъ изъ подъ самыхъ ногъ его берутъ немного земли. Перемѣшавъ ее вмѣстѣ съ освященнымъ зельемъ, окуриваютъ имъ дѣтя.

(Цирнинъ, Минск. Губ. Новогородск. Уѣзда.)

Многіе селяне считаютъ главною причиною болѣзней «поврохи, уроки.» Чтобы обезопасить себя отъ нихъ, они напередъ стараются выполнить нѣкотораго рода условія, которыя, по мнѣнію селянъ, уничтожаютъ разрушительную силу «поврововъ.» Нѣкоторыя изъ этихъ условій мы уже видѣли. Укажемъ еще нѣсколько. Увидѣвши новую луну, «молодзика», селяне говорятъ: «Князь маладой, рогъ залатой! табѣ нябо карона, а намъ доброе здаровье!» (Вилейск. Уѣз. Виленск. Губерніи). При такомъ постоянномъ привѣтѣ новолунія, пожеланія злыхъ людей не будутъ яко бы имѣть силы и дѣйствія. Когда загремитъ въ первый разъ послѣ зимы, селяне, особенно женщины, гдѣ бы онѣ ни находились, начинаютъ кувыркаться, на твердой ли землѣ, или въ грязи, на навозѣ: цѣлый годъ отъ этого будутъ здоровы (Тамъ же). Воду, въ которой передъ ночью купали маленькое дѣтя, не нужно выливать сейчасъ же: это можетъ повредить ребенку. Лучше всего ее вылить на слѣдующій день утромъ. Вымытыя дѣтскія пеленки не должно катать въ каткѣ, а перетирать въ рукахъ: ребенка не будутъ мучить желудочныя боли, вѣтры. Нельзя сушить на дворѣ мокрыхъ пеленокъ: въ нихъ можетъ закрасться злой вѣтеръ и повредить дѣтяти. Если мать неосторожно положитъ дѣтя въ ногахъ поперекъ своей постели, ребенку отъ этого можетъ приключиться рожа, сыпь, или другая подобная болѣзнь. Когда беременная женщина тянетъ изъ колодца воду, должна стараться не перелить ея; иначе дѣтя можетъ родиться калекою. Беременная женщина избѣгаетъ ссоры съ сосѣдкою; иначе она сдѣлаетъ знакъ на двери, и дѣтя тогда родится съ раздвоенною челюстью.

(Ср. Матер. для Географ. и Статист. Россіи, Коревы, 613, 614, и Бобровскій, 1824).

Если въ селеніи появляется какая ни будь повальная болѣзнь, селяне принимаютъ противъ нея свои мѣры. Иногда они прибѣгаютъ къ обыденному полотну или «кроснамъ», средство, которое употребляютъ они и противъ засухи (Мы указали его выше). Иногда кругомъ деревни дѣлаютъ «опашку.» Опашка совершается обыкновеннымъ образомъ; но дѣло въ томъ, что и самъ пахарь долженъ быть близнецъ и волы его—тоже близнецы, и все, входящее въ составъ сохи, и самая соха, должны быть сдѣланы близнецомъ; если что ни будь, хотя малѣйшая палочка, относяща-

яся къ сохѣ, будетъ заострена не близнецомъ, все дѣло тогда нужно считать погибшимъ. Если указанныя условія удовлетворены, тогда пахарь-близнецъ, сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, въ самую полночь отправляется дѣлать «опашку.» Проведши борозду кругомъ деревни, пахарь, а съ нимъ и всѣ присутствующіе, возвращаются домой (Кобр. Уѣзда Грод. Губерніи). Повальная пройдетъ. Иногда причиной ея считаютъ кого ни будь изъ умершихъ, или живыхъ: въ первомъ случаѣ, для избавленія отъ бѣды, разрываютъ могилу воображаемаго виновника, отрубаютъ ему голову, кладутъ между ногъ и снова зарываютъ; въ послѣднемъ живого человѣка зарываютъ въ землю.

(Сравн. Бобровскій I, 826.)

Противъ болѣзни скота у селянъ есть тоже свои средства. Если начнутъ заболѣвать свиньи, имъ даютъ супъ, сваренный съ корнями растенія, называемаго «свинымъ зельемъ.» Если замѣчаютъ, что кусаются маленькіе утенята, или гусенята, значитъ, ихъ кто ни будь сглазилъ: ихъ берутъ, садятъ на решето и курятъ освященнымъ зельемъ; при этомъ приговариваютъ: «Нехай ему церло въ горло!» (Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда). Въ Могилевской Губ. въ Чериковскомъ Уѣздѣ, приболѣзни кормленнаго борова, призываютъ старуху знахарку. Знахарка идетъ, неся съ собою старый «пральникъ» (его употребляютъ при мытьѣ бѣлья) и старый мѣшокъ: предметамъ этимъ должно быть не меньше десяти лѣтъ; иначе не ждать помощи борову. Въ согрѣтую печь знахарка кладетъ указанныя вещи и прибавляетъ къ нимъ яйцо. Пока эти предметы согрѣваются въ печкѣ, знахарка тоже согрѣвается: ее угощаютъ водкой, яичницой. Закусивши и выпивши порядкомъ, знахарка беретъ «пральникъ», мѣшокъ и яйцо, отправляется въ хлѣвъ, отираетъ принесенными вещами борова около ушей и горла. Во время своего дѣла знахарка зѣваетъ, показываетъ этимъ, будто болѣзнь отъ борова переходитъ къ ней. Въ заключеніе она говоритъ: «Скачи, здоровъ!» и идетъ въ избу. Тутъ начинаетъ она распространяться о причинѣ и свойствахъ настоящей болѣзни борова, и все дѣло въ концѣ концовъ сводится къ «повроку» или «уроку.» Въ довѣреной бесѣдѣ знахарк аназываетъ даже человѣка съ этакимъ несчастнымъ глазомъ. Передъ захожденіемъ солнца, знахарка снова идетъ смотрѣть борова, обноситъ его солью, и потомъ самую соль бросаетъ въ огонь. Тутъ она произноситъ фор-

мулу своего секрета: «Чтобъ у того человѣка, который смотрѣлъ борова нехорошими глазами, трещала душа, какъ трещитъ соль на огнѣ! Соль тебѣ у очи, молнія у зубы, трискучее полѣно у колѣно!» знахарка при этомъ дуетъ и плюетъ на огонь. Кругомъ должна царствовать тишина; сохрани Богъ, кто ни будь нарушитъ ее: такого знахарка засыплетъ ругательствами, проклятіями. Даже крикъ ребенка не допускается; иначе знахарка не отвѣчаетъ за бездѣйственность своей ворожбы. Она за свой трудъ получаетъ извѣстную плату. Если боровъ не поправляется, знахарка говоритъ, что у него «заушница,» болѣзнь неизлѣчимая; остается одно средство послѣднее—убить борова. Хозяева слушаются: колютъ борова, и знахарка за медвѣжью услугу снова получаетъ чуть не львиную часть.

Когда волкъ зарѣшетъ козу, то, говорятъ селяне, голову ея закапываютъ въ землю. Жители той деревни, откуда пропала коза, непремѣнно стараются отыскать ея голову, чтобы на будущее время предохранить свой скотъ отъ волковъ. Но тутъ нужно соблюсти еще нѣкоторыя обрядности: нашедши искомую голову, къ рогамъ ея привязываютъ поясъ; поясъ этотъ, въ свою очередь, надѣваетъ кто ни будь изъ селянъ, предварительно вложивши на него замкнутый замокъ. Въ такомъ видѣ указанный селянинъ идетъ по границѣ земли своей деревни и тащитъ за собою голову. Обошедши границу полей, селянинъ отвязываетъ голову и бросаетъ ее; самъ идетъ домой. Послѣ этого, думаютъ, волки уже не будутъ таскать скота. Но, каждому понятно, на сколько разумны и основательны подобныя ожиданія.

(Могил. Губ. Чериковск. Уѣзда.)

Чтобы облегчить положеніе отелившейся коровы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ей приготовляютъ «троянку:» берутъ по немногу всякихъ семянъ, какія только есть у хозяина, ссыпаютъ ихъ въ одинъ горшокъ, отрѣзываютъ немного отъ каждаго изъ угловъ стола, берутъ сажи и все это бросаютъ туда же, гдѣ сѣмена; вливши еще сюда воды, начинаютъ варить; отваръ этотъ даютъ коровѣ ѣсть, предварительно накрывши ее какимъ ни будь платьемъ.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Когда является на скотъ какая ни будь повальная болѣзнь, селяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: на цѣлую

ночь собираются въ какой ни есть домъ, мужчины въ одну комлату, женщины въ другую. Мужчины должны приготовить крестъ, вывезти его за деревню и поставить на той дорогѣ, по которой болѣе всего ходитъ скотъ. Женщины, въ свою очередь, въ продолженіе ночи должны напрясть, соткать, выбѣлить «ручникъ» (полотенце) и еще до свѣта повѣсить на вновь поставленномъ крестѣ. Послѣ этого можно ожидать прекращенія повальной.

(Озяты, Кобр. Уѣзд. Гроднен. Губерніи.)

Когда умираетъ кто ни будь въ семьѣ сельской, то первымъ дѣломъ считаютъ «дать на позвунное,» чтобы въ церкви позвонили за душу умершаго. Еще заблаговременно селяне по нѣкоторымъ признакамъ наблюдаютъ за опасно больнымъ, умретъ ли онъ, или выздоровѣетъ. Если, сохрани Богъ, сова на чьемъ ни будь дворѣ отзывается плачливымъ голосомъ, въ семьѣ кто ни будь захвораетъ; если же стонетъ протяжно, то тѣмъ предсказываетъ она похороны. Больному въ критическую минуту даютъ громничную свѣчу. Когда она потухнетъ, примѣчаютъ, куда пойдетъ отъ нея дымъ: если пойдетъ за двери, больной умретъ; если разойдется по комнатѣ, выздоровѣетъ (Вилен. и Гродпен. Губерній). Признакомъ смерти считаютъ «обсѣвъ.» Если булка хлѣба при печеніи раздвоится сверху до низу, въ домѣ кто ни будь умретъ. То же предвѣщаетъ чириканье стрекозы и пѣніе курицы по пѣтушиному.

(Цырнинъ, Новогор. Уѣзд. Минск. Губерніи.)

По умершемъ должна плакать родня; если некому плакать, то нанимаютъ нарочныхъ для этого дѣла плакальщицъ. Умершаго по Христіянскому обычаю обмываютъ, одѣваютъ; надѣваютъ то платье, которое умершій особенно любилъ. Холостыхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одѣваютъ въ настоящемъ случаѣ какъ къ вѣнцу (Верховичи, Гроднен. Губ. Слон. Уѣзда). Кладутъ потомъ умершаго за столомъ на лавѣ, покрывъ его бѣлымъ полотномъ и сложивъ на груди руки. Столъ покрываютъ бѣлою скатертью, кладутъ булку хлѣба, ставятъ бутылку водки для угощенія приходящихъ посѣтить умершаго. Приходящіе становятся на колѣни, молятся Богу о спасеніи души усопшаго, о принятіи ея въ рай, потомъ закусываютъ и возвращаются домой. При наступленіи погребенія, передъ выносомъ, по совершеніи панихиды, умершаго полагаютъ въ «труну» (гробъ).

Когда умретъ дѣтя и ему дѣлаютъ гробъ, то при этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, боятся употреблять желѣзные гвозди: иначе въ семействѣ не будетъ больше дѣтей. Собираютъ такъ же щепки отъ сдѣланнаго гроба, выбрасываютъ на улицу и наблюдаютъ, чтобы кто ни будь не разводилъ ими огня: въ противномъ случаѣ въ домѣ часто будутъ умирать дѣти (Корева, 614). Въ гробъ вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ и то, что особенно любилъ онъ при жизни, на пр., курительный, или нюхательный, табакъ, или же бутылку водки. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, по свидѣтельству очевидцевъ, въ случайно разрытыхъ могилахъ находили указанные предметы (Верховичи, Слон. Уѣзд. Грод. Губерніи). Подъ подушку покойному кладуть разнаго рода зелье и травы, освященныя въ день Успенія Пресв. Богородицы, а поперекъ тѣла шерстяную нитку краснаго цвѣта (Бобровскій ч. 1-я, 838). Въ руки ему даютъ иногда два—три гроша и отвозятъ на кладбище. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ покойникъ до положенія его въ гробъ, кто ни будь разсѣваетъ горсть ржи, чтобы семейство покойнаго и послѣ него не терпѣло нужды (Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губерніи). Иногда это дѣлается послѣ выноса покойника на кладбище. Его сопровождаетъ родня, знакомые. Погребаютъ по Христіянскому обряду. Иногда, за отсутствіемъ Священника, по отдаленности, селяне совершаютъ погребеніе сами: тогда въ заключеніе они говорятъ «Дай, Боже, душеньцѣ его (ея) святлость вѣкуистую, а цѣлу—легкую землицу!» На могилу носятъ съѣстное: горшокъ съ кашей и ложкой, чтобы умершій имѣлъ наслучай чѣмъ подкрѣпиться.

(Бобровскій, I, 838.)

Послѣ погребенія семейство покойника устрояетъ закуску (въ Слон. Уѣздѣ называютъ ее горячее по умершемъ). Между прочими блюдами бываетъ «крупникъ,» макъ съ медомъ, блины...» Идутъ обычныя разсужденія о непостоянствѣ человѣческой жизни, заявляются сожалѣнія о покойникѣ. Особенно сожалѣютъ объ умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Говорятъ, что на томъ свѣтѣ имъ весьма тяжело: тамъ ихъ заставляютъ безъ отдыха, мужчинъ молотить, молоть рожь, рубить дрова, женщинъ печь хлѣбъ, варить кушанье, мыть бѣлье. Тамъ, говорятъ, работаютъ всѣ вмѣстѣ; послѣ работы садятся за одинъ общій огромный столъ, за которымъ сидитъ и самъ Богъ, и смотритъ, чтобы

всѣмъ было всего вдоволь. Когда за столомъ всѣ мѣста будутъ заняты, настанетъ конецъ міра, Страшный Судъ (Самара, Волынск. Губ. Ковельск. Уѣзда). Мѣсто для Страшнаго Суда нѣкоторые указываютъ на «Іоасафатовой долинѣ» (не Іоасафата Кунцевича, а Іудейскаго Царя; Вил. и Гродн. Губ.). По усопшемъ въ первый годъ совершаютъ «поминки,» по крайности, шесть разъ: на третины девятины, полусорочины, сорочины, полгодіе, годъ. Каждый годъ, кромѣ того, совершаются, какъ мы указали, «Дѣды.»

Многіе селяне вѣрятъ, что покойники ходятъ послѣ смерти. Такое вѣрованіе существуетъ особенно относительно тѣхъ лицъ, смерть которыхъ долго и сильно оплакиваютъ (родители и дѣти, супруги), или же которыя при жизни извѣстны были въ средѣ селянъ своимъ колдовствомъ, ворожбой. Внимая воплямъ, покойники по ночамъ являются яко бы къ плачущимъ по нихъ и дѣлаютъ свои распоряженія: изъ хлѣвовъ выгоняютъ скотъ, пересыпаютъ зерно, переставляютъ посуду. Вѣдьмы послѣ смерти являются какъ бы для того, чтобы давить живущихъ. Въ одномъ селѣ, разсказываютъ по этому случаю, была знатная вѣдьма; жила она очень долго, такъ что и «косы на головѣ посивѣли.» Случилось такъ, что послѣ смерти вѣдьмы очень замѣтно стали умирать «молодые.» Кто игралъ свадьбу, тотъ непремѣнно сейчасъ же и оплакивалъ ее: «бо якъ тôлько молодыи прійдуть зъ вѣнцю, побалюють трохы и лягуть спати, такъ и не встануть.» Нѣсколько лѣтъ прошло при такихъ обстостельствахъ. Молодежь уже начинала бояться жениться, или выходить замужъ. Вотъ одинъ богатый хозяинъ задумалъ женить своего сына: сосватали ему невѣсту. Въ назначенное время, «въ недѣлю рано,» молодые отправились въ церковь обвѣнчаться. Церковь была далеко, и имъ пришлось долго промедлить. Дома страшно безпокоились. Еще молодыхъ не было, а на дворъ дома, въ которомъ имѣли праздновать веселье, въѣхалъ горшечникъ. Онъ просилъ хозяевъ позволить ему остановиться у нихъ на ночь. Хозяева не соглашались; но потомъ уступили настоятельной просьбѣ горшечника и даже предложили ему коечто закусить. Въ бесѣдѣ хозяинъ и указалъ ему на нынѣшнее въ домѣ торжество, которое, однако, можетъ окончиться плачемъ: по тому что въ продолженіе нѣскольких лѣтъ, послѣ смерти извѣстной вѣдьмы, сейчасъ приходится оплакивать смерть молодыхъ. Горшечникъ погоревалъ вмѣ-

стѣ съ ними, а потомъ и замѣтилъ: «Я трохы знаюсь съ вѣдьмарьствомъ и могу помочи вашуй бѣдѣ.» Подъ вечеръ онъ взялъ два осиновыхъ кола, отправился на кладбище и усѣлся за однимъ камнемъ. Около полуночи изъ могилы вышла женщина-вѣдьма, и побѣгла по направленію къ той хатѣ, гдѣ была свадьба. Тогда горшечникъ пришелъ къ могилѣ, изъ которой вышла женщина, положилъ на нее крестообразно два осиновыхъ кола и самъ усѣлся тутъ же. Проходитъ часъ, другой, а вѣдьмы нѣтъ, какъ нѣтъ. Нетерпѣніе стало овладѣвать горшечникомъ. Наконецъ явилась вѣдьма и стала въ недоумѣніи при неожиданной встрѣчѣ. «Ты чого тутъ сидишь?» сказала она горшечнику—«А ты чого отсюль ходила, куды?» былъ отвѣтъ. «А тобѣ що за дѣло? Пусти!»—«Не пущу; скажи, куды ходила?»—«На село.»—«Чого?»—«На весѣлья.» — «А що ты тамъ робила?» — «Ныцъ не робила: пусти!» — «Не пущу, покюля не скажешь, що ты тамъ робила.» «Я ныцъ тамъ не робила: хотѣла тюлько подивитися на весѣлья, ажъ якъ я пришла, то вже молодые померли, и я пошла назадъ.» — «А чому оны померли?» — «Не вѣдаю; ну, пусти!» — «Ты не вѣдаешь, а я вѣдаю, що ты ихъ задушила.» (Озяты, Гродн. Губ. Кобр. Уѣзда). Подобными разсказами поддерживается у селянъ вѣрованіе въ хожденіе умершихъ послѣ смерти.

Въ заключеніе, къ своему очерку мы прибавимъ нѣкоторыя особыя примѣты селянъ, имѣющія въ ихъ быту важное значеніе; разскажемъ двѣ, три сказки, съ мѣстнымъ историческимъ значеніемъ и т. д.

Чтобы колдунья не отняла у коровы молока, надобно просверлить ей рогъ, залить его ртутью, и отверстіе залѣпить воскомъ. Если мышь съѣстъ кусокъ посвященой Пасхи, то превратится въ летучую мышь. Когда чешутъ волосы, или очищаютъ голову, то надобно потомъ зачесать волоса къ верху, иначе можно встрѣтиться съ волкомъ. Когда голосъ совы уподобляется плачу дѣтяти, это значитъ, что скоро незамужняя женщина будетъ имѣть потомка. Крикъ филина считается предвѣстникомъ урожая ржи. Воробьи превращаются въ мыши, а мышь въ воробьевъ, судя по времени года и перемѣнѣ въ воздухѣ. Если пѣтухъ запоетъ не въ обыкновенное время, то это предсказываетъ или дурную погоду, или несчастіе. Если услышатъ, что куры заводятъ необыкновенный шумъ, тотчасъ стараются прекратить его; иначе въ домѣ возникнетъ шумъ и ссора. Если курица

отозвется голосомъ, подобнымъ пѣтушиному, непремѣнно воспослѣдуетъ какой ни будь убытокъ въ домѣ. Чтобы предупредить бѣду, берутъ курицу и измѣряютъ ею пространство отъ лавки, стоящей у стола, до порога, перекидывая ее черезъ голову. Если наконецъ она встрѣтится головой съ порогомъ, отрѣзываютъ ей голову, а если хвостомъ, отрѣзываютъ хвостъ. Не должно сожигать старой метлы, иначе ястребъ будетъ душить куръ. Не должно никому подавать напитка чрезъ порогъ, чтобы не возникла ссора. Невѣста передъ вѣнчаніемъ не должна ни ѣсть, ни пить, у себя дома, иначе мыши будутъ дѣлать большой убытокъ въ кладовой, а гусеницы въ огородѣ. Если которая ни будь преступитъ это правило, должна на другой день послѣ свадьбы пойти къ сосѣдкѣ, и просить у нея чего ни будь въ займы. Если просьба ея будетъ удовлетворена, то мыши и гусеницы перейдутъ къ сосѣдкѣ. Богоязливыя женщины, не желая наносить вреда сосѣдямъ, идутъ въ лѣсъ, въ которомъ находится много сухихъ вѣтвей, и громко повторяютъ просьбу свою до тѣхъ поръ, пока какая ни будь сухая вѣтвь не задѣнетъ ихъ за одежду. Тогда уже мыши и гусеницы перейдутъ въ сухой лѣсъ. Кто разводитъ въ печи огонь, не долженъ говорить, ни оглядываться, хотя бы его звали; иначе огонь будетъ выходить изъ печи, и можетъ возникнуть пожаръ. Если молнія разобьетъ дерево, такъ что оно засохнетъ, не должно къ нему прикасаться, по тому что надъ его пнемъ пригвожденъ молніей злой духъ. Тронувъ такое дерево, можно освободить его. Но если дерево, разбитое молніей, не засохнетъ, то можно употребить его на свои надобности; по тому что въ такомъ случаѣ злой духъ ускользнулъ отъ громовой стрѣлы. Когда отъ молніи загорится домъ, утверждаютъ, что злой духъ спасся и зажегъ строеніе. Если же молнія не сдѣлала пожара, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ побѣды, одержанной надъ злымъ духомъ. Разставленныя въ костёлахъ березки въ день Св. Троицы, или въ праздникъ Тѣла Господня, тщательно собираютъ, обламываютъ вѣтви и водятъ ими по капустѣ на грядахъ, а потомъ кладутъ въ овинѣ подъ снопами. Это средство предохраняетъ капусту отъ гусеницъ, а хлѣбъ отъ мышей.

(Корева, 614—616.)

Вѣрятъ въ «Стригу и Мару.» Святой воды Стрига не боится; только осторожностію можно спасти себя отъ домового. Бере-

менныя женщины видѣли Стригу: это женщина высокаго роста, худая, блѣдная, со впалыми глазами; по вечерамъ она переходитъ съ одного двора на другой. Схвативши ребенка, Стрига колотитъ его такъ, чтобы мать слышала крики; для устраненія этого зла, дѣтей купаютъ передъ захожденіемъ солнца. Въ пятницу дѣтей купать не слѣдуетъ. При повитіи ребенка мать должна взять его за носъ три раза и стиснуть. Когда дѣтя боязливо, отыскиваютъ посредствомъ воска, перелитаго черезъ метлу, предметъ, котораго оно боится. Еще страшнѣе Мара, которая юношей и дѣвицъ давитъ во время крѣпкаго сна; отъ нея не можетъ избавиться и домашняя скотина. Лошадь, на которой ѣздила Мара ночью, имѣетъ на своихъ бокахъ знаки, сдѣланные короткими ногами этого страшилища. Мара не пойдетъ къ скотинѣ, если въ хлѣву вывѣшана убитая сорока; для удаленія Мары отъ людей покупаютъ безъ торгу новый кувшинъ. Желающій избавиться отъ нея, поймавъ на себѣ ночью звѣрка, кладетъ его въ этотъ кувшинъ, или, попросивъ Мару на завтракъ, кладутъ на порогѣ, на кресть,» метлу и топоръ. При заложеніи хижины, когда положатся подвалины, хозяинъ по всѣмъ угламъ на ночь кладетъ по куску хлѣба; ежели на другой день хлѣба въ какомъ либо углу не оказалось, мѣсто это считается несчастнымъ, и тогда подвалины передвигаются. Селянинъ, основывая на хлѣбѣ все свое счастье, по пропавшему на подвалинѣ хлѣбу, полагаетъ, что если не переставитъ хижины, то будетъ терпѣть недостатокъ, а это сократитъ его жизнь. Никогда не ставятъ избы тамъ, гдѣ проходила дорога, по которой рыскаютъ черти и оставляютъ свои слѣды. Дерева, сваленнаго буреломомъ, не годится класть въ стѣну; по мнѣнію селянина, мятель и буря производятся чортомъ, а сваленное вѣтромъ дерево могло своею тяжестію придавить его и напитаться его силой, а по тому положенное въ стѣну можетъ сдѣлать избу притономъ самаго чорта. Всѣ несчастія въ домѣ происходятъ отъ бѣсовской силы; а чтобы избавиться отъ нея, въ новопостроенный домъ прежде всего на ночь впускаютъ черезъ окно пѣтуха и курицу, а слѣдующую ночь гуся, на третью поросенка, на четвертую овцу, на пятую корову, на шестую лошадь. Когда всѣ эти животныя переночевали благополучно, просятъ Священника для освященія, за тѣмъ въ седьмую ночь переносится все семейство. Иногда ограничиваются только однимъ пѣтухомъ: ежели впущенный въ избу пѣтухъ будетъ пѣть — хорошій знакъ; если нѣтъ — дурно. Пѣтухъ, по мнѣнію селянина,

не проспалъ бы своего часа, если бы въ избу не заглянулъ чортъ, испугавши пѣтуха и принудивши его къ молчанію. Чорта изъ избы выгоняютъ вдвоемъ, или втроемъ, потомъ освящаютъ; если все это не поможетъ, обращаются къ знахарю. Грѣшно обѣдать безъ пояса. За роемъ пчелъ гонятся приcѣдая. Со слѣдовъ вора снимаютъ мѣрку и вѣшаютъ въ трубу, чтобы укравшій такъ изсохъ, какъ эта мѣрка. Чтобы прекратить распространеніе пожара, кругомъ горящаго строенія обносятъ хлѣбъ въ решетѣ. Женщина, разрѣшившись отъ бремени, въ теченіи 9-ти недѣль не выдаетъ огня изъ дома. Чтобы водились круглый годъ деньги, надобно побрякать ими въ первый разъ, когда услышишь кукушку, по чему говорятъ: «Сховай три гроши на зозулю!»

(Бобровскій, ч. I-я, 923—825.)

Если кукушка закукуетъ вблизи дома, будетъ свадьба; если закукуетъ на самомъ домѣ, кто ни будь умретъ, а если въ лѣсу, то просятъ ее, чтобы она прокуковала, сколько лѣтъ будетъ жить. Сорока предсказываетъ то же, что и кукушка; указываетъ еще на близкихъ гостей. Воронъ своимъ карканьемъ и перелетомъ черезъ человѣка предвѣщаетъ ему какое ни будь несчастіе, поврежденіе въ тулѣ. Ястребъ своимъ щепетаніемъ: «Пиць, пиць!» предвѣщаетъ дождь (Цирнинъ, Новогор. Уѣзда Минск. Губ.). Если случится, что у одной женщины родится дѣтя, а у другой тогда же умретъ, послѣдняя причиною смерти своего дѣтяти считаетъ новорожденное; иногда она даже держитъ постъ, чтобы Господь отомстилъ за нее матери новорожденнаго (М. Дивинъ, Гродн. Губ. Кобринскаго Уѣзда). Случается, что селянинъ найдетъ яйцо въ такомъ мѣстѣ (гдѣ ни будь въ сараѣ, въ сѣнѣ, соломѣ), гдѣ, по его мнѣнію, куры ни какъ не неслись. Яйцо, значитъ, кто ни будь подбросилъ. Отъ этого непремѣнно должно прозойти несчастіе: пропадетъ волъ, или лошадь; даже самъ хозяинъ можетъ подвергнуться болѣзнямъ, если возметъ яйцо голыми руками. По тому берутъ его обыкновенно въ тряпку, приносятъ въ комнату, вѣшаютъ въ трубѣ и коптятъ мѣсяцъ и больше, чтобы оно совершенно изсохло; такъ, думаютъ, изсохнетъ тотъ человѣкъ, или вѣдьма, которая на зло подбросила яйцо (Родовеничи, Гродн. Губ. Брестск. Уѣзда). Когда отелится корова, то стараются положить теленку въ ротъ ржаной соломы, пока онъ еще не ссалъ матери: надѣются, что такой теленокъ будетъ неразборчивъ потомъ от-

носительно корма. Боятся, чтобы корова не съѣла того сѣна, или соломы, гдѣ лежалъ родившійся теленокъ: въ противномъ случаѣ молоко, въ продолженіи одиннадцати недѣль, будетъ превращаться въ пѣну, «шумъ.» Когда родится теленокъ, все семейство идетъ въ хлѣвъ и, при видѣ теленка, говоритъ: «Тьфу, тьфу, куры умарали!» и въ заключеніе плюетъ: теленокъ не будетъ бояться уроковъ. Въ этотъ день никому ничего не одолжаютъ: иначе теленокъ не будетъ заходить домой. На третій день послѣ рожденія теленка, хозяинъ трубитъ ему въ ухо, приговаривая три раза: «Бычекъ (телушка) до дому!» послѣ этого онъ не будетъ отлучаться отъ стада и отъ дома.

(Красная, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

Разсказъ про чертей. 1. Черти постоянно сидятъ въ водѣ и болотѣ. Когда освятятъ воду, они переходятъ на вербу: по освященіи вербы переходятъ въ зелье, а отсюда обратно въ воду. Такой переходъ совершается постоянно. Старшій чортъ, Антихристъ, прикованъ въ аду, на цѣпи, которую постоянно грызетъ; каждый годъ до Пасхи онъ успѣваетъ почти всю ее перегрызть; но лишь только раздастся: «Христосъ воскресе!» цѣпь опять дѣлается вполнѣ цѣлою, и опять, съизнова, начинается старая работа Антихриста. Во время оно чертей было очень много, такъ что они постоянно таскались по деревнямъ и обманывали людей; теперь ихъ стало меньше, а со временемъ и всѣ исчезнутъ, по тому что ихъ бьетъ громъ.

2. Какой-то мельникъ далеко отъ деревни дѣлалъ камень на мельницу. Вдругъ небо покрылось тучами, начались громъ и молнія. Мельникъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, перекрестилъ кругомъ себя и легъ около камня отдыхать. Тутъ приступилъ къ нему дьяволъ: «Иванъ, Иванъ,» сказалъ онъ, «идемъ домой.» Иванъ увидѣлъ у чорта куриные ножки и сказалъ: «На льнище головище булавище!» слова, которыхъ черти яко бы очень боятся. По этому случаю передаютъ слѣдующее. Однажды какой-то человѣкъ шелъ со свадьбы. Повстрѣчался онъ съ чортомъ, который несъ около пуда денегъ. Поздоровались они и чертъ просилъ мужичка понести ношу. Взявши ношу, мужичекъ спрашиваетъ черта: «А какъ у васъ ссорятся?» — «На льнище головище булавище!» былъ отвѣтъ. «Этихъ словъ мы очень

боимся.» — «А у васъ какъ ссорятся?» спросилъ взаимно чортъ. «Не боюсь чорта,» отвѣчалъ селянинъ, замотавшій на усъ слова чорта. Когда пришлось разставаться и чортъ хотѣлъ взять деньги, селянинъ сказалъ ему только: «На льнище головище булавище!» и чортъ, что есть мочи, бросился въ ноги. Деньги остались у селянина.

(Новогор. Уѣзда Минск. Губ. передалъ А. Дударевичъ.)

Сказка. Бувъ собѣ одинъ ксёндзъ который мѣвъ трои конй и потребовавъ парубка, кобы ихъ пасти, и поѣхавъ шукати. Такъ иде, ажно иде хлопець. Спитався, чы не мугъ бы ты у мене за парубка служити: бульшъ ниякой роботы не буде, тулько три конй пасти: куды вони пуйдуть, и ты за ними иди, а що будуть ѣсти, кобысь на показъ принюсъ. То хлопець на тое приставъ, и погнавъ конй на пашу. Конй идуть, идуть, и вунъ за ними иде, стали коло лужка, а вунъ ну дрêмати, а вони далѣй пушли. Оточи вунъ прочкнуся, ажно не машь конй. Ну вунъ шукати, ажно вечеромъ вони сами идуть назадъ, и пригнавъ до дому. Оточи ксёндзъ спитався: «Чы ѣли конй?» — «Ѣли.» «А що ѣли?» «Ажъ ни якого показу; то ксёндзъ ёго пругнавъ, и поѣхавъ другого шукати.

Знову йдучи, наторопивъ другого, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка бути? Бульшъ не буде роботы, тулько три конй пастй.» — «Добре,» каже. Но коли конй пугнавъ, коло того самого лужка заснувъ и ничого на показъ не принюсъ, що конй ѣли. То и того, ксёндзъ выбивъ, выбывъ, и знову прогнавъ.

Знову ну третьяго шукати, и споткавъ на дорозѣ, и ставъ ёго пытати: «Чы не мугъ бы ты у мене за парубка буты? Бульшъ не буде роботы, тулько три конй пасти: куды вони пуйдуть, и ты за ими иди, а що вони будуть ѣсти, кобысь на показъ принюсъ.» Парубокъ каже: «Добре!»и конй на пашу погнавъ. Конй идуть, идуть, и вунъ за ними иде, пришли до лужка, сонъ ёго морочить, а вунъ не спить; конй далѣй, вунъ всё за ними, ажъ пришли на поле. Поле хороше и травы много, а овечки ходять худые и всё тмяны. Знову подышовъ за куньми, ажно знову поле тмяне и травы не машь, а овечки ходять тлусты и всё чисты. Конй далѣй, вунъ за ними, ажъ сидить баба, коло ей булки и всё добро лежить, а вона кричить: «Ѣсти,

ѣсти!» ажъ вунъ пытае: «Чого ты, бабо, кричишь ѣсти, коли коло тебе булки лежать?» А вона ёму: «Иди ты собѣ туды, де идешь!» и вунъ знову подышовъ, ажно у чоловѣка черезъ горло вода иде, а вунъ пити кричить; ото жь каже пастухъ: «Що тобѣ, чоловѣче: вода черезъ горло иде, а ты пити кричишь?» А вунъ ёму: «Иди собѣ туды, де идешь!» Конѝ пушли, и вунъ пушовъ. Ажно стоить косьцюль мурованый и курганъ высокій, ворота отчинилися, конѝ вбѣгли и знову замкнулися. Такъ вунъ стоить, стоить, и ну плакати: «Що я теперь почну!» Ажно брама отчиняется, конѝ выбѣгають и выносять ёму каждый по киточцѣ винограда на грывѣ. Вунъ тое взявъ и за пазуху сховавъ на показъ, конѝ пушли назадъ вунъ, за ними ажъ до дому.

Оточи конѝ пригнавъ, пытаетця ксёндзъ: «Чы ѣли конѝ?» — «Ѣли.» — «Покажи на показъ!» ажъ вунъ вынявъ зъ запазухи и показавъ, що виноградъ ѣли. «Добре!» ксёндзъ сказавъ, и запытавъ: «Що жь бульшъ бачивъ?» — «Бачивъ, каже, поле, поле хороше и травы мнуго, а овечки ходять по нюмъ худыи и тмяне,» а ксёндзъ ёму отказуе: «То не есть, сынку, овечки, але души панувъ Ляхувъ, губительникувъ, що на сюмъ свѣтѣ мужикувъ гнембили гвалтами, даремникомъ, толокою и панщиной, въ холодѣ, голодѣ, въ бѣдѣ мучилися, то ихъ Панъ Бугъ скаравъ ихъ на тумъ свѣтѣ на горкую сухоту. Знову пытае: «Що жь ты бульшъ бачивъ?» — «Бачивъ: поле тмяне и травы нема, овечки глусты и чисты.» — «И то не овечки, отказавъ, але души мужикувъ, которые на сюмъ свѣтѣ Бугъ надгородивъ, що вони всюды щасливы.» «А ще жь, що бульшъ бачивъ?» Вунъ каже: «Бачивъ до кола бабы булки и всё добро лежить, а вона ѣсти кричить.» То душа, каже ксёндзъ, окомончи, що на сюмъ свѣтъ мнуго добра мѣла, слугамъ не платила, сторожка была, дѣдови куска хлѣба жаловала, то на тумъ свѣтѣ осудивъ ею Панъ Бугъ на вѣчный голодъ, що всё мае, и ѣсти кричить.» Нарешто пытае: «Що жь ще бачивъ?» — Бачивъ, каже, черезъ горло чоловѣка вода иде, а вунъ пити кричить. — «То бувъ, казавъ ксёндзъ, на сюмъ свѣтѣ вуйтъ лихій, розбуйникъ, опуйця, що чужую кровь пивъ, при жнивѣ воды жаловавъ, то ёго Панъ Бугъ на тамтумъ свѣтѣ осудивъ на смагу, що ёму черезъ горло вода иде, а вунъ не може напитися. А тые конѝ, що ты пасъ, то не конѝ, але Анѣлы: вони тобѣ показали, якая надгорода будеть, добрымъ, а якая лихимъ,» и вунъ вельми злякався. И ксёндзъ, взявши, хорошенько пастуховѣ заплативъ и отправивъ.

(Зап. И. Захарчукъ. Верховичи, Слон. Уѣзда Гродн. Губерніи.)

Путешествіе Жидовъ. Однажды 12 Жидовъ отправились попутешествовать. Послѣ нѣкотораго времени нашимъ путешественникамъ показалось (дѣло было вечеромъ), будто не подалеку стоитъ волкъ. Вотъ умнѣйшій между ними взялъ свои книжки, «цитувъ, поцитувъ, на колѣни стувши выплакувъ, и сказувъ, сто нузно выбрахаць изъ одна сабака.» Всѣ Жиды въ одинъ голосъ закричали: «Гамъ!» Но мнимый волкъ не трогался съ мѣста. Умнѣйшій опять повторилъ то же и сказалъ: «Гето нузно выбрахаць изъ два собака.» Жиды опять закричали: «Гамъ, гамъ!» Но волкъ по прежнему ославался на одномъ мѣстѣ. По новому распоряженію «вибрахаць изъ три сабакъ,» всѣ Жиды закричали: «Гамъ, гамъ, гамъ!» Но, увы, успѣха не было. Тогда умнѣйшій еще разъ свои книжки «цитувъ, цитувъ, на колѣни стувши, виплакувъ, и сказалъ: «Сто нузно виноцовать.» Жиды переночевали и увидѣли, что воображаемый волкъ былъ не болѣе, какъ горѣлый пень. Въ дальнѣйшемъ путешествіи Жиды увидѣли гречиху и не знали, что это такое. Къ счастію мимо проходилъ селянинъ; вотъ Жиды и спрашиваютъ: «Сто гето такое?»—«Море,» отвѣчалъ селянинъ.—«А якъ намъ перейти на другую сторону?»—«Плывите!» Вотъ Жиды сбросили съ себя одежу и стали ползти по гречихѣ. Переплывъ море, они начали считать, не утонулъ ли кто ни будь. Одинъ Жидъ считалъ, считалъ, и насчиталъ всего только одиннадцать, другой тоже и т. д. Одного Жида недоставало. Дѣло въ томъ, что всякій считавшій не считалъ себя Вотъ они призвали какого-то селянина, чтобы онъ пересчиталъ ихъ. Селянинъ исполнилъ желаніе: взявъ хорошую палку, сталъ ихъ «отсчитывать.» Не «отсчиталъ» еще и трехъ, какъ всѣ Жиды закричали: «Всѣ, всѣ!» Послѣ этого дѣла шли цѣлый день, и вечеромъ пришли къ лѣсу. Нужно ночевать. Но всякій Жидъ боится ложиться съ краю. Къ счастію проходитъ мимо лѣсникъ. Жиды обратились къ нему съ просьбою размѣстить ихъ такъ, чтобы никого не было съ краю. Лѣсникъ положилъ ихъ вокругъ муравейника и приказалъ имъ не шевелиться, «въ противномъ случаѣ, говорилъ, всѣ погибнете.»—«А якъ зе мы розберемъ ноги?» — «Я самъ завтра приду и розберу.» На другой день лѣсникъ пришелъ съ большою палкою, и сталъ разбирать ноги, т. е., какъ ударитъ Жида палкою по ногамъ, Жидъ и узнаетъ свои ноги. Испытавши всю непріятность своего путешествія, Жиды поспѣшили домой.

(Передалъ Д. Шамшура. Чересы, Дисн. Уѣзда Вилен. Губ.).

Обманъ Цыганкою сельской женщины. Однажды цѣлое семейство Цыганъ, въ полуверстѣ отъ деревни, остановилось ночевать въ одномъ лѣску. Съ наступленіемъ утра Цыганка пошла въ деревню ворожить. Побывала она въ одномъ домѣ, въ другомъ, третьемъ: въ послѣднемъ жилъ довольно зажиточный, бездѣтный хозяинъ. Къ счастію Цыганки, хозяина не было дома, застала она только его жену. Цыганка, вошедши въ домъ, по обыкновенію своему, начала ворожить; а тутъ къ ней хозяйка съ просьбою поворожить, будутъ ли у нея дѣти? Посмотрѣвши на ея руку и покачавъ головою, Цыганка сказала: «Охъ, моя матко милая, тобѣ гето зробилося отъ мертвеца, якъ ты его цѣловала у руку, будучи еще незамужною.» Хозяйка думала, думала, и ну просить Цыганку помочь ей въ ея горѣ; Цыганкѣ это и на руку. Она и говоритъ хозяйкѣ: «Треба, моя матко, зробиць относъ твойго бездѣтства; а для гетого десятокъ яицъ, жареного поросенка, жареную курку, три фунты свининки, треба отнесци и положиць подъ однимъ деревомъ, щобы вовкъ, или собака, все гето съѣла. Еще, моя матко, дай мнѣ три локци полотна, свою сорочку, въ которой вѣнчалась, хвартухъ, ручникъ и булочку пшеничнаго хлѣба: гето все я отнесу и повѣшу на деревѣ, надъ криницею, щобъ русалки взяли собѣ на сорочки.» Хозяйка исполнила приказаніе. Дѣло этимъ не кончилось. На другой день Цыганка опять идетъ къ хозяйкѣ, которая ожидала ее. Теперь она сдѣлала такого рода предложеніе: велѣла хозяйкѣ влѣзть по поясъ въ мѣшокъ, опоясаться и стать посреди комнаты на колѣняхъ; сама же взяла стаканъ съ водою, насыпала туда соли, вынула изъ своего кармана желтаго песку, взяла золы, перемѣшала все это, насыпала въ обѣ руки и стала шептать что-то надъ водою; пошептавши, она дала воду хозяйкѣ выпить. Давши выпить хозяйкѣ воду, Цыганка отправилась якобы шептать что-то еще на дворъ, строго приказавъ хозяйкѣ не трогаться съ мѣста, сама же между тѣмъ забралась въ амбаръ, набрала, чего хотѣла, и отправилась въ таборъ, который собирался уже въ путь; хозяйка съ пескомъ въ рукахъ, съ яйцомъ на головѣ, по поясъ въ мѣшкѣ и на колѣняхъ, стояла до тѣхъ поръ, пока не пришла сосѣдка къ ней и не указала ея смѣшного положенія.

(Передалъ И. Гомза. Цырнинъ, Минск. Губ. Новогор. Уѣзда.)

О Лидскомъ за́мкѣ. Причиной постройки этого за́мка, по разсказамъ стариковъ, было слѣдующее обстоятельство: Одинъ изъ Литовскихъ Князей женился на Польской плѣнницѣ, и до того ее любилъ, что, въ память ея, построилъ за́мокъ и назвалъ по имени ея «Боною.»

Выписавъ работниковъ, изъ Нѣмецкой земли, Князь велѣлъ производить постройку. По окончаніи постройки за́мка Князь отдалъ все свое богатство (войско, пушки) своей любимой женѣ и на всегда велѣлъ ей оставаться въ за́мкѣ. Самъ онъ вскоромъ времени скончался, а за Княземъ скончались и мастера, строившіе за́мокъ. Еще передъ смертію онъ приказалъ женѣ своей похоронить его вмѣстѣ съ мастерами въ за́мкѣ, а въ противномъ случаѣ, говорилъ Князь, ее вѣчно будетъ мучить дьяволъ. Всѣ приказанія своего мужа Княгиня обѣщала исполнить при жизни Князя; но какъ только онъ умеръ, многіе Литовскіе и Польскіе Князья пріѣхали въ за́мокъ и просили ея руки; Княгиня забыла обѣщаніе мужу; велѣла тѣло его занести за за́мокъ и похоронить тамъ. Не успѣли Князя занести въ назначенное мѣсто, какъ жена его, Бона, исчезла. По преданію, она провалилась сквозь землю «въ пекло» (въ адъ). Много прошло времени послѣ этого, видѣлъ ее во снѣ одинъ Дьячекъ, у котораго она просила спасти ее, но всѣ его попытки спасти Княгиню не удались. Говорятъ еще, что она каждый годъ на первый день Пасхи освобождается отъ мученія и выходитъ поплакать на Божій свѣтъ, стережетъ же ее яко бы черная собака. На томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ Князь, выросли, какъ говорятъ, три сосны: одну изъ нихъ кто-то срубилъ, и въ скоромъ времени умеръ; отъ того пошла молва, что нельзя рубить этихъ сосенъ: скоро, молъ, умрешь.

(Сообщилъ В. Генваревъ, Лида, Вилен. Губ.)

М. Лебедево. Въ Виленской Губерніи, въ Вилейскомъ Уѣздѣ, находится М. Лебедево, расположенное по обѣимъ сторонамъ небольшаго ручейка. Объ основаніи его сохранилось между селянами слѣдующее преданіе: На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь М. Лебедево, когда-то, въ незапамятное время, было непроходимое, бездонное, болото, поросшее густымъ кустарникомъ. Какой-то Русскій человѣкъ, поселившись на сосѣдней горѣ, началъ копать колодезь. Долго трудился онъ надъ своимъ дѣломъ, и никакимъ образомъ не могъ добыть себѣ воды. Наконецъ онъ рѣшился

оставить это мѣсто и начать копать колодезь въ другомъ. Трудъ его, однако, даромъ не пропалъ: на завтрешній день утромъ, онъ выходитъ изъ своего дома и, къ немалому удивленію, слышитъ необыкновенный шумъ и трескъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла. Подошедши къ знакомому мѣсту, онъ увидѣлъ, что вода быстро съ трескомъ и шумомъ вырывается изъ земли и бьетъ ключемъ на нѣсколько саженей вверхъ. Отсюда съ этихъ поръ потекла рѣчка, которую онъ назвалъ Лебедянкою, что яко бы значитъ не пропавшій трудъ. Удивившись такому необыкновенному явленію, Русскій человѣкъ возвратился домой и оставался жить на прежнемъ мѣстѣ. Къ нему все больше и больше изъ разныхъ мѣстъ сталъ собираться народъ; черезъ нѣсколько времени образова, лось цѣлое селеніе, которое было названо старымъ. Въ этомъ же селеніи, для совершенія Богослуженія, была построена и каменная церковь, такъ какъ поселившійся народъ здѣсь былъ все Русскій, Православный. Но вотъ одно страшное обстоятельство заставило жителей переселиться на другое, болѣе удобное, мѣсто. Въ одинъ праздничный день много собралось людей въ церковь къ обѣднѣ, и не извѣстно, по какой причинѣ, во время совершенія литургіи, раздался подземный гулъ и трескъ, въ слѣдствіе чего земля разверзлась, и церковь, со всѣмъ, находящимся въ ней народомъ, въ одно мгновеніе провалилась. Тогда всѣ, оставшіеся въ живыхъ, опасаясь, чтобы и съ ними не случилось тоже, забрали кто что имѣлъ и расположились нѣсколько дальше по обѣимъ сторонамъ рѣчки Лябедянки. Къ нимъ болѣе и болѣе сталъ присоединяться народъ и, съ теченіемъ времени, образовалось цѣлое мѣстечко, извѣстное теперь подъ именемъ Лебедева.

(Сообщ. Л. Зиновичъ.)

О сотвореніи міра, шляхты, мужика. Богъ сатваривъ свѣтъ, гето нябо, зямлю, звѣровъ, птушатъ и всё, што тольки есць на свѣцѣ, апрочь людзей. Видзиць Богъ, што всё такъ добра, захацѣвъ сатворить и людзей. Вотъ Іонъ взявъ пшеничной муки, сатваривъ шляхтовъ, и паставивъ ихъ на сонце сущиць, а самъ пашовъ на глиняную гору мужика тварицъ; а тѣмъ часомъ, аткуль ни прибѣгла «сабака» (самка) и усѣхъ шляхтовъ паѣла. Богъ сатваривъ изъ глины мужика, паставивъ и яго на сонцѣ, кабъ засохъ, а самъ пашовъ глядзѣць, ци ня засохли уже шляхты. Приходзиць Іонъ, ажъ а ни аднаго шляхцица, тольки стаиць «сабака.» Богъ узнавъ, што шляхтовъ паѣла сабака

Якъ хвациць Богъ сабаку, якъ дасць абъ камень — выскачивъ адзинъ шляхциць, и ставъ называтьця: Каминскій; абъ асину — Асинскій; абъ ольху — Альховскій, абъ дубъ — Дубовскій, абъ березу — Березовскій, абъ сасну — Сасновскій и проч.

(М. Шамшура и Чересы, Дисн. Уѣзда, Вилен. Губ.)

Юл. Крачковскій.

1-го Октября, 1872 года.
Полоцкъ.

2011109953